

БЛАГОНАМЪБРЕННЫЙ.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Измайловъ.

On fait ce qu'on peut,
Et non ce qu'on veut.

~~~~~  
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.  
~~~~~

~~~~~
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи.

1818 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, предспавлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библиотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Октября 4 дня 1818 года.

*Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тилковскій.*

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

Октябрь 1818. N° X.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

I. СТИХОТВОРЕНІЯ.

ТИРСИСЪ.

Идиллія.

Вечерняя заря блѣднѣя догорала;
Послѣдній лучъ ея за рощею исчезъ,
И полная луна съ востока выплывала
По тусклой синевѣ безоблачныхъ небесъ.
Тирсисъ, въ задумчивости сладкой,
Одинъ надъ озеромъ стоялъ,
И шихо взоръ его поникнумый блуждалъ
Изъ края въ край по гладкой
Поверхности спокойныхъ водъ,
Въ копорыхъ отраженъ былъ мѣсяца вос-
ходъ.

Сколь сильны иногда благія впечатлѣнья
 , Для юныхъ и просныхъ сердець!

Злой волькъ у Дафниса похищилъ двухъ
 овецъ,

Все, что отъ скуднаго имѣнья

Оставишь могъ ему отецъ.

Вѣднѣкъ конечно бы опъ горя сокрушился,

Но съ нимъ Цезифъ послѣднимъ подѣ-
 лился:

Въ замѣнь похищенныхъ привелъ ему своихъ.

Тирсисъ нечаянно случился

Въ то время близко ихъ;

Не бывъ примѣснымъ, онъ видѣлъ очень ясно

Съ какимъ радушіемъ Цезифъ овецъ дарилъ,

Въ какомъ восторгѣ /былъ несчаст-
 ной,

И подвигъ юноши прекрасной

Изъ мыслей у него весь день не выходилъ:

Съ нимъ онъ и по полямъ задумавшись бро-
 дилъ,

Съ нимъ и надъ озеромъ въ мечтахъ оспа-
 новился.

„ О! какъ пріятно добрымъ бышь! —

Онъ съ чувствомъ наконецъ сказалъ и про-
 слезился. —

Какъ весело благошворить!

Теперь лишь познаю, родитель незабвенный!

Сколь рано для меня могилой похищенный,

Теперь лишь познаю всю цѣну шѣхъ бесѣдъ,

Когда, невинностью моею умиленный,

Ты повторялъ младенцу мнѣ завѣшь
 Любишь боговъ и добродѣшель!
 Когда, опецъ сиропъ, несчастныхъ благо-
 дѣшель,
 Обнявъ меня, швердиль, что помогаешь дру-
 гимъ,
 Дѣлишься съ бѣдными, прислуживаешь боль-
 нымъ,
 Есть долгъ священнѣйшій, такое наслаж-
 денье;
 Котораго ничто не можетъ замѣнить!
 Я общалъ тебѣ себя достойнымъ быть;
 Но могъ ли я тогда цѣнить
 Теперь поясное швое мнѣ наставленье?
 Такъ, это сладкое души моей движенье,
 Которымъ я Цефизу одолженъ,
 Ручается тебѣ, что прудъ швой награж-
 денъ,
 Что сынъ швой не забылъ опеческихъ вну-
 шеній! . . .
 Опнынѣ слѣдовать начну во всемъ тебѣ,
 Пойду путемъ благошвореній,
 Жить буду для другихъ, себяжь — предамъ
 судьбѣ;
 И всякой разъ, когда при помощи небесной,
 Сей продолжая путь,
 Случится сдѣлашь мнѣ добро кому нибудь —
 Спасишь рукою неизвѣстной
 Убогаго опъ нищеты
 Иль слезы осушишь безродной сиропы —

На гробъ швой свѣжіе посыплются цвѣшны,
И спадъ моихъ млеко обильно изліется!

Ты эши чувсшва мнѣ, родитель мой, вну-
шилъ,

Ты первый добрымъ бышь Тирсиса нау-
чилъ —

Тебѣ же первому имъ жертва принесешся!

В — рѣ П — еѣ.

ОТРЫВОКЪ изъ ВОЛЬТЕРОВОЙ ТРАГЕДІИ:
ОРЕСТЬ.

Дѣйствіе V. Явленіе 6.
Электра, Ифиза.

Ифиза.

Ахъ! богъ, губящій насъ, весь гнѣвъ свой
                                                испощаетъ!
Нѣтъ! не сыновню жизнь Царица защи-
                                                щаетъ,
Но лютому врагу покорствуетъ она:
Въ ней нѣжность мапери совсемъ умерщ-
                                                влена!
И жалоспный нашъ вопль и совѣспи му-
                                                ченья
Безильны насъ укрышь опъ извергова
                                                мщенья;
Эгисъ свирѣпсвуя, мнишь сохранишь
                                                себя
И ушвердишь свой пронъ, весь родъ нашъ
                                                исшребя —
Разишь — и мы падемъ!..

Электра.

И я его просила!
Слушая въ гробъ ногой, себѣ я измѣнила!
И я унизиться рѣшила до шого,

Чѣшобъ умоляшь врага, пирана моего!
 И въ часъ, когда себя презрѣнъемъ покрываю,
 Я гибель брашнюю лишь только ускорю!...
 Все, что казало намъ спасенья ложный видъ,
 Все неизбѣжною намъ пагубой грозить!..
 Гдѣ тѣ друзья, Паммень на коихъ полага-
 гался?
 Народъ, что хищнику правдивой месью
 клялся?
 Гдѣ боги, щившіесь Ореспа оружать,
 Препя ему сеспру несчастну утѣшать?
 Вы, дщери мрачныя геенскія упробы!
 Вы, попрысавшія здѣсь пламенники злобы!
 Гдѣ вы? — Я мнила, вся природа въ оный
 часъ
 Вооружалася на мой прискорбный гласъ.
 Но торжествуетъ врагъ, а брашъ мой жизнь
 шеряетъ!
 Нѣтъ! — боги, смершныя — самъ адъ мнѣ
 измѣняетъ!

Ифиза.

На кто идетъ сюда? — Ореспонъ другъ Пи-
 ладъ...
 О горе, горе намъ! погибъ несчастный
 брашъ!

Явленіе 7.
Электра, Ифиза, Пиладѣ.

Электра.

Свершилося! увы!.

Пиладѣ.

Такъ, все уже свершилось!
Все бѣдство на главу Эгиста обрашилось:
Въ сей самый часъ Орестъ на царство воз-
веденъ,
И я пришелъ сюда, чѣшобъ швой разпор-
гнушь плѣнь.

Ифиза.

О радость!

Электра.

Чувствъ моихъ сама не поспигаю,
И счастью моему еще не довѣряю!
Орестъ!... возможно ли?... сколь правъ
небесъ законъ!
Другъ брата моего! скажи скорѣй, гдѣ онъ?

Пиладѣ.

Гоповишся свершишь Судебъ ему велѣнье,
За кровь родишеля воздашь законно мщенье.

Электра.

Какой всевластный богъ къ намъ обратился
сердца?

Пиладъ.

Велики имена и сына и опца,
Твои несчастія, спраданыя, добродѣтель
И правда вѣчная, всѣхъ нашихъ дѣлъ сви-
дѣтель.

Когда вельнѣемъ былъ Эгисша приведенъ,
Чтобъ съ нами казнь приймешь, нашъ вѣр-
ный другъ Паммень,
Въ безмолвномъ ужасѣ народъ вокругъ насъ
скопился,
Но скрышный гнѣвъ его во взорахъ отра-
жался:

Оспрядами рабовъ пирана окруженъ,
Народъ удерживать свой ропотъ принуж-
денъ.

Ореспъ, вдругъ обращая къ стражѣ пред-
споявшей

И наше каждое движенъе наблюдавшей,
Въщаль: „дерзнетель вы Ореспа умер-
твишь.

И кровь послѣднюю своихъ Царей пролишь?
Рѣшайтесь!“ — И народъ, какъ бы сражен-
ный громомъ,

Споядъ — и въ сихъ рѣчахъ, въ семъ голосѣ
знакомомъ,

Въ чертахъ, гдѣ доблесци самой являлся
 видѣ,
 Намъ мнилось, будто бы самъ вождь Ца-
 рей, Амридь,
 Разсѣвъ гроба мракъ могущими руками,
 Пришелъ повелѣвать Ахейскими полками.
 Я дружествомъ внушень, къ народу гово-
 риль. —
 „Орестъ! Пиладь!“ народъ съ воспоргомъ
 возгласиль.
 Клеврепы хищника къ намъ шопчасъ по-
 спѣшили —
 Прибѣгли — и мечи со страхомъ опустили,
 И мы окружены лишь сонмомъ вѣжныхъ
 чадъ! —
 И шумной радости не находя преградъ,
 Ореста несъ народъ на дланяхъ соплешен-
 ныхъ,
 При кликахъ, въ честь ему спокрашно по-
 впоренныхъ.
 Эгистъ съ шолпой убійць, какъ вихрь, на
 насъ лепишь —
 Приблизился — и чпожь? — Царя въ Орестѣ
 зришь.
 Мгновенно буйшвенна исчезла въ немъ гор-
 дыня,
 Рабы оставили, разсѣялась дружина;
 Лясщецы, привыкшіе прахъ ногъ его лоб-
 зать,
 Стѣрались видѣ ему презришельный базать.

О грозный день суда, день вѣчно незабвен-
ный!

Оковы пали съ насъ — и хищникъ унижен-
ный

Въ оковахъ зришься самъ, опринушь, по-
носимъ;

Царица лишь одна послѣдуетъ за нимъ:

Она, забывъ свой санъ, пирана охраняешь,

Ошь мещи воиновъ укрышь его желаешь,

Бросается въ толпы съ безужаснымъ че-
ломъ,

И спавя грудь свою вездѣ ему щипомъ,

Грозящи извергу удары отклоняешь,

И пощадить его Ореста заклинаешь!

Орещъ, чья матери священныя права,

Въщаль — и хищника пощажена глава.

Орещъ, величьемъ души ошь бѣдъ спасен-
ный,

Днесъ Царь, со славою на шронѣ ушверж-
денный!

Ифиза.

Ахъ! поспѣшимъ его въ семь поржествъ
узрьшь

И... слезы матери пощимся очерещъ.

Электра.

Сколь благи Вышніе Правители вселенны!

(Къ Циладу.)

Защитникъ нашъ и другъ Ореста неиз-
мѣнный!

Пойдемъ . . .

Пиладъ (разторгая ея оковы)

Да будетъ цѣль сія сокрушена:

Не цѣпи, скиптръ носишь Электра рож-
дена!

Орестъ Соловѣ.

~ ~ ~ ~ ~

Опрывокъ изъ Посланія *Ла Гарна*
къ Графу *Шувалову* о дѣйствіяхъ
сельской природы и о Поэзіи опи-
сательной.

Хошите ли плѣнишь воспоргомъ вѣжнымъ
насъ,
О вы, чувствительны любовники — Поэты?
Старайтесь находить вокругъ себя пред-
меты,
Воспламенишь могли кошорые бы васъ:
Въ уклони роць младыхъ, пѣнями покров-
венны,
Гдѣ любить забывашъ сшылливостъ кра-
сота,
Подъ сводъ густыхъ вѣшвей, природою
сплешенныхъ,
Да привлечетъ шуда васъ сладкая мечта!
Когдажъ надъ вашёю душою,
Любовь пріяла власшь, и сердце пягошитъ,
Въ глуши дѣсовъ тогда сокройтесь съ по-
свою:
Тамъ времени печашъ на деревьяхъ лежишь,
Копорыхъ кровь уединенный
Всѣ ваши пайны сохранишь.
Приблжышесь подъ сіи деревья наклоненны
И мглой шайнспвенной, густою обремененны;

Отъ шума удалась и отъ дневныхъ лучей,
 Дерзайте въ глубину проникнуть сихъ пу-
 шей,
 Гдѣ царствуютъ покой и мертвое мол-
 чанье.

Съ природой въ сихъ мѣстахъ хопишель
 обитать?

Здѣсь ночи вѣчное найдете пребыванье;
 Задумавшись, деревья, вы спанете вни-
 машь;

Въ снѣгахъ внушенныхъ вамъ ихъ мрака
 созерцаемъ

Священна ужаса примѣтите печать!...

Подъ тѣнью сихъ дубовъ маслнстыхъ,
 Отъ взоровъ уклонясь, одна, сама съ со-
 бой,

Въ мѣстахъ отъ смертныхъ позабы-
 шыхъ,

Здѣсь *Меланхолия* питаетъ духъ мечпой!

Скорбь, радости ея, одной лишь ей из-
 вѣстны,

Печаль, мракъ дикихъ мѣстъ бывають ей
 прелестны,

Ей нравишься въ глуши уединенной бышь

И слезы сладостны съ воспоминаньемъ
 лишь;

Её одинъ предметъ любимый занимаетъ,

Однимъ плененная — одно воображаетъ;

Желаетъ тайну скрыть — но пайна на о-
 чахъ;

Взоръ ищешь жалости въ чувствительныхъ
 сердцахъ;
 Вдыхаешь въ глубинѣ души своей уны-
 лой,
 Надежда ей одна бытъ можетъ въ свѣтѣ
 милой,
 Дерзаешь съ робостью желанье проспи-
 рать
 Ко счастью дальнему — не мня имъ обла-
 дать.

Кто юныя лѣта свои воспоминая,
 Сердечной радости въ себѣ не ощущалъ?

И кто не вспоминалъ вздыхая,
 И первыхъ склонностей и горестей началъ?
 Разсудокъ сиротій нашъ иными ужь очами
 Взираешь на мечты сихъ лѣтъ,
 Когда во цвѣтѣ ихъ, соупствуемъ спра-
 сьями,
 Спрямился юноша одинъ въ сей бурный
 свѣтъ;
 Въ безпечности злѣшой, близъ пропастей
 спущая,
 Слѣпому случаю судьбу свою вѣряя,
 Онъ душу первому льстецу готовъ ра-
 скрыть
 И руку лобызать, хотящую сразить;
 Чуждъ подозрѣнiя, не зная опасаться,
 Чшипъ добродѣтели умѣючи мѣняются
 И во вселенной сей блаженства видипъ
 храмъ;

Прелесно все ему, все сердце обольщаетъ,
 Невѣрною Нисою я былъ обманушь самъ,
 Тогда, какъ счастье намъ все въ міръ обѣ-
 щаетъ,
 Для сердца милую когда вездѣ искалъ!...
 Съдой зимѣ тогда ужъ осень уступала,
 Я грусть свою въ поляхъ поблекшихъ раз-
 сѣвалъ,
 Съ душой природа вся, казалось, посвободила;
 Густой покрѣвъ съ древесъ шумящій вѣтръ
 срывалъ;
 Стопы мои красу сихъ рощей попирали,
 И пшички съ скорбью шѣвъ родную оста-
 вляли!

Подъ сводомъ облачныхъ небесъ
 Лишь обнаженны зрѣлъ я вѣшвія древесъ;
 Суровыя зимы предвѣстники явились;
 И вѣтры буйные со свисномъ заclubились;
 Протяжный грозный вой лѣсовъ,
 Однообразный шумъ пѣнящихся валовъ,
 Мое уныніе лизали
 И слезы изъ очей внезапно упадали.
 „Сколь мраченъ, я вѣдалъ, шеперь природы
 видѣть!
 „Всѣ, что ни зрю вокругъ, подобно мнѣ
 грустятъ;
 „Природа въ сиротствѣ, но съ юною ве-
 сною
 „Вновь радость на луга слетитъ —
 „А мнѣ не разцвѣсти увядшею душою!...“

Вопь какъ несчастные, любовникъ, иль
 пѣвецъ
 Садовъ, невинныхъ сель и мирныхъ наслаж-
 деній,
 Заимствуя свой даръ опъ шайныхъ впечат-
 плѣній,
 Сей повпорякушъ гласъ чувствительныхъ
 сердець!
 Природы дикій видъ, который страхъ все-
 ляетъ,
 Величіемъ своимъ насъ часто восхищаешь;
 Въ степяхъ есть краса — и въ ужасахъ
 нарядъ.
 Горь ошдаленныхъ сихъ изшедши изъ сре-
 дины,

Вопъ Рона пролилась въ равнины,
 Шумъ слышенъ мнѣ вдали... споны мои
 спѣшатъ
 Къ скаламъ симъ, вѣчнымъ льдомъ и хла-
 домъ покровеннымъ,
 Предѣлы міру гдѣ, мечтаю я, стоятъ;
 Изгибами рѣки сквозь дебрей мракъ веден-
 ный,
 Зрю бога водъ ея:—онъ на утесъ склонясь,
 На волны ярыя у ногъ своихъ взираешь;
 Начала мрачнаго какъ будшо устыдьясь,
 Рѣка въ шеченіи клубится, прибываетъ,
 Иль въ водопадъ преобращаясь,
 Блещащимъ хрусталемъ съ утеса внизъ
 сверкаетъ,

Съ порога на порогъ, отъ брега въ берегъ
бьешь,
И возгордяся вдругъ нахлынувшей волною,
Съ порывами крушитъ обломки за собою,
Вверхъ корнемъ дерева подрытый влечетъ,
Въ разгнѣванны валы кремнистыхъ горъ съ
вершины
Ледъ съ шрескомъ падаетъ — и брызги
вверхъ лешяпъ! . . .
Брегъ подмывается — и воды мчась кипящъ;
Ревъ страшный далѣко отозвался въ долины,
Ошгрянулъ мрачный боръ! .
Обширныя поля повъ бурный заливаешь,
И отшорженны глыбы горъ
Въ смященный Океанъ съ спремленьемъ по-
вергаешь.

Норовъ.

СОНЪ МАЛЬВИНЫ *).

Романсб.

Луна проливалá сквозь сумракъ сiянье
 На горы, дубравы, равнины кругомъ,
 На брегъ у моря сидѣла въ молчаньѣ
 Мальвина, вздыхая о другъ своемъ.
 И вдругъ, ей казалось, волнами несомый,
 Явился любезный пловецъ на ладьѣ,
 И голосъ услышала, сердцу знакомый
 „Мальвина, о другъ мой! не плачь обо мнѣ!“

*

При звукѣ любезномъ она задрожала,
 И взоръ любопытный на волны упалъ,
 И въ свѣпломъ шуманѣ Ельвина узнала —
 Къ ней слабыя длани Ельвинъ простиралъ.
 „На вѣки, Мальвина, насъ смерть разлучила;
 „Безъ друга ты будешь въ родной житьѣ
 спранѣ;
 „Ужь бездна морская меня поглотила
 „Мальвина, о другъ мой! не плачь обо мнѣ!“

*

„Засшигнушы были мы бурей ужасной;
 „Насъ вѣшеръ месъ прямо къ гранишнымъ
 скаламъ ;

(*) Смощри на спран. зай другой переводъ сего же самаго Романса.

„Спаранья и вопли — все было напрасно!
 „Ладья разлетѣлась! и я по волнамъ
 „Не долго, держась за снасти, носился —
 „Погибь!.. мой послѣдній вздохъ былъ о
 шебъ!
 „На вѣки въ пучину морскую сокрылся!
 „Мальвина, о другъ мой! не плачь обо мнѣ!“

*

„Такъ, нѣкогда вмѣстѣ — душа не обманешь —
 „Мы будемъ на брегѣ, гдѣ горестей нѣтъ.
 „Тамъ съ милой блаженство простое насъ на-
 вѣтъ;
 „Тамъ счастье всѣ наши минуны сочтешь.“ —
 И призракъ любезный въ прозрачномъ
 перьяхъ,
 Какъ виды прибрежны въ дробимой волнѣ;
 Но въ сердцѣ Мальвины все гласъ опзы-
 вался:
 „Мальвина о другъ мой! не плачь обо мнѣ!“

Москва.

II — 66

ВИДѢНІЕ МИНВАНЫ.

Романсб.

Блеспящія звѣзды свой свѣтъ проливали
 На злачные холмы, синѣющій боръ —
 Минвана груспила, и слезы печали
 И мракъ полуночи сомкнули ей взоръ.
 Въ сей день возвратишься къ ней другъ
 общался —
 Ужель онъ погибнулъ въ пучинѣ морской?
 Вдругъ, тихо знакомый ей голосъ раздался:
 „Не плачь, о Минвана! я всюду съ тобой!“

*

И трепещный голосъ въ душѣ отозвался. —
 Минвана взглянула — Едвинъ передъ ней —
 Онъ въ бѣлой одеждѣ землѣ не касался
 И слабую руку протягивалъ къ ней.
 „Далеко—вѣщаль онъ—далеко, другъ милый!
 „Зарышь мой шрупъ хладный въ землѣ не-
 родной;
 „Минвана не сыщешь Едвина могилы —
 „Не плачь, о Минвана! я всюду съ тобой!“

*

„Ужасная буря на моръ возспала;
 „Валы, воздымаясь, кипѣли какъ адъ;
 „И молнья сводъ черный небесъ разсѣкала;
 „И громъ, громъ ужасный гремятъ шамъ
 спокрашъ.

„И ахъ! въ ту минушю, когда погибали,
 „Я думалъ о милой, о ней лишь одной;
 „Но грозные вѣтры ужь тучи прогнали —
 „Не плачь, о Минвана! я всюду съ тобой!“

*

„Минвана, Минвана! ты будешь со мною
 „На брегѣ счастливымъ, гдѣ горестей нѣтъ—
 „Тамъ я соединюся навѣки съ тобою,
 „И въ счастья взаимномъ забудемъ сей свѣтъ!“
 Такъ призракъ Минванъ вѣщаль и скрывался,
 Какъ паръ предъ сіяньемъ денницы златой;
 Но гласъ его томный еще опзывался:
 „Не плачь, о Минвана! я всюду съ тобой!“

Москва.

Z.

~~~~~

Д В Ъ П Ъ С Н И.

1.

Ахъ! при тебѣ, мой другъ, разумокъ не на-
 пра́сно
 Свои полезныя совѣты подавалъ;
 Но безъ тебя, увы! съ нимъ сердце не со-
 гласно;
 Съ разумкомъ нѣжность чувствъ лишь ты
 согласовалъ.

*

Ахъ! при тебѣ, мой другъ, и самое со-
 мнѣнне
 О искренности мнѣ моглоль на умъ идти?
 Но безъ тебя я зрю притворство въ увѣ-
 реньѣ;
 Такъ, искренность въ тебѣ могла. лишь я
 найпи.

*

Ахъ! при тебѣ, мой другъ, судьбою угнѣ-
 шенной
 Не тщетно предо мной слезъ шоки проли-
 валь;
 Но безъ тебя—идешь ужь онъ къ ожесто-
 ченной:
 Добра примѣры мнѣ собой ты подавалъ.

Ахъ! при тебѣ, мой другъ, любила дарованья
 Сходно съ Музами бесѣдовала я;

Но безъ тебя уже гдѣ, гдѣ очарованья?
Покинула меня фантазія моя!

2.

Не скажу: *тебя люблю* —
Сердце сердце понимаетъ;
Словомъ слухъ не оскорблю;
Но душа душѣ внимаешь.

•

Не скажу: *тебя люблю* —
То во взорахъ прочитаешь;
Скрою то, что я перплюю,
Но по вздоху опгадаешь.

*

Не скажу: *тебя люблю* —
Но и самое молчанье,
Даже только что спуплю,
Ты возьмешь на замѣчанье.

*

Не скажу: *тебя люблю* —
Еслижъ ты не лицемѣришь,
То ужъ вѣкъ не разлюблю;
Хоть не хочешь, а повѣришь.

Анна Наулова.

КЪ ДРУГУ МОЕМУ ПЕ — ВУ.

Ну! насилу, другъ, дождался
 Въспи доброй опъ шебя!
 Не шупя я опасался,
 Не забыль ли ты меня.
 Насъ судьба, какъ бы итравши,
 Всѣхъ по свѣту раскидавши,
 Всѣмъ велѣла розно житьъ,
 Чшобъ всякъ по свѣту шапался,
 Всякъ бы для себя старался
 Счасье за' полу схвапиль.

Чшожъ сказать шеперь мнѣ другу:
 Про свое жишье, бышье?
 Надожъ опплашить услугу,
 Чшо ршкрыль онъ мнѣ свое.
 Я' начну, когда съ шобою
 Разлученъ бывъ злой судьбою,
 Въ вихоръ свѣта полешѣль;
 Какъ рукой перекрестяся,
 Съ милой родиной просшяся,
 Шпагу и мундиръ надѣль.

Мнѣ большой казалось штшукой
 Въ свѣтѣ Праворщикомъ бышь —
 На другихъ смощрѣль я буккой,
 На себя но чшо шупиль!
 Съ той поры, мой другъ, доселѣ
 Всякой день на новоселѣ

По бѣлу—свѣшу бродиль :
 Въ Польшѣ къ паннамъ подбивался,
 Въ Нанси фрукповъ объедался,
 Въ Пруссіи шабакъ курилъ.

Между Нѣмцами сѣдыми
 Другъ, бывало, пвой сидишь
 И опивками пивными
 Пальцомъ по сполу чершишь.
 Тутьъ идушь у насъ сужденья,
 Будто всѣхъ державъ правленья
 Отъ однихъ зависяшь насъ:
 Мы Парижъ уничтожаемъ,
 Иль шамъ Нѣмцовъ поселяемъ,
 А Французовъ—на Кавказъ!

Бросимъ все!—шеперъ въ опчизнѣ,
 На родной я споронѣ.
 Хотя не шакъ здѣсь, какъ въ Нѣмчизнѣ,
 Но пріятнѣй право мнѣ ;
 Здѣсь мужикъ хоть не ученой
 Въ хашѣ, дымомъ закопченой,
 Поль ни моешь, ни мешешь,
 Со сполы хоть не спиращешь,
 Хоть лица не умываешь,
 Но счастливо жизнь ведешь.

Я и здѣсь въ сей хашѣ черной
 Также весель, не грущу :
 Слышуль крикъ хозяйки вздорной—
 Чю мнѣ дѣла? я молчу.

Иль молчашь соскучась долѣ,
 Взявъ ружье, иду я въ поле
 Упокъ и гусей спрѣлять.
 Такъ я дни здѣсь корошаю—
 Будешь что со мной — не знаю,
 Да зачемъ и много знашь?

Я судьбой своей доволенъ,
 Не забочусь ни о чемъ,
 Такъ какъ пшичка въ небѣ воленъ;
 Я иду своимъ путемъ.
 Наспоящимъ наслаждаюсь,
 Въ даль никакъ не забираюсь,
 Добрые меня друзья —
 Какъ и ты — не покидаютъ;
 Еслижъ знашь они желаютъ,
 То скажу имъ: счастливъ я.

Мещовскѣ.

Н. К.

Т Р И О Л Е Т Ъ.

Прелесша милая! себя
 Мнѣ очень жаль — ужь ты невѣста;
 А я такъ прочиль для себя,
 Прелесша милая, себя!
 Тогда, мечшашель, думаль я,
 Чшо непорочна ты, какъ Вѣста:
 Прелесша милая, себя.
 Мнѣ очень жаль — ужь ты не Вѣста.

Мещовскѣ.

Н. К.

ЭПИГРАММЫ.

1.

„ Чшо видѣль ли, мой другъ, осьмое чудо
 свѣста,
 Уродовъ кабинетъ, чшо собираль Оргонъ? “
 — Какъ не видашь! Да жаль не полонъ онъ:
 Недосшаешъ Оргонова поршреша. —

2.

Въ собраньи завтра Клишъ рѣчь будешъ го-
 ворить.
 Хлопчашой надобно бумаги мнѣ купишь.

3.

Бѣды, изгнанье и напасши
 Эдишь несчастный прешерпѣль,

И наконецъ, о верхъ несчастій!
Глупоновъ нашъ его воспѣлъ!

Москва.

А. П.

4.

„Во всѣхъ сраженіяхъ мнѣ счастье спасенье!
Не раненъ я нигдѣ!“ — хвалился Трусельманъ.
Но счастье въ шо?... Нѣшъ, я думаю умнѣе
Какъ сберегаешь себя отъ ранъ.

Мещовскѣ.

Н. К — тб.

~~~~~

ЭПИТАФІЯ.

Прохожій, спой!
Смошри, подѣ камнемъ симъ Глупоновъ по-
чиваешь.
Въ рѣку упалъ онъ головой
И въ мигъ какъ ключъ ко дну: вѣдь камень
не всплываетъ.

Москва.

А. П.

~~~~~

II. ОНЪ ЛЮБИЛЪ ЕЕ БОЛЪЕ ЖИЗНИ.

(Изъ сочиненій Августа Лафонтена.)

In transports of this Kind; the heart, in spite of the understanding, will always say so much.

YoricK.

„Болѣ жизни своей люблю себя, прекрасная Армгарша!“ вскричалъ вдохновенный спраспю Рыцарь Людвигъ и положилъ руку ея на свою грудь.

— „Вы всѣ шакъ говорите!“ сказала закраснѣвшисъ Армгарша. „Но горе шей, кошорая вамъ повѣришь!“ примолвила она въ полголоса, отнимая руку свою. „Оставъше меня, Рыцарь! — Пойдемъ, Герштруда!“ —

Армгарша и Герштруда вышли изъ бесѣдки; Людвигъ смолчѣлъ имъ въ слѣдъ, пока бѣлое плашье Армгаршы мелькало еще между древесными листьями, и пошомъ медленно пошелъ къ замку.

„Болѣ жизни!“ — шепшала Армгар-

ша, оглядываясь назадъ и дѣлая сомнительный знакъ рукою.

— Если можно комунибудь въ помѣ, повѣришь, сказала Гершруда, то конечно Людвигу. Рудольфъ, Рейндорферъ любящъ въ тебѣ только наследницу Гердебурга. —

„А развѣ Людвигъ не поже?“

— Людвигъ любящъ прекрасную Армгаршу. —

„И ты знаешь это? Почему же?“

— Какъ изъяснишь тебѣ! Любовь видна изъ тысячи мѣлочей, которыхъ можно понимать, но нельзя выразить. Возьми на примѣръ Рудольфа и Рейндорфера: опцу своему кажутся они сполько же въ тебѣ влюбленными, какъ и Людвигъ, потому что безпрестанно вѣршаяся около тебѣ,носящъ пвой цвѣтъ на турнирахъ и однимъ словомъ дѣлающъ все то, что и обыкновенные любовники. Но посмотри на Людвига: какая разница! Любовь видна во всѣхъ его поступкахъ: одинъ пвой взглядъ приводитъ его въ смущеніе; при своемъ приближеніи молнія сверкаетъ въ глазахъ его. Вошь вчера — ты какъ-то

наклонилась и локонъ волосъ своихъ уналь на его руку: онъ зашрепеталь; держаль руку свою въ самомъ шрудномъ положеніи, не смѣль пошевелишь ею — какъ будшо упоенный величайшимъ блаженствомъ. Ты скажешь: это ребячество! Пущь пакъ, но это ребячество любви. Мы дѣвушки счастливы еще тѣмъ, что такія мѣлочи укрывающія ошь глазъ ловкихъ пришворщиковъ, которые гошovy, пожалуй, переняшь и это — шолькобъ поискуснѣ обманушь. И — повѣрь мнѣ — кто осшерегаешся и стыдится шакаго ребячества, шощъ не чувствуетъ вовсе любви. —

Артгарта спорила, но внутренно радовалась, видя въ подругъ своей защитницу Людвига. Однакожъ любить былѣ жизни своей казалось ей невозможнымъ, какъ ни желала она въ шомъ себя увѣришь. Слова Людвига не выходили у ней изъ памяти; она не могла вообразить себѣ ничего сладостнѣ такой любви, предалась мечтамъ и вдругъ приняла спранные намѣреніе опдатъ руку свою шолько шому, кто будешъ любить се болѣе жизни.

„Но какъ тебѣ увѣришься въ этомъ, чудная дѣвушка? возразила Гершпруда. Какъ узнать чувства другихъ?“

— То-то и бѣда! — сказала Армгарта, сѣла на дерновую скамью, пошупила глаза и погрузилась въ размышленія. Мечты носились вокругъ нея — Людвигъ, жертвуя собою, спасалъ ее отъ тысячи опасностей.

Гершпруда, привыкшая къ такимъ спранныостямъ, оставила ее одну; она пошла къ садовнику и возвратилась уже въ сумерки.

„Я должна узнать это, Гершпруда!“ кричала ей на встрѣчу пылкая, встревоженная мечтательница — и вдругъ, схвативъ ее за руку, потащила въ келью духовника Гердебурговъ — молодого, хитраго монаха Августинскаго ордена.

„Я должна это знать!“ воскликнула она опять съ жаромъ и открыла Опцу Евстафію все, чего желаетъ, въ чемъ сомнѣвается и на что рѣшилась.

„Монастырь или мужъ, преданный мнѣ всею душою!“ такъ заключила она длинную рѣчь свою, кою уговаривала монаха, что не можешь быть счастли-

на въ замужствѣ если прежде еще не будешь въ соспояніи положишься на любовь своего супруга; и тогда открыла ему одинъ романическій планъ — что бы испытать, точно ли любима она Людвигомъ такъ, какъ онъ увѣрялъ.

Споило много труда обдумать хорошенько эпошъ планъ, въ которомъ волшебство играло непоследнюю роль. Но есть ли что невозможное для двухъ дѣвиць, особливо, когда вмѣшается въ ихъ замыслы молодой монахъ, воспитанный въ такомъ монастырѣ, гдѣ и среди бѣла дня случалось чудо за чудомъ?

Наконецъ дѣло слажено и Армгарта въ теплыхъ мольбахъ проситъ Свяшую Дѣву содѣлать Рыцаря швердымъ въ испытаніи.

Однажды подъ вечеръ, въ прекрасную лѣтнюю погоду, Опець Евстафій, Рыцарь Людвигъ и обѣ дѣвушки сидѣли въ садовой бесѣдкѣ. Армгарта играла на арфѣ, Герспруда пѣла, а Людвигъ и молодой монахъ рассказывали повѣсти — одинъ любовныя, другой чудесныя. Туть зашла рѣчь — казалось весьма естествен-

но — о гробницѣ Машильды Армгаршиной прабабки.

Монахъ говорилъ шакъ много ужа-снаго о смерти сей женщины, о мѣспѣ, гдѣ она погребена, о чудесахъ, которыя шамъ случались, что Людвигъ сидѣлъ какъ вкопанный и прислушивался къ каждому слову, а дѣвушки едва дышали отъ страха.

„И я бывалъ шамъ, сказалъ съ ужасомъ свяшій опецъ; каждый разъ представлялись мнѣ видѣнія, носящіяся около гробницы. За восемь дней до смерти вашей мапущки, Армгарша, былъ я въ подземельѣ“ Онъ продолжалъ рассказывать, какъ видѣлись ему шѣни, слышались голоса, которые ясно предрѣкали кончину Армгаршиной мапери.

„И это всегда бываетъ, примолвилъ онъ, предъ шѣмъ временемъ, когда смерть гопова уже похишитъ кого нибудь изъ фамиліи Гердебурговъ.“

Разказы Монаха наводили поспешенно ужась и съ каждою минушою болѣе подспрекали любопытство Рыцаря; Узнавъ, что ключъ отъ подземелья хранится у самага Гердебурга, онъ хошѣлъ

его выпросишь. „О, нѣтъ! Не ходите сюда! сказала Армгарша умоляющимъ голосомъ; изъ любви ко мнѣ не дѣлайте этого!“ — Людвигъ обѣщаль, но швердо рѣшился не сдержашь слова.

Пошли назадъ въ замокъ. Дѣвушки, чуть дыша отъ страха, шѣснились около мужчинъ, и Армгарша боязливо показывала на флигель замка: въ рыцарской залѣ казался ей свѣтъ.

Между шѣмъ Ошецъ Евстафій продолжалъ описывать входъ въ подземелье и прекрасно опдѣланную гробницу. Но свѣтъ въ рыцарской залѣ становился яснѣе. Монахъ началъ креститься. Армгарша и Гершруда боялись на шагъ опстать отъ Людвига; и Рыцарь, зная что флигель никѣмъ не занятъ, невольнo почувствовалъ робость.

Возвратились въ замокъ — заговорщики въ радости, что удалось возбудить любопытство Рыцаря, а Людвигъ съ швердымъ намѣреніемъ побывашь въ подземельѣ.

На другой день онъ распросилъ Ошца Евстафія подробности о гробницѣ. Хищрый Монахъ, кошораго рассказы

возбуждали болѣе любопытство, нежели ужасъ, умѣлъ воспламенить его воображеніе.—Людвигъ доспалъ себѣ ключъ.

На слѣдующій день, взявъ съ собою опшважнаго и вѣрнаго конюшаго, онъ пошелъ въ древній флигель. Было уже семь часовъ вечера; заговорщики нарочно шакъ долго задержали Рыцаря въ замкѣ: вечерняя пора благопріятствовала болѣе ихъ замысламъ.

Поднявшись на крыльцо, заросшее высокою правою, Людвигъ съ пайнымъ шрепешомъ опворилъ огромную наружную дверь и войдя съ конюшимъ, не забылъ опять замкнуть ее. Тушь представился имъ большой рядъ покоевъ: прѣвосходное убранство, дорогіе обои и паркетны показывали богатство и роскошь прежнихъ владѣтелей.

Далѣе желѣзная, золошою рѣзбою украшенная дверь опворилась смѣлою рукою Людвига и рыцарская зала явилась во всемъ своемъ великолѣпнн. Почтишельное благоговѣніе овладѣло пришельцами.

У задней стѣны на возвышеніи стоялъ подъ балдахиномъ богато убран-

ный шронъ, съ кошораго Армгаршины предки вели нѣкогда переговоры съ своими вассалами и судили ихъ распри. Ошшуда полукружіемъ по всей залѣ проспиралась высокая коллонада желшовашаго мрамора; а цоль ушшланъ былъ голубымъ. На стѣнахъ между сполбами находились изображенія Гердебурговъ, частію рисованныя на полошнѣ, частію высѣченныя изъ камня; подъ каждымъ видны были выразительныя девизы и крашкія сеншенціи изъ Библии; къ сполбамъ приспавлены были мечи и копья древнихъ правителей; надъ коллонадою возвышалась поршрешная галлерей женшинъ и опличныхъ царедворцевъ.

Обширность залы, слабый свѣтъ лампадъ, производящій длинныя опъ сполбовъ тѣни, колоссальныя фигуры на стѣнахъ, глубокая пищина, нарушаемая только звукомъ раздающейся походки и глухими опзывами голоса нашихъ героевъ, все воспламеняло ихъ воображеніе и располагало къ мечшамъ. И едва не чудились имъ призраки прежде, чѣмъ Армгарша и Герштруда привели въ исполненіе свои замыслы.

На каждомъ шагѣ встрѣчали рыцари новые предметы изумленія, но уже только безмолвными знаками, спрашась звучныхъ отголосковъ, обращали на по вниманіе другъ друга. Съ ужасомъ смолчалъ каждый, куда поварищъ его указывалъ пальцемъ, какъ будто боясь увидѣть призракъ. Такъ провели они около получаса въ рыцарской залѣ.

Наконецъ Людвигъ зажегъ два факела, чтобы начать спранспованіе въ подземельѣ. Пошаенная дверь, позади возвышенія, отворилась.—Онъ вошелъ, конюшій за нимъ—оба исполнены страха и ожиданія.

Узкій коридоръ провелъ ихъ къ двери, обложенной большими запорами. Людвигъ отперъ ее. Далеко въ глубь ведущая лѣспница представилась глазамъ пришельцевъ. Спускаясь по высокимъ ступенямъ, они едва могли держаться на ногахъ и хватались за что ни попало руками; внизу нашли огромную арку, преддверіе прехъ, сводами усстроенныхъ коридоровъ. Глубокая тишина приводила въ ужась, холодный вѣсперъ дулъ изъ узкихъ переходовъ и казалось приносилъ съ собою незримыхъ духовъ.

Медленно, и шакъ сказаць, крадучись, пробирались безмолвные странники по среднему коридору. И вдругъ шикій, но явственнѣйшій голосъ поражаетъ ихъ слухъ: „Людвигъ! Рыцарь Людвигъ!“ говорилъ кто-то вблизи.

Быстро взглядывають они другъ на друга: изумленіе и блѣдность на лицахъ. „Эшо мечта!“ думаетъ Людвигъ. И уже онъ подается впередъ, какъ вдругъ опять: „Рыцарь Людвигъ!“ прошепталъ кто-то весьма близко.

„Слышала ли ты?....“ спросилъ Людвигъ конюшаго, схвативъ его за руку.

— Ваше имя.... —

„Я шакже!“ — Они посвѣтили вокругъ себя, но въ стѣнахъ не было ни отверстія, ни щелины, откуда бы могъ проникнуть голосъ.

„Рыцарь Людвигъ!“ повторилось опять проекрапно и глубокой, жалобный вздохъ раздался пошомъ шакъ громко, что герои ошскачили съ ужасомъ ошъ стѣны. Нигдѣ ничего не было видно; и конюшій шацилъ пошохоньку Рыцаря назадъ, умоляя знаками ворошиши-

ся. „Рыцарь Людвигъ! произнесъ опять со вздохомъ голосъ: судьба ведетъ тебя сюда; продолжай путь свой. Конюшій послѣдуешь за побою до конца коридора.“

Они прислушивались еще долго, но все умолкло и сердце замирало пуще ошъ сего ужаснаго безмолвія!

„Мы должны идти!“ произнесъ наконецъ съ шрепешомъ Людвигъ. — *Должны!* послѣ крашкаго молчанія, повторилъ голосъ очень вяшно, но все тихо и со вздохомъ.

Идутъ. По стѣнамъ коридора разливается слабо мерцающій свѣтъ — какъ будто ошдаленное зарево отражается въ бѣлизнѣ ихъ. Шаги удвоенны. . . свѣтъ ярче! . . . Тысячи огней ослѣпляютъ глаза!

Едва опомнились изумленіемъ и ужасомъ окованные Рыцари! Они увидѣли себя подъ сводомъ, на большой, шестиугольной площадкѣ. Гладко полированные, бѣлаго мрамора стѣны отражали въ себѣ ряды пылающихъ факеловъ. Отблескъ усугублялъ свѣтъ, казалось нераздѣльное пламя пожирало все

зданіе. И только на однихъ мрачныхъ, въ каждой изъ шести сторонъ, опверзстіяхъ могъ покоиться изнеможенный взоръ. Сіи опверзстія вели въ коридоры, подобныя тому, изъ котораго вышли наши рыцари.

Въ онемѣніи глядѣли они другъ на друга; потомъ обнялись украдкою, какъ будто боясь свидѣтелей. Но мало по малу мысли ихъ освѣжались; самый свѣтъ, послѣ перваго впечатлѣнія, начиналъ оживлять силы ихъ; всображеніе снова наполнилось мечтами; багровая краска выступила на лицахъ. Наконецъ Людвигъ, еще разъ обнявши своего конюшаго, тихимъ, но твердымъ голосомъ сказалъ: „ты останься здѣсь, а я пойду.“ И вдругъ въ одномъ изъ коридоровъ показался свѣтъ, унылые, мелодическіе звуки раздались откуда и благовоніе разлилось въ воздухъ. Людвигъ, еще болѣе симъ ободренный, пошелъ къ освѣщенному опверзстію.

Музыка, прерываясь время отъ времени, умолкала; и въ сихъ разстановкахъ послышался Людвигу прежній голосъ: „не бойся, Рыцарь! Иди, смощри и слушай!“

Въ коридорѣ новое зрѣлище для Рыцаря: здѣсь огонь цѣлыми массами чудесно пылалъ по стѣнамъ. Но мало по малу спановилось шемнѣе. Рыцарь приближался къ выходу.

Подъ мрачнымъ сводомъ, поддерживаемымъ двумя рядами столбовъ изъ чернаго мрамора, предспавилась Людвигу великолѣпная гробница. На ней возвышалась во весь ростъ мраморная статуя Мамильды. Вокругъ царствовала ужасная тишина, не было слышно и малѣйшаго дыханія въ воздухѣ. Слабое мерцаніе свѣта, давая различать предметы, дѣлало ихъ еще ужаснѣе.

Рыцарь хотѣлъ идти влѣвую колоннаду, но взглядъ его остановился вдругъ на одномъ чудесномъ видѣніи: у подножія гробницы спояла на колѣняхъ женщина, неподвижная, какъ будто изваянная изъ камня, но шакъ живо, что Людвигъ содрогнулся; холодный потъ выступилъ на лицѣ его. И какъ изобразить весь его ужась, когда мнимая статуя поднялась и онъ узналъ въ ней Армгаршину прародишельницу въ томъ самомъ видѣ, какъ и на гробницѣ, въ

шакомъ же одѣянїи, съ шакою же блѣдностью на лицѣ. Медленно подвинулась она впередъ.

Рыцарь невольно отшатнулся, волосы его спали дыбомъ, дыханіе прервалось; онъ упалъ въ безсилїи на скамью.

Привидѣніе дало ему знакъ за собою слѣдовать; онъ повиновался въ безпамятствѣ и едва переступая, вышелъ за своей пугевоодительницей изъ коллонады. Съ тяжелымъ, горестнымъ вздохомъ, который опозвался въ препешномъ сердцѣ Людвига, показала она ему рукою на споящую за столбами гробницу. На балдахинѣ блистало въ большихъ, огненныхъ буквахъ: *Армгарта!*

Еще шагъ впередъ и Рыцарь — пусть представяшь весь ужась его — увидѣлъ распростершую въ гробѣ Армгарту, свою любезную Армгарту! Смертная блѣдность покрывала чело ея, глаза закрышы, руки крестомъ на груди, въ лицѣ нималѣйшаго признака жизни, но та же крошкая, привлекательная улыбка на устахъ, которая шакъ прельщала Людвига и въ кошорой онъ не могъ обманушься.

„Милосердый Боже! вскричалъ онъ въ изсцупленіи, Армгарша, моя Армгарша?

— Не порицай опредѣленія судьбы, возразило Привидѣніе голосомъ, подобнымъ шептанію въшра въ сухомъ проспикѣ.

„О ты, Всемогущій! повнорилъ онъ, моя Армгарша!“

Привидѣніе положило палець къ усшамъ, давая знакъ молчашь. Онъ безмолвсшвовалъ въ безпамятсшвѣ.

— Армгарша умрешь прежде, чѣмъ совершатся шри дня. Послѣдній день недѣли еспь послѣдній день ея жизни! — сказало со вздохомъ Привидѣніе.

„Милосердый Боже! вскричалъ Людвигъ, повергаясь на колѣна. Порази меня, но пощади мою Армгарду!“

— Ты можешь спасти ее, Рыцарь: посмотри на эшонъ сосудъ. Въ немъ заключается смершный наипшокъ для Армгаршы или для тебя. Выпьешь его — и Армгарша останенся въ живыхъ; не выпьешь — она умрешь. Выбирай! —

„Я головъ!“

— Ты найдешь его въ Армгаршиной

моделеньѣ. Осмотри его хорошенько: — Машильда вручила ему сосудъ. *Спасеніе!* вырѣзано было на краяхъ его; напишокъ издавалъ пріяшныя, освѣжающіе ароматы.

Но едва Людвигъ успѣлъ взять сей роковой сосудъ, какъ онъ выпалъ изъ рукъ его. Вдругъ заблещала молнія, раздался громовой ударъ, наступила непроницаемая тьма и Привидѣніе исчезло.

Людвигъ бросился къ выходу, пробѣжалъ коридоръ и найдя конюшаго: „поспѣшимъ! вскричалъ ему; я видѣлъ ужасныя чудеса! я хочу спасти ее!“ —

Полини Аригарту! произнесъ оняшь неизвѣстный голосъ, когда они приближались къ лѣстницѣ. Сирѣлою полетѣли они на верхъ, но долго, при всѣхъ усиліяхъ, не могли отпереть пошайной двери. Она отперлась; рыцарскую залу, весь рядъ покоевъ пробѣжали они въ одну минуту. Наконецъ послѣдняя дверь заскрыпѣла и чистый воздухъ повѣялъ на встрѣчу утомленнымъ героямъ. — Слава Богу! вскричалъ конющій, выйдя на лугъ и тяжело переводя дыханіе. Люд-

вигъ съ шрепешомъ повергся къ нему на шею. Конюшій положиль его на праву; гдѣ оны нѣсколькo минушь провель въ безпамятствѣ. Попомъ они оба ошправились въ замокъ.

Подходя къ крыльцу, они услышали стукъ колесъ, кающихся по моешу. Подѣхала кареша, Армгарша и Гершруда съ дѣшскою рѣзвостію выпрыгнули на крыльцо, ошпановили Рыцаря и начали ему разсказывать, какъ весело провели время въ сосѣднемъ замкѣ. Людвигъ уныло смотрѣлъ на Армгаршу, съ шрепешомъ провель ее на лѣспіицу и попомъ ушель украдкою въ свою комнату.

(Оконганіе въ слѣдующей книжкѣ.)

III. О ПАСТУШЕСКОЙ или СЕЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ *).

Происхожденіе *Пастушеской* — или справедливѣе — *Сельской Поэзіи*, перенесся во мракъ древности. Мнѣнія ученыхъ о томъ различны: одни полагали колыбелью оной Сицилію, другіе — Аркадію, шрещи — Лаконію, и честь изобрѣшенія сшихошвореній сего рода попеременно была приписываема то Дафнису, Теокришу и Спезихору, то самимъ даже богамъ — Меркурію, Аполлону, Пану, Сильвану **). Не оспанавливаясь на сихъ бесполезныхъ изысканіяхъ, скажемъ, что Пастушеская Поэзія, изображая преимущественно нравы и образъ жизни людей первобытнаго міра, должна

*) Чисано въ собраніи С. П. бургскаго Вольнаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ 10 ч. сего Октября.

***) Принимая Сельскую Поэзію въ смыслъ просиранномъ, кажѣтся, справедливѣе было бы назвать ошцемъ ея Гезіода, шворца Поэмъ: *Работы и Дни.* — *Прим. Сбт.*

бышь современна началу соединенія ихъ въ общества. Выгоды и благошворныя слѣдствія сего соединенія, пробудивъ въ душѣ человѣка дремавшія дошоль чувствованія и помышленія, должны ствовали естественнымъ образомъ пробудить въ ней и желаніе изливашься въ пѣснопѣніяхъ, сообразныхъ тогдашнимъ младенческимъ понятіямъ. Благодарность къ Божеству невидимому, но благому, и любовь были, безъ сомнѣнія, главнымъ содержаніемъ оныхъ. Мысль сія есть конечно также предположеніе, но достоверность существованія временъ патриархальныхъ, описанныхъ Моисеемъ, и столько подобныхъ золотому вѣку язычниковъ, дѣлаеть оное вѣроятнымъ; и едва ли не въ книгахъ Священнаго Писанія надлежитъ искать первыхъ слѣдовъ Пастушеской Поэзіи?

Сіи - то блаженныя времена, дѣйствительно бывшія или порожденныя только воображеніемъ Спихотворцевъ, сіи - то счастливые обитатели береговъ Пеня или Евфраата, добродѣтельные, просердечные, свободные, чуждые всѣхъ нуждъ и спасшей, столько

обыкновенныхъ въ наше время, сославляюшь, какъ мы уже упомянули, предметъ Паспушеской Поэзіи; а образъ жизни сихъ невинныхъ людей, ихъ занятія, склонности, чувствованія, взаимныя отношенія и красоты природы, до малѣйшей оныхъ подробности — шопъ обильный источникъ, изъ коего дарованіе Поэта заемлетъ содержаніе и прелестъ разсказа.

Нельзя съ достовѣрностію опредѣлишь, какъ назывался въ древности сей родъ стихотвореній. По крайней мѣрѣ сочиненія Теокрыша и Виргилія получили названіе *Идиллій* (*Εἰδιλλίων* — изображение) и *Эклогъ* (*Ἐκλόγη* — отборныя сочиненія) не отъ самихъ Стихотворцевъ, но отъ Греческихъ и Латинскихъ Грамматииковъ, жившихъ въ послѣдствіи. Сіе двоякое наименованіе одного и того же ввело ученыхъ въ заблужденіе и послужило поводомъ къ раздѣленію Паспушеской Музы на *Идиллію* и *Эклогу*. Подъ именемъ *Идилліи* разумѣюшь они небольшое сочиненіе, заключающее въ себѣ пріятное описаніе или повѣствованіе.

ваніе, ошь лица самага Авпора; — подъ именемъ Эклоги — шу же Идиллію, съ шпою разницею, что здѣсь Авпоръ скрывается уже за сцену и даетъ полную волю дѣйствовать своимъ героямъ — пѣшь, разговаривать или повѣствовать. Эклогѣ сверхъ сего приписываютъ болѣе силы и важности въ содержаніи. — Но къ чему служило шакое раздѣленіе, когда нельзя положить вѣрныхъ границъ между Идилліею и Эклогою? когда въ одномъ и шомъ же сочиненіи встрѣчаемъ ихъ соединенными? Геснеръ чувствовалъ несоновашельность такого опредѣленія, и, желая избѣгнуть сбивчивости, назвалъ первый шомъ своихъ швореній Идилліями. Самое значеніе сего слова, близкое къ шому понятію, какое имѣемъ о Пасшущеской Поэзіи, даетъ ему шервенство на языкѣ. Лишперашоровъ, а имя Геснера дѣлаешь упошребленіе его неподверженнымъ сомнѣнію.

Не одни Пасшухи могутъ бышь дѣйствующими лицами въ Идилліи: ими равно бываютъ Рыбаки, Земледѣльцы,

Садовники и проч. *). Вотъ причина, по которой осмѣлился я назвать Пастушескую Поэзію *Сельскою*. Сіе наименованіе заключаетъ въ себѣ смыслъ несравненно обширнѣйшій, и шокмо принявъ оное, можно безъ ошибки отнести къ сему роду *Георгики* Виргилія, *Обитателя полей* Делиля, *Времена* Сень—Ламберта и другія, кои составляютъ особенное отдѣленіе Сельской Поэзіи, извѣстное вообще подъ именемъ *Георгикъ*. Здѣсь Сшихопворецъ, не перелетая уже воображеніемъ во времена золошара вѣка, воспѣваетъ красоты природы, удовольствія деревенской жизни, научаетъ ея пользоваться и располагать занятіями.

Кромѣ Идилліи и Георгикъ, область Сельской Поэзіи заключаетъ въ себѣ еще шакъ называемую *Пастушескую Поэму*, которая хотя изобрѣшена новѣйшими, но поелику въ ней воспѣвается обыкновенно какое нибудь важ-

*) Напримѣръ въ Эклогахъ Санназара, въ Идилліяхъ Клейсша и Броннера. *Прим. Сог.*

ное происшествіе первыхъ временъ міра, на примѣръ: *Авелева смерть, первая война* и другія, но она справедливо можетъ быть причислена къ существеннымъ произведеніямъ Сельской Поэзіи. Что же касается до *Пастушескихъ Драммъ и Романовъ* *), сихъ незаконныхъ дѣшей воображенія, копорыя будучи упомишельны по своей продолжительности, столь неприличной легкому, пріятному сочиненію, обезображены еще соединеніемъ сценъ городской и деревенской жизни, но, вопреки мнѣнію Флоріана, ихъ лучше бы совсемъ исключивъ изъ круга Литтературы.

Такимъ образомъ Сельская Поэзія раздѣляется собственно на три рода: на *Идиллію, Георгики и Пастушескую Поэму*. Мы займемся въ особенности первою.

*) Первый Пастушескій Романъ: *Любовь Дафниса и Хлои* написанъ Лонгомъ, превосходнымъ Греческимъ Поэтомъ IV вѣка. Пастушескія Драмы введены въ употребленіе Тассомъ и Гварини. *Прил. Соѳ.*

Древніе, оставившіе намъ образцы поэши во всѣхъ родахъ Поэзіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ щещное желаніе съ ними сравниться, не были, кажешия, сколько счастливы относительно Поэзіи Паспушеской. Конечно Идилліи Теокрыша *) исполнены простотою удивительной и живыхъ изображеній природы; но сія простота переходитъ часто предѣлы, становившия — по крайней мѣрѣ для насъ — слишкомъ грубою; но сіе искусство изображаешь природу, избирая предметы иногда слишкомъ низкіе, теряешся въ самыхъ мѣлочныхъ подробностяхъ, набросанныхъ безъ разбора и приличія. Примѣшно, что *Виргилій* **) сша-

*) Теокрытъ, Сиракузянинъ, жилъ во времена Пшоломея Филадельфа. Ему приписываютъ шридесятъ дошедшихъ до насъ Идиллій. Кромѣ Теокрыта Греки имѣли еще Мосха и Біона; но какъ пошь, такъ и другой весьма уже удалились отъ простоты и естественности, необходимыхъ въ Идилліи. *Прим. Сот.*

**) Кромѣ *Виргилія* Римляне имѣли также двухъ Паспушескихъ Стихотворцевъ, жившихъ гораздо послѣ него, Тита Юлія Калпурнія и Магнуса Авзолія. Эклоги перваго имѣють много достоинства. *Пр. Сот.*

рался избѣгнушь недоспапковъ своего учителя. Его Эклоги, написанныя прекрасными сѣпихами, были бы образцовыми, еслибъ менѣе дышали лестію, еслибъ въ нихъ рѣже упоминалось о Римѣ и вообще о предметахъ, превыщающихъ понятія и свѣденія просподущныхъ обитателей полей и долинъ. Нѣкоторыя Италіянскіе, Испанскіе и Французскіе Поэты впади въ прошивную крайность *) Желая избѣгнушь грубой иногда проспопы Теокрипа, они по слѣдамъ Моска и Бі-

*) Вотъ имена Пастушескихъ Спихотворцевъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ у сихъ трехъ народовъ — у *Итальянцевъ*: Пешарка, Санназаръ, Тассъ и Гварини; у *Испанцевъ* Грасилассо, Георгъ де Монтемаіоръ (*Португалецъ*), Гиль Поло, Лопецъ де Вега; *Фигероа* и *Михаиль Сервантъ*; у *Французовъ*: *Маркизь де Раканъ*, *Сегре*, *Гжа Дезульеръ*, *Фоншенель*, *Ламонтъ*, *Аббатъ Манженотъ*, *Беркенъ*, *Леонаръ*, *дѣвица Левекъ*, *Гжа Вердіеръ* и *Флоріанъ*; къ нимъ съ нѣкоторой стороны можно присоединить *Делия* и *Сень-Ламбриса*. *Приль. Сог.*

она, удалились отъ еспешивенности. Ихъ Паспухи одѣны щеголями, нѣжны какъ Трубадуры, вѣжливы и остроумны какъ Придворные. Но несмотря на упрѣкъ, кошорый осмѣлились мы сдѣлать Пѣвцу Сициліи, онъ оставался лучшимъ Паспушескимъ Стихошворцемъ до половины минувшаго столѣтія и токмо Пѣвцу Гельвеціи предоспавлено было превзойти его. Идилліи Геснера, подобно Теокриповымъ, исполнены простоты, но простота сія не имѣетъ уже ничего низкаго или грубаго; онъ также изображаетъ природу въ малѣйшихъ подробностяхъ красотою ея, но пользуешься ими съ величайшимъ вкусомъ, съ строгою разборчивостію, и можно утвердительно сказать, что не многіе Стихошворцы достигли столь высокой степени совершенства въ искусствѣ живописанъ. Его каршины имѣютъ всю свѣжесть Нашуры. Самъ Вернейтъ позавидовалъ бы Геснеровой кисти *).

*) Замѣчательно, что Геснеръ съ успѣхомъ упражнялся въ живописи и гравиро-

Предшественники сего неподражаемаго Писателя, особливо новѣйшіе, кажутся, думали, что единственно любовь можешь быть содержаніемъ Идилліи; по крайней мѣрѣ въ ихъ сочиненіяхъ рѣдко найдешь что либо другое. Но такое единообразіе наскучаетъ, и вошь, можешь быть, причина, по которой людямъ, незнакомымъ съ Нѣмецкою Литтературою, не сподолько нравишся сей родъ Поэзіи *). Если Паспухи Аркадскіе были также люди, по имъ

ваніи. Прекрасные эстампы, коими украшены шворенія его, изданныя въ Цирихѣ 1778 года въ четвертую долю листа, были имъ самимъ нарисованы и выгравированы.
Прим. Сот.

*) Нѣмецкая Литтература богата образцами въ семь родъ. Она справедливо можешь гордиться именами Клейста, Броннера, Шмита, Росша, Геллерта, Гершнера и другихъ. Шмитъ бралъ изъ Библии содержаніе для своихъ Идиллій; сцены Росшовыхъ Паспушескихъ Сказокъ взяшы, напрошивъ, изъ наспоющаго времени. Въ нихъ много вольнаго и соблазнительнаго. *Прим. Сот.*

не должны быть чуждыми всё тѣ склонности, чувствованія и связи, кои Природа положила основаніемъ человѣческихъ обществъ. Не любовниками только — они могли быть супругами, родителями, дѣльми, друзьями; не все молодыми и здоровыми — часно спарыми и больными; не всегда богатыми — иногда бѣдными: ибо сколько бы ни было вѣроясно существованіе золотого вѣка, но блаженствомъ совершеннымъ, такимъ, какое обыкновенно сопрягаемъ съ гадательнымъ поңяшіемъ о Раѣ, смершныя никогда на земли не наслаждались; оно принадлежишь Небу. — Геснеръ, можешъ бышь, первый умѣль распространить предѣлы Пастушеской Поэзіи. Почтеніе къ богамъ, любовь родительская, дѣшская, супружеская, чувства дружбы и соспрандаціи, рѣзвая веселость и шихая горестъ, коими одушевилъ онъ свои Идилліи, дѣлаюшь ихъ разнообразными, правдоподобными, занимательными, близкими къ сердцу всякаго чувствительнаго человѣка, а что всего драгоценнѣе; насшавительными —

прекраснѣйшая цѣль, о которой древніе и не помышляли.

Мнѣ случилось слышать вопросъ: „для чего Спихошворцы не переселятъ Идилліи въ наши времена?“ — Тогда она совершенно лишилась бы своего достоинства, даже правдоподобія, а писатель увидѣлъ бы себя въ самомъ затруднительномъ положеніи. Извѣстно каковы нынѣшніе пастухи и земледѣльцы. Продолжительное рабство сдѣлало ихъ грубыми, лукавыми и подлыми. Такими ли привыкли мы воображать счастливыхъ, свободныхъ обитателей Аркадіи? И какъ согласишь это съ тою невинностію и чистотою нравовъ, съ шѣми нѣжными, благородными чувствованіями, въ которыхъ заключается сущность Идилліи? — Впрочемъ нельзя утверждать, что бы умный, наблюдательный писатель не нашелъ и въ образѣ жизни нашихъ поселянъ новаго источника красоты. Нужно только умѣть пользоваться онымъ. — Сія выгода, переноситъ дѣйствіе во времена опдаленныя, сверхъ того что дѣлаетъ повѣствованіе и свойства лицъ правдоподобными, до-

спавляєшь Спихопворцу другуу, довольно важную: она опкрываєшь предъ нимъ богатое поле Мифологическихъ вымысловъ. Выводя на сцену Нимфъ и Сапировъ, можно удачно придать Идилліи характеръ древности, сдѣлашь ее разнообразнѣе, занимательнѣе.

Почти всѣ Пастушескіе Спихопворцы подражая Феокрипу, вводили въ свои Идилліи колдуновъ и волшебницъ. Конечно, доняшю людей необразованныхъ свойственнаго прибѣга къ пособіямъ чародѣйства; но всегда ли то хорошо, что взято съ натуры? И можешъ ли нравиться Пастухъ, снискивающій любовь Пастушки помощію приворотнаго корешка или наговора? Только цѣною собственнаго сердца долженъ онъ пріобрѣтать сердце своей любезной.

Признано уже, что просиоша нравовъ вѣка Феокрипова и почщеніе, въ которомъ было тогда земледѣліе, много способствовали его успѣху. Для насъ, удалившихся отъ природы на такое разстояніе, успѣхъ сей сопряженъ съ великими трудностями; но, несмотря на то, слава Пастушескаго Спих-

жопворца въ нашъ вѣкъ не слишкомъ блистательна. Не потому ли, что звуки свирѣли не столько громки, какъ звуки трубы и лиры? Нѣшь, можешь бышь потому, что не всякой слухъ способенъ услаждаться нѣжною ихъ гармоніею. Идиллія никогда не понравилась человѣку, котораго сердце закрыто уже для сладостныхъ впечатлѣній невинности и милого простодушія, кто не знакомъ съ пріятностями мирной сельской жизни, кто равнодушенъ къ прелестямъ природы и не научился наблюдать шайныхъ красоть ея, которыя съ перваго взгляда кажутся ничтожными — кто, наконецъ, привыкъ находить удовольствіе единственно въ вихрѣ свѣта, а въ произведеніяхъ словесности искаеть защѣливости или высокопарности мыслей. Правда, такихъ людей на свѣтѣ больше; но да ушѣшатся послѣдователи Геснера собственнымъ его примѣромъ., Если я, подобно Теокристу, понравлюсь немногимъ“ — сказаль онъ въ предисловіи къ своимъ Идилліямъ — „что почту сіе счастливымъ знакомъ‘ что подражалъ ему удачно.“

Идиллія, если по примѣру сего пи-

сашеля будемъ разумѣшь подѣ нею и Эклогу, можешъ бышь описашельная, повѣспвовашельная, драммашическая, лирическая, элегическая и эпическая. Я не остановлюсь на изслѣдованіи сихъ различныхъ ея видовъ: чтеніе образцовъ покажетъ по яснѣе, скажу шолько вообще о качеспвахъ слога оныхъ. Языкѣ Паспуховъ ешь языкѣ сѣрдца, а пошому въ немъ должны они искашь выраженій для изьясненія своихъ чувспвованій; вселенная ограничена для нихъ усадьбою деревни — пусть же и краснорѣчіе ихъ (вмѣспѣ съ понятіями) будетъ имѣть свои предѣлы; долины, горы и лѣса суть шеапръ, на кошоромъ они дѣйспвуютъ — вошь источникъ, изъ коего рѣчь ихъ заимспвуетъ украшенія піипическія. Впрочемъ шонъ разговора, особливо пѣсень, можешъ возвышашься сообразно предметамъ и самому возрасту паспуховъ. Юноша нѣженъ, весель и безпечень; спарикъ важень и поучишелень въ своихъ бесѣдахъ; козлоногій Сильванъ грубъ и смѣшонъ, какъ дикая его наружность; ревнивый любовникъ наполняешъ поля и лѣса своими жалобами; счастливый

супругъ съ благороднымъ вѣспоргомъ, описываетъ удовольствія семейственной жизни. Всѣ сіи различныя свойства и отношенія должны бытъ изложены приличнымъ каждому изъ нихъ образомъ, или иначе, слогъ Идилліи долженъ бытъ простъ и чистъ, подобно невинности пастушескихъ нравовъ; живописенъ, подобно картиннымъ видамъ сельской природы; благороденъ, какъ сама добродѣтель.

Сіе краткое обозрѣніе произведеній сельской Музы вообще, и въ особенности Идилліи, ведетъ насъ къ справедливому заключенію, что родъ сей составляетъ существенную часть Поэзіи, ибо дѣйствуетъ на сердце и воображеніе; что онъ имѣетъ тайную, можетъ бытъ ему одному свойственную, прелесть для души нашей, ибо напоминаетъ ей счастливое время ея младенчества; что наконецъ, писатель, посвящающій себя оному, долженъ напередъ изучиться природѣ, познать человеческое сердце и стараться столько же бытъ полезнымъ; сколько желаетъ нравиться—однимъ словомъ, подражать Геснеру.

Почти всё просвѣщенные народы упражнялись въ Сельской Поэзіи *) ; но Нѣмцы болѣе прочихъ въ оной усилили, и Геснеръ, кажется, возвелъ ее на послѣднюю степень совершенства. У насъ, въ Россіи, поле сіе оснается еще невоздѣланнымъ. Скажунъ: мы имѣли Сумарокова; правда, но можемъ ли имъ похвалиться? Его Эклоги едва ли не хуже самыхъ его Басень **).

Вопъ нѣсколько моихъ и чужихъ мыслей о Пастушеской Поэзіи. Можеть бышь я послунилъ неоспорочно, рѣшившись проповѣдовать правила оной тогда, когда самъ въ оной упражняюсь ***). Те-

*) Въ Англіи упражнялись въ Пастушескомъ родѣ Попе, Сидней и другіе. *Прим. Сог.*

***) Не могу ничего сказать о Басняхъ Сумарокова, но Пришчи его, право хуже Эклогъ, въ которыхъ, по крайней мѣрѣ, можно найти нѣсколько удачныхъ стиховъ. *Прим. Изд.*

****) Напрощивъ: весьма желательна, для пользы Словесности, что бы занимающіеся съ успѣхомъ особенно въ какомъ либо родѣ сочиненій, трудились и надъ теорією онаго. *Прим. Изд.*

перь не мудрено сбьшсья со мною извѣстной аксіомѣ: *совѣтовать гораздо легче, нежели исполнять совѣты.* Но что нужды? я могу ушѣшаться шѣмъ, что и въ такомъ случаѣ останусь не безпольнымъ: примѣръ мой будетъ поучительнень для другихъ, а примѣры всегда разительнѣе насъавленій.

Влад. Панаевъ.

VI. ПУТЕШЕСТВІЕ ПРОТИВЪ ВОЛИ *).

(Соч. Г. Цшокке.)

Отрывокъ избъ писма Героя сей повѣсти.

— „Тогда я проклиналъ сей случай , шеперь смѣюсь ему опъ всего сердца , и вы вѣрояшно будете смѣяться вмѣстѣ со мною. Въ то время, когда своеволие и непомѣрное честолюбіе кровожаднаго завоевателя грозили покорить весь свѣшъ и когда ни одинъ владѣтель, ни одинъ народъ не былъ увѣренъ въ независимости своего соспожня , конечно многія тысячи мирныхъ домошдовъ опъ Вислы до Тага, опъ Гавильяно до Волги, дѣлали *путешествія противъ воли*; но прочишавъ приложенное при семъ извлечеіе изъ писемъ, кошорыя въ

*) Посвящено Переводчикомъ К... М... П... ой въ воспоминаніе подобнаго сдѣланнаго имъ съ нею путешешствія.

продолженіе чудеснаго моего странствованія писалъ я къ *Графинѣ Ст. . . . ой*, вы безъ сомнѣнія согласитесь, что ни надъ кѣмъ судьба не позабавилась споль много, какъ надо мною. Если вы сіе извлеченіе признаете заслуживающимъ вниманія публики то я готовъ поручиться, что большая часть читателей примушь содержаніе онаго за сказку; однако истина останется всегда истиною, а мое приключеніе — яснымъ доказательствомъ тому, что въ шѣ вѣчнаго забвенія доспойныя времена нельзя было и шагу сдѣлать за порогъ, не подвергая себя опасности быть увлеченнымъ опъ роднаго крова на край вселенной.“

„Что бы не оставилъ читателя послѣ перваго письма въ недоумѣніи, я долженъ сказать, что 20 Января 1807 года вмѣстѣ съ сестрою моею былъ я приглашенъ на балъ, который Графиня Ст. . . . ая давала въ великолѣпномъ домѣ своемъ въ Варшавѣ. Мы явились туда и раздѣляли всеобщее удовольствіе, хотя впрочемъ и не у всякаго могла бытъ на умѣ веселость, ибо пог-

да, вся Варшава исполнена была смятенія и Французовъ. Учрежденная тогда правительствомъ Коммиссія, состоявшая подъ начальствомъ Малаховскаго, человека испинно благороднаго и при всемъ томъ во многихъ случаяхъ испытывающаго большія несправедливости, существовала еще не болѣе осьми дней.“

„Графиня Ст. . . . ая была въ этотъ вечеръ прелестна какъ ангель. На ея шеѣ блистало превосходное жемчужное ожерелье, которое получила она къ новому году въ подарокъ отъ своего дяди. Точно такое же и въ то же время, по естѣ къ первому Генваря, было подарено и моей сестрѣ, но на сей разъ она не имѣла его на себѣ. Двѣ молодыя соперницы вступили въ дружескій споръ о томъ, чье ожерелье лучше: каждая отдавала преимущество своему. Наконецъ, что бы рѣшить недоумѣніе, обѣ просили меня сѣздить за ожерельемъ. Сестра дала мнѣ ключъ отъ своего ларчика, я сѣлъ въ карету и поскакалъ домой.“

Письмо I.

Блонія, 21 Генваря 1807.

Всѣми Греческими и Римскими божествами, между копорыми вы, прелестная Графиня, заняли бы первое мѣсто, заклинаю васъ на меня не сердиться. Вмѣсто того, чшобъ, ожерелье Софіи привезши вчера къ вамъ, я отвезъ его въ Блонію. Но еще сегодня же возвращусь въ Варшаву и ничто не удержишь меня просишь у ногъ вашихъ извиненія. Впрочемъ и шеперь, пользуясь скучнымъ часомъ времени и отправляющимся въ Варшаву курьеромъ, я спѣшу заранѣ повиниться предъ вами. Знаю, что поступокъ мой покажется вамъ непростишельнымъ: онъ замедлилъ шоржество ваше; но будьте снисходительны, удостойте прочиташь сіи спроки и жершва, принесенная мною дружбъ, конечно вмѣсто гнѣва возбудишь въ васъ сожалѣніе.

Приѣхавши домой, я доспаль ожерелье сеспры моей и гоповъ уже былъ на крыльяхъ удовольствія летѣшь къ

вамъ, какъ вдругъ слуга докладываетъ мнѣ, что какой-то Французскій Офицеръ желаетъ говорить со мною. Мнѣ нельзя было отказатьсь принять его. Онъ вручилъ мнѣ письмо. Представьте себѣ: это было первое, полученное мною послѣ двѣнадцатилѣтней разлуки отъ единственнаго, сердечно любимаго друга Феликса Л. . . . аго, который въ продолженіе сего времени сдѣлалъ всѣ походы съ Наполеономъ и нынѣ командуетъ Польскимъ полкомъ. Вотъ что писалъ онъ ко мнѣ: „сію минушу прибылъ я въ Блонію и узналъ, что ты, любезный Юсифъ, теперь въ Варшавѣ. Находясь предъ стѣнами сего города, милаго мнѣ города, я — вообрази всю мою горестъ—лишенъ надежды бытъ шамъ, видѣтъ тебя и прижасть къ своему сердцу. Сюда приѣхалъ я изъ Познани и нашель здѣсь курьера съ приказаніемъ немедленно скакать въ Торунь. Однако я намѣренъ нѣскольکو часовъ отдохнуть здѣсь и потому прошу тебя: приѣзжай въ Блонію, спиши на минушу увидѣшься съ другомъ своимъ. Кто знаетъ, случится ли намъ еще когда нибудь сойшися шакъ близко на семь

свѣшѣ. Мы имѣемъ много кое-чего пере-
сказать другъ другу. Завтра съ разсвѣ-
томъ я отправляюсь отсюда. “

Подумайте, прелестная Графиня,
могъ ли я не воспользоваться сею ми-
нушою? Могъ ли отказать отъ свиданія,
съ другомъ, котораго шакъ долго
былъ лишень? И можете ли вы еще
на меня сердиться? — Я попросилъ
Офицера сѣсть въ свою карету, наки-
нулъ шинель и — вмѣсто того, что бы
спѣшилъ въ храмъ любви — поскакалъ на
пиръ дружества.

Дорога была прескверная, темнопа
ужасная мы перенесли тысячи непріят-
ностей. Наконецъ прїѣзжаю въ Блонію,
но Феликса моего здѣсь уже нѣтъ. Ув-
хавши въ Сухачевъ, гдѣ ожидали его два
Французскіе Генерала, онъ оставилъ
мнѣ записку, въ которой просилъ убѣ-
дительно за нимъ шуда слѣдовать съ
увѣреніемъ, что во всякомъ случаѣ бу-
дешь непременно ожидать меня. Заб-
хавъ для него уже шакъ далеко, я хочу
пожертвовать еще нѣсколькими ча-
сами на ospальныя немногія мили.
Только шо мнѣ ужасно досадно, что

одна изъ лошадей моихъ ночью окромѣла: я долженъ взятьъ почтовыхъ, а на станціи нѣтъ ни одной — всѣ забраны Французами. Однако меня обнадежили, что черезъ часъ можно мнѣ будетъ отправиться.

Прощайте, почтеннѣйшій другъ мой, прелесная Графиня! Сей же вечеръ еще буду я имѣть счастье цѣловать ваши ручки. Съ душевною преданностію и пр.

Графъ I. В.

Письмо II.

Кутно 23 Генваря.

„Какъ! Изъ Кутно?“ скажете вы съ изумленіемъ, распечатавъ это письмо. Повѣрьте, что я и самъ не меньше удивляюсь пому, какъ попалъ сюда. Судьба идетъ мнѣ наперекоръ, хочетъ непременно сдѣлать меня передъ вами джецомъ, и я отъ того въ опчаяній. Что вы обо мнѣ подумаете? И повѣрили, что при всемъ томъ я невиннѣйшій человекъ на свѣтѣ?

Одно только радуешь меня въ моемъ

похожденіи въ Сухачёвѣ заспалъ я своего Феликса. Съ живѣйшимъ чувствомъ восшорга заключили мы другъ друга въ объятія и плакали оба, какъ дѣши. Какое-то сладостное и вмѣстѣ печальное расположеніе духа овладѣло нами при нашемъ свиданіи. Миѣ казалось, какъ будшо уже за предѣлами міра нашель я ошпалъ давно осшавившаго меня друга, и сжималъ его въ своихъ объятіяхъ, въ безмолвномъ восхищеніи, какъ будшо шеперь шолько могъ совершенно уполишь въ слезахъ многолѣшнюю горешъ о его потерѣ!

Вы конечно его знали. Пылкій юноша возмужалъ въ славу и для славы: шопъ же огонь въ глазахъ, но вмѣсто легкомысленной улыбки я вижу добродушную важность налицѣ его. Египетское и Испанское солнце положило на немъ печашъ свою; двѣ раны, оспрыми Калабрскими саблями нанесенныя, дѣлающъ лице его споль привлекательнымъ, что — признаюсь — не могъ бы я бышь покоенъ, если бы ошвели ему кварширу въ вашемъ домѣ, прелесшная Графиня!

Повѣствованіе о военныхъ его подвигахъ оставляю я до личнаго съ вами свиданія, но есть до послѣ завтра. Боже мой! Какъ въ нынѣшнее время люди бросающаися изъ одной части свѣта въ другую! Настоящее переселеніе народовъ! И никоимъ образомъ не можешь поручиться, гдѣ окончишь жизнь свою: въ Европѣ или Азіи, въ Африкѣ или Америкѣ!

Но оставимъ это. Для васъ-конечно любопытиѣе знаніе, какимъ образомъ вмѣсто Варшавы, очутился я здѣсь, въ этомъ скверномъ, несносномъ городишкѣ. Прошу же выслушать. Вы вѣрно будете смѣяться моей бѣдѣ, и я самъ послѣ буду смѣяться этому несомнѣнно, но, что теперь тошно сойти съ ума отъ досады: до сихъ поръ я еще не съ вами! —

Въ Сухачевѣ пробылъ я съ другомъ своимъ до самой ночи. Тогда не смотря на усталость свою, я хотѣлъ немедленно отправиться въ Варшаву, но какъ я не имѣлъ никакой надежды получить почтовыхъ лошадей, то Феликсъ сдѣлалъ для меня большее одолженіе, доставилъ мнѣ посредствомъ воинской своей

власти обывательскую подводу до Блоніи. Явилась кибичка, запряженная въ три лошади. Я еще разъ прижалъ добраго Феликса къ своему сердцу; онъ поскакалъ, а вскорѣ послѣ него и я.

Успавши опъ путешешствія прошедшей ночи, въ которую не смыкалъ вовсе глазъ, и опъ безпокойствъ дня, я закрылся опъ рѣзкаго вѣпра и мятели цѣновкою, закушался въ свою шинель и заснулъ крѣпкимъ сномъ, хотя повозка моя безпрестанно ныряла изъ одного ухаба въ другой. Къ счастью передъ опъѣздомъ изъ дому сверхъ бальнаго своего плашья, надѣлъ я сюршукъ, а ноги мои въ шелковыхъ чулкахъ и поненькихъ башмакахъ согрѣвались какъ могли въ сѣнѣ, которымъ запасся мой извощикъ.

Я спалъ безпокойно, но мечпалъ пріятно: богъ сновидѣній представлялъ мнѣ самую доброшу и любезность въ вашемъ видѣ! Какое благополучіе чиналъ я въ глазахъ вашихъ! Сердца наши прещепали опъ удовольствія; я зналъ, что вы чувствуете и при всемъ помъ чувствоваль несравненно болѣе, нежели вы. О, для чего это былъ одинъ только

сонъ! Ахъ, прелесшная Юлія! Еслибъ только вы знали сколь счастливымъ могу я бышь опъ одного вашего слова, то конечно и на яву казались бы мнѣ въ видѣ сего благодатнаго Генія.

Какъ ни часію ужасные шолчки подъ бока и въ голову испоргали меня изъ моего Элизіума, но глаза мои невольнo опяшь смыкались и вы всегда были шопъ Ангель, который возвращаль меня въ мой поперянный рай. Наконецъ я совершенно проснулся, и предспавъше весь мой ужасъ, когда упренняя заря блеснула въ глазахъ моихъ. Гдѣжь надежда моя прѣвкашъ еще до полуночи въ Блонію! Опкинувъ поспѣшно цѣновку, вижу, что мы вѣвжаемъ въ маленькой городокъ, кошораго я съ роду не видываль.

„Гдѣ эшо мы?“ спросиль я съ невольнымъ содроганіемъ извощика.

— Въ Кушно!—опвѣчаль онъ весьма хладнокровно и вѣхаль спокойно впередъ.

„Въ Кушно?“ вскричаль я задыхаясь опъ досады. „Кшо велѣль шебѣ везпи меня въ Кушно? Въ Блонію, въ Блонію!...“

Бездѣльникъ ѣхаль впередъ, какъ будто не слыша ничего, и наконецъ остановился у шрактира. Вышедъ изъ повозки, я былъ совершенно какъ разбитый, но несмотря на то хотѣлъ прочишь хорошенько негодая. Онъ однако побожился мнѣ, что Французскій Офицеръ приказаль ему ѣхать въ Купно, или покрайней мѣрѣ шакъ ему послышалось. Сказавъ это, удариль онъ по успалымъ лошадямъ и исчезъ изъ глазъ моихъ.

Ошъ хозяина гостинницы, узналь я, что безсовѣстный мой извозчикъ былъ Купнинскій жишель; проходящія войска съ недѣлю уже назадъ взяли его изъ города и вѣроятно, по обыкновенію военныхъ людей, принудили его побоями таскаться всюду за собою, почему онъ и не оставиль упопребишь въ свою пользу удобный случай и шемношу ночи, чтобы возвратишь на родину, особливо когда увидѣль, что я Полякъ, а не Французъ, и даже не Офицеръ.

Сіе замѣчаніе, сдѣланное догадливымъ шрактирщикомъ, могло бышь весьма справедливо, но мнѣ ошъ шого не

было легче. Въспомо Варшавы или по крайней мѣрѣ Блоніи, я попалъ къ Кушно. Хозяинъ подалъ мнѣ въ утѣшеніе негодный завтракъ и льстилъ надеждою, что можешь быть скоро найдется случай отъѣхать опять въ Сухачевъ. Съ своей стороны онъ дѣйствительно много старался, чтобы достать мнѣ лошадей; я самъ вчера цѣлый день бѣгалъ взадъ и впередъ въ шелковыхъ чулкахъ по грязнымъ улицамъ, но все по напрасну. Всѣ здѣшнія лошади забраны для арміи. Наконецъ отыскалъ я даже того негодяя, который завезъ меня въ Кушно, прощалъ ему все, и держа въ рукахъ пуго набитый кошелекъ, просилъ только о томъ, чтобы довезти меня назадъ въ Сухачевъ. Но онъ клялся, что лошади и повозка еще въ томъ же вечерѣ возьму у него опять, хотя мой проницательный хозяинъ, можешь бытъ, весьма основательно думалъ, что и по и другое скрыто имъ въ безопасное мѣсто для избѣжанія новыхъ реквизицій.

Наконецъ сего дня сдѣлалъ я условіе съ однимъ Французскимъ Инженернымъ Офицеромъ, живущимъ въ одномъ

со мною иракпирѣ. Онъ ѣдетъ въ Кладово. Я отпрапляюсь туда вмѣстѣ съ нимъ, а шамъ уступилъ онъ мнѣ свою повозку вмѣстѣ съ полномочіемъ пользоваться ею, какъ реквизиціонною, до Сухачева, а если захочу, то до Блоніи и даже до Варшавы. Однако чтобы вѣрнѣе положишься и на эшонъ случай, я не только предупредилъ извощика о нашемъ условіи, но далъ ему слово, что изъ реквизиціоннаго права своего не сдѣлаю никакого злоупотребленія, а заплачу ему за все наличными деньгами. И шакъ я доведенъ до такой крайности, что въ самую несноснѣйшую погоду принужденъ ѣхать прежде въ Кладово, а потомъ возвращаться оцпашъ въ Купно; ибо иначе долженъ опасаться, что не увижу болѣе ни лошадей шѣхъ, ни повозки.

Во всемъ здѣшнемъ краю ужасная бѣдность. Наши освободители дорого заставляють насъ плашить за свободу. И за большія деньги едва можно достать хлѣба.

Но я долженъ кончить это письмо, иначе опоздаю на почту. О, какъ я за-

видую сему счастливому листику: онъ можеть бытъ цѣлыми двумя днями ранѣе, чѣмъ я, будеть находись въ вашей комнашѣ. Въспѣть съ письмомъ симъ отправляю я другое къ сестрѣ моей. Прошу васъ успокоить добрую дѣвушку и увѣрить ее, что послѣ завтра я буду непременно въ Варшавѣ.

Прощайте! Я умираю отъ непрерывнаго видѣнья васъ. Нѣсколько разъ покушался я вчера въ бальныхъ своихъ башмакахъ по снѣгу и грязи отправиться пѣшкомъ въ Варшаву. Но къ счастью небольшой мой разсудокъ сдѣлалъ мнѣ весьма основательное замѣчаніе, что нельзя пройти или пробѣжать по такой дурной дорогѣ двадцати миль прежде двухъ сушокъ.

Нечего дѣлать! Утѣшаюсь единственно надеждою, что послѣ завтра приѣду къ вамъ въ Варшаву. — Просшите! — Желаю, чтобы вы почувствовали пощипывающій поцалуй, который мысленно напечатлѣваю на вашей прелестной ручкѣ.

(Продолженіе впрѣдъ.)

V. НИЩЕ ВЪ АНГЛІИ:

Всѣмъ извѣстно, что Англинская чернь чрезвычайно предана пьянству, и хотя одинъ шамошній писатель утверждаетъ, будто многіе изъ его соотечественниковъ пьютъ не только по склонности, сколько для того, чтобы занять себя, всякой однакоже согласишься, что такое занятіе ведетъ къ нищенскому посоху. Это доказываетъ ужасное множество бѣдныхъ, находящихся теперь въ Англіи: число сихъ несчастныхъ простирается до двухъ миліоновъ и содержаніе ихъ стоить Государству по почтѣйшему исчисленію ежегодно по крайней мѣрѣ двѣнадцать миліоновъ фуншовъ стерлинговъ, что составляетъ почти четвертую часть всѣхъ доходовъ Великобританіи. Естественное, что сіе столь чрезвычайно распроспранившееся въ Англіи зло обратило наконецъ на себя вниманіе проницательныхъ Государственныхъ чиновниковъ и побудило ихъ къ разысканію и отвращенію онаго. Всѣ древніе законы противу нищенства, какъ по установле-

нія Алфреда, Елисаветы и пр. теперь уже не годятся, а новѣйшія совсемъ не наблюдаются. Большая часть бѣдныхъ живетъ въ самомъ Лондонѣ и довольствуется наиболѣе нищенствомъ, которое обратилось теперь въ настоящую отрасль промышленности. Нѣкоторые церковные приходы опличаются особенно тѣмъ, что они тысячами сихъ бездомныхъ людей даютъ пристанище на ночь, и въ каждомъ изъ сихъ приходовъ находятся многіе публичные дома, которые единственно опредѣлены для ночлега нищимъ и содержатся на общественномъ издѣвленіи. Между самыми нищими существуетъ также весьма порядочное устройство. Въ каждомъ приходѣ раздѣляются они на нѣсколько обществъ и сіи снова на Walks (гульбища), кои всѣ имѣютъ особенныя, собственно имъ отведенныя мѣста. Если какое нибудь изъ сихъ послѣднихъ особенно прибыльно, то всѣ общества посѣщаютъ его попеременно и каждый назначенный туда членъ можетъ пробыть на ономъ отъ одного до трехъ и четырехъ часовъ. Доходъ такого ни-

щаго, взятый въ сложности, составляешь въ день по крайней мѣрѣ одинъ шалеръ, который никогда почти не берегаешься до другаго дня. Если же у кого изъ нищихъ остаешься ошь прошедшаго вечера нѣсколько грошей, то они покупають на эти деньги вина, подчуютъ имъ другъ друга и пошомъ уже отправляются на свой промыселъ.

Они имѣють у себя особенный комитетъ, который каждому изъ нихъ назначаетъ мѣсто, гдѣ онъ долженъ проспать день; обыкновенно лучшія мѣста достаются старѣйшимъ. Въ нѣкоторыхъ публичныхъ домахъ, гдѣ они ночуютъ — ножи, вилки, щипцы, всѣ почти вещи, даже шаганы въ каминахъ, прикрѣплены цѣнями, скаперши прибиты гвоздями къ споламъ. Однако ужины въ такихъ домахъ нельзя назвать скудными: столы бывають покрыты блюдами съ говядиной, сосисками, окороками и пшицами всякаго рода; въ особенносми достойно замѣчанія, что нищія почитають за величайшій для себя сщыдъ ѣсть оспашки какаго нибудь кушанья; ни одно почашое жаркое не смѣешь явиться у нихъ на сполѣ.

При помѣ пьютъ они всегда такъ исправно, что пошчасъ начинающся между ими споры, копорые обыкновенно оканчивающся дракою. При входѣ въ таковой публичный домъ, всякой нищій долженъ заплашить напередъ придвернику деньги за ночлеги: полшора гроша за простую солому, два — чтобы ему на ней хорошенько посплали и три — за порядочную постель. Ихъ обыкновенно запирають въ комнатахъ, чтобы чего нибудь не украли, и на другой день при выходѣ осматривають всѣхъ по одиначкѣ въ дверяхъ. День начинають они посѣщеніемъ вешошника, которому продають старое бѣлье, плащье и башмаки, выпрошенныя ими на канунѣ. Что бы выманить башмаки, ходящъ они босикомъ и сами себѣ расправляютъ на ногахъ раны до того, чтобы изъ нихъ текла кровь. Не возможно описать до какой степени испорченности доспигли сіи люди и какія безчисленныя уловки употребляютъ они для возбужденія состраданія. У Церкви Св. Павла сидитъ обыкновенно одинъ довольно порядочно

одѣшый человекъ, котораго собака держишь во рпу шляпу. Онъ уже нѣсколь-
 ко разъ сидѣль въ пюррьмъ за нищен-
 сшво, но пеперь всякой разъ оправды-
 ваеться тѣмъ, что не самъ онъ, а соба-
 ка его просишь подаянiя. Впрочемъ эта
 собака исправляетъ такъ хорошо свое
 ремесло, что приносишь ему ежеднев-
 но ошь пяши до шести палеровъ, въ
 чемъ онъ самъ признавался полицей-
 скимъ чиновникамъ. Одинъ, довольно
 еще молодой человекъ, шапаеться по
 улицамъ съ опкрышою головою и обна-
 женными руками, въ изодранномъ жи-
 лешѣ и исподнемъ плашьѣ; хромаешь
 и кривляешся ужасно — какъ будто
 бы не можеть и ползаетъ. Несмотря на
 шо, онъ имѣеть, какъ говорятъ, доволь-
 но значительныя суммы въ Банкѣ и
 припомъ считаешь славнымъ кулач-
 нымъ бойцемъ. Недавно полицейской
 служитель хопѣль одного, едва едва
 передвигающагося на деревянной ногѣ
 человекъ, взяшь за что-то подь спра-
 жу; но сей послѣднiй удариль его своею
 деревяшкою по головѣ и побѣжалъ шакъ
 прышко, что полицейскiй съ здоровы-

ми ногами не могъ догнать его. — Нѣкто Гардингъ живешь большею частію спарымъ плашьемъ и башмаками, копорые себѣ выпрашиваетъ: изъ Гренвичскаго гошпиталѣя получаетъ онъ пенсіонъ и безъ всякаго спыда и опасенія говоришь всѣмъ, что этошь пенсіонъ соспоишь полько изъ нищенскихъ восьми фунговъ сперлинговъ, а на какомъ нибудь публичномъ мѣспѣ въ одинъ часъ получаетъ онъ сполько, что довольно ему бываетъ на цѣлый день. — Женщины хуже мужчинъ. Если вспрѣшишь гдѣ нибудь нищюю съ двумя ребятами, шо смѣло можно бишься объ закладъ, что это обманщица. Онѣ ссужаютъ попеременно другъ друга дѣшми и даже нанимаютъ ихъ, чтобы возбудишь болѣе состраданія. Обыкновенно плашится за шакаго ребенка ошь шрехъ до шесши грошей въ день, смешря пошому болѣе или менѣ онъ изуродованъ. — „Какъ? — сказала однажды нищя своей подругѣ, копорая полько что наняла для себя ребенка — шесшь грошей за шакое прекрасное дитя! Да за эти деньги можно найши славнаго уро-

да!“ Въ домахъ, гдѣ ночуютъ нищіе, одна опытная старуха училъ по вечерамъ маленькихъ дѣшей нужному для сего ремесла языку и уловкамъ. Такимъ-шо образомъ сіи несчастныя шворенія съ малолѣтства гошовапся уже бышь негодьями и обманщиками, и растушь, имѣя предъ глазами, самыя поспыдныя примѣры обмана, пьянства и возможнѣйшаго распущства. И всѣ сіи возмущительныя для челошества безпорядки вспрѣчаются въ образованнѣйшей странѣ Европы! И до сихъ поръ не приняли надлежащихъ мѣръ къ опвращенію шоль пагубнаго зла! Опъ сей-шо испорченности съ малыхъ лѣтъ всѣ вообще нищіе, даже старики, кошорые не издерживають всего дневнаго дохода и нерѣдко наживають значительныя капиталы, не могутъ преодолѣть себя, чшобы откашаться отъ сего низкаго сосшоянія, и просятъ милосшыню до самой своей смерти. — Недавно однако случилось въ Лондонѣ, что одинъ нищій оставилъ свое ремесло. Это былъ изуродованный Негръ, кошорый каждый день, въ шечеңи шрехъ или чешы-

рехъ лѣтъ просиль подавнїя при дверяхъ одного извѣстнаго магазина, и собравъ такимъ образомъ въ продолженіе сего времени около 1500 фунтовъ шерлинговъ, возвратился онышъ въ Веспъ-Индію.

A. B.

(Изъ Panorama d' Angleterre.)

~~~~~

СМѢСЬ.

Новости *)

Чудесное явленіе Природы.

17 Юля, около 7 часа вечеромъ, примѣтили многіе путешественники на половинѣ дороги между *Свендборгомъ* и *Одензее* въ *Фіоніи* новое весьма достопримѣчательное явленіе, а именно: они увидѣли ниспадающее, подобно дождю, великое множество большихъ и маленькихъ шариковъ, копорые отъ пресѣченія солнечныхъ лучей принимали на себя всѣ цвѣты радуги. Упавъ на руку, они мгновенно превращались въ пары и оставляли по себѣ желтое пятно, равно какъ и сильный сѣрный запахъ. По воздуху носились они какъ мыльные пузыри и это продолжалось почти до захожденія солнца.

Новыя изобрѣтенія.

Въ *Лондонѣ* изобрѣли новую ночную лампу. Она состоитъ изъ плашинной нитки, обернушой винтообразно около свѣшильни, облишой виннымъ спиртомъ. Зажигающъ свѣшильню и когда она разгорячишъ плащи-

---

*) Изъ разныхъ иностранныхъ Журналовъ и писемъ къ Издашедю отъ его корресподентовъ.

ну до того, что сія покраснѣетъ, то гасящъ лампу; плашвинная вишка удерживаетъ тогда свѣтъ допояль, пока есть еще алкоголь (Alcohol). Одной унціи достаточно, чтобы содержать свѣтъ въ продолженіи 16 часовъ.

По извѣстіямъ изъ *Нордгаузена* изобрѣтенная мѣльничнымъ Архипекшоромъ *Ландграфомъ* въ *Галиѣ* (Натта) въ Княжесствѣ *Шварцбургѣ—Зондергаузенскомъ*, коляска весьма превосходитъ появившіяся недавно *Дрезинь* или бѣгальныя машины. Эта коляска о четырехъ колесахъ имѣетъ пространство для двухъ взрослыхъ и двухъ дѣшей. Обыкновенное мѣсто кучера оснается пусто, а только позади онаго (и позади передней оси) сдѣлано мѣсто для того, кто приводитъ коляску въ движеніе. Это дѣлается посредствомъ находящагося подъ его ногами колеса, имѣющаго около 1 фута 9 дюймовъ въ поперечникѣ и снабженнаго со всѣхъ сторонъ четырьмя порчаними врознь спицами. Коляска идетъ весьма удобно какъ впередъ, такъ и назадъ. Одинъ достоверный человекъ самъ оную пробовалъ и берется не только ѣхать на ней на разстояніе нѣсколькихъ миль, но еще, несмотря на его довольно слабыя силы, взять съ собою двухъ или трехъ человекъ.

Слышно, что *Сиръ Вилліамъ Конгревъ* сдѣлалъ многія новыя изобрѣшенія и усовер-

шенствованія касашельно морскихъ орудій стрѣльныхъ орудій.

Извѣстный Г. Дидотъ Сенъ - Лежеръ, изобрѣтшій послѣ 18 лѣтнихъ трудовъ машину, коею онъ посредствомъ одного механизма, безъ помощи теплоты, дѣлаеть бумагу всякой толщины и длины, сушишь ее, подклѣиваетъ и совершенно вырабатываетъ, усовершенствовалъ нынѣ сию машину и съ помощію большихъ суммъ, данныхъ ему разными капиталистами, заводитъ во Франціи бумажную фабрику, для чего и прибылъ сюда обратно изъ Англіи.

Извѣстія о новыхъ иностранныхъ книгахъ,

Художникъ *Авмагнеси* предпринялъ въ Парижѣ изданіе весьма любопытнаго сочиненія, подъ названіемъ *Aventures de Sapho*, въ четвертку, съ 60 гравюрами и Французскимъ текстомъ, причемъ стихотворенія *Сафы* будутъ помѣщены и въ подлинникѣ на Греческомъ. Портретъ *Сафы* взятъ Г. *Авмагнеси* съ медали, хранящейся въ Императорскомъ монетномъ кабинетѣ въ Вѣнѣ и считающейся единственнѣмъ неподдѣльнымъ экземпляромъ, оставшимся намъ отъ древности.

По извѣстіямъ изъ Вѣны, тамъ происходитъ нынѣ безпресшанные споры pro et

contra о новой, впрочемъ весьма недурной Трагедіи: *Сафо*, сочиненія молодаго авшора *Грильпарцера*. Всѣ журналы наполнены разборами оной, критиками, вопросами, ошвѣтами, возраженіями и ш. п. О всякомъ словѣ, сказанномъ какимъ нибудь дѣйствующимъ лицомъ, толкуютъ какъ о цѣлой рѣчи, говоренной важнымъ дипломатическимъ чиновникомъ, и ни одна прокламація *Бонапарта*, опцимавшая иногда у Австріи цѣлыя Королевства, не была такъ строго разсмащриваема, какъ *Сафо Грильпарцера*. Сочинитель получилъ за сіе твореніе опъ Вѣнскаго придворнаго шеашра довольно значительный пенсіонъ.

Въ *Парижѣ* оппечатанъ недавно, одинъ томъ неизданныхъ доселѣ писемъ *Вольтера* (*Lettres inédites de Voltaire*) съ его портретомъ (рисованнымъ съ натуры *Иос. Вернетомб* во время засѣданія Французской Академіи въ 1778 году, послѣдняго, въ которомъ присутствовалъ *Вольтеръ*) и образцемъ почерка его руки (*fac simile*). Тутъ между прочимъ находится вся переписка *Вольтера* съ Графомъ *Шуваловымъ*.

Говорятъ, что въ скоромъ времени выйдеть въ *Парижѣ* новое изданіе *Дидеротовой* и *Даламберовой* Энциклопедіи.

Разныя извѣстія.

Парижъ. По недавно вышедшей Статистической Картинѣ Франціи Парижъ имѣеть 715.000 жителей, Лионъ 115.000, Марсель 96.000, Бордо 91.000, Рѣанъ 87.000, Нантъ 77.000, Лиль 55.000, Тулуза 50.000, Страсбургъ 49.000, Орлеанъ 42.000, Мецъ 41.000, Амьень 40.000, Нимъ 39.000.

Десять привилегированныхъ игорныхъ домовъ въ Парижѣ платятъ ежегодно 4,540.000 франковъ. *Рулетка* приводитъ всякій день въ обращеніе до 259.200 фр., а въ годъ до 94,608.000 фр., *Trente-un* ежедневно до 633.600 фр., а въ годъ до 231,264.000 фр. Такимъ образомъ во всѣхъ десяти игорныхъ домахъ ежедневно обращается почти миліонъ, а ежегодно до 325 миліоновъ франковъ, не говоря о значительныхъ суммахъ, кои выигрываются или проигрываются въ частныхъ домахъ.

Городъ *Парижъ* купилъ построенный *Г. Боларше* домъ въ предмѣстіи *Св. Антонія* съ принадлежащимъ къ оному садомъ за 508.300 фр. Сей домъ предполагали строить, а на мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ, проведенъ будетъ рукавъ *Уркского* канала.

Вѣна. Многіе изъ нашихъ Естественныхъ испытателей, отправившихся въ прошедшемъ году съ Принцессою Леопольдиною въ

Бразилію, по слухамъ сюда дошедшимъ, въ скоромъ времени должны возвратиться назадъ, обогащенные добычами разнаго рода. Жаль, что пребываніе ихъ тамъ было такъ кратковременно.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ прибыли сюда десять человекъ лекарей, выпущенныхъ изъ Санктпетербургской Медикохирургической Академіи, и посланныхъ на казенный счетъ путешествовать для усовершенствованія себя въ наукахъ, каждый по своей части. Они слушаютъ лекціи въ здѣшнемъ Университетѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ короткое время своего здѣсь пребыванія они успѣли привлечь любовь и уваженіе не только находящихся здѣсь Русскихъ, но и самыхъ жителей, особливо Г. Г. Профессоровъ и другихъ ученыхъ мужей, какъ своими обширными свѣденіями, такъ и примѣрнымъ своимъ поведеніемъ. Нѣкоторые изъ нихъ воспользовались наступившимъ нынѣ вакантнымъ временемъ, чтобы побывать въ другихъ мѣстахъ, почему либо заслуживающихъ любопытство: такъ Г. *Лобатевскій*, коего исключительная часть есть Бошаника, недовольный собранною имъ въ здѣшнихъ окрестностяхъ богатою добычею рашѣній, отправился недавно въ Швейцарію, чтобы путешествуя по оной илькомъ, собрать все, что нѣсколько уже

позднее время года можешь представить любопытнымъ его взорамъ. Такимъ же образомъ Г. Лукинъ поѣхалъ въ Венгрію для осмотра славныхъ тамошнихъ скотскихъ заводовъ. Весьма будешь жаль, если существующая здѣсь нынѣ непомерная на все пошребности дороговизна положитъ пре-дѣлы ихъ стремленію просвѣщать себя болѣе и болѣе, дабы со временемъ содѣлаться полезными гражданами общества и достойно возблагодаришь оному за издержки, употребленные на ихъ воспитаніе.

Константинополь. Изъ гимнастическихъ упражненій Воспока спрѣлннѣ изъ луна принадлежишь къ опличнѣйшимъ и любимѣйшимъ. Великій Султанъ съ нѣкошораго времени въ часы отдохновенія кажется предпочитаетъ оное всѣмъ прочимъ удоволь-сствіямъ и занимается онымъ почти еже-дневно. Часто на *Ок-Мейданѣ* (мѣстѣ для сего назначенномъ) занимается онъ инко-нишо симъ увеселеніемъ вмѣстѣ съ нѣко-шорыми придворными. Султанша *Гебейту-ла*, младшая сестра его, подарила ему не-давно лукъ, богато украшенный драгоценными каменьями, съ колчаномъ весьма большой цѣ-ны и получила за то отъ него множество богатыхъ матерій, шалей и сдѣланный изъ брилліаншовъ пучекъ цвѣшовъ. И Министры Высокой Порты, вѣрные придворнымъ обы-

чаямъ, присоединяюпъ часто, подобно Сулпану, къ упражненіямъ своимъ спрѣляніе изъ лука.

Ринопластика.

Искусство *водить за носъ*, какъ извѣстно, очень уже старо и во всякое время употребляемо было весьма удачно; но искусство *дѣлать носы* (Ринопластика) очень еще ново, и по испинѣ не столь легко, какъ первое. Кто доселѣ перьяль носъ, шопъ былъ самый бѣдный человекъ, хотя бы сидѣль по горло въ золотѣ: ибо происходящая ошъ того существенная выгода, что никшо не могъ дапъ ему щелчка въ носъ, принимаема была рѣдко въ сравненіе съ несчастіемъ бышъ изгнаннымъ изъ чело-вѣческаго общества; когда же кто приспавляль себѣ искусственный носъ, то люди разсуждали о томъ шочно шакъ, какъ городской писарь и жена прубача въ *Тристрамѣ Шанди*; при шомъ же это имѣло свои неудобшва: не лзя было хорошенько ни *вздернуть*, ни *повѣсить носа*, а иногда, неосторожно сморкнувшись, можно было оставишъ носъ въ плашкѣ.

Но шушки въ шпорону. Поперя носа ешъ столь ужасная поперя, что Тайный

Совѣшникъ *Грефе* въ Берлинѣ — единствен-
ный человекъ, которъй по сіе время умѣ-
еть вознаграждать оную — долженъ бытъ
причпенъ къ опличнѣйшимъ благодѣтелямъ
человѣческаго рода. Онъ издалъ подъ вышеу-
помянутымъ названіемъ книгу *), изъ кото-
рой извлечемъ мы здѣсь то, что можеть
бытъ любопытно и не для Медиковъ.

Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ Бра-
мины знали искусство дѣлать носы изъ ко-
жи со лба. Въ нѣхъ земляхъ, гдѣ носы
такъ часто опрѣзываются, конечно сіе
искусство было очень нужно. Вѣроятно чрезъ
Арабовъ перешло оно съ Востока въ Ита-
лію, гдѣ Сициліанскій лѣкаръ *Бранка* въ
1442 году занимался онымъ съ успѣхомъ, и
шайну сію оставилъ въ наслѣдство своимъ
потомкамъ, которые, для вознагражденія
недоспающихъ часшей носа, употребляли
кожу не со лба, но съ рукъ. Въ 1571 году
умеръ послѣдній изъ сихъ потомковъ, и въ
исходѣ уже XVI столѣтія *Таллиакоццо* (Tag-
liacozzo) привезъ сіе искусство въ свою от-
чизну Болонью и не скрывалъ его болѣе.
Къ несчастію умеръ онъ слишкомъ рано и
съ нимъ оно почти совершенно погибло.

---

*) Rhinoplastik oder die Kunst den Verlust
der Nase organisch zu ersetzen. Mit sechs
Kupfertafeln. Berlin 1818. In der Realschul-
buchhandlung.

Послѣдній, предпринимавшій такую операцію въ началѣ XVII столѣтія въ Венеціи былъ *Малинетти*. Съ тѣхъ поръ большая частьъ врачей смѣялись надъ симъ искусствомъ и даже Медицинскій Факультетъ въ Парижѣ рѣшительно объявилъ, что оно невозможно. Нашему времени было предоставлено частію чрезъ Англичанъ, частію чрезъ достопочтеннаго *Грефе* возобновить сіе пошерянное искусство. Первый опытъ предпринималъ *Г. Грефе* надъ однимъ здоровымъ и весьма еще молодымъ человѣкомъ, которому въ Монмаршрскомъ сраженіи носъ опрубленъ былъ саблею. Онъ соединилъ *Индійскій* способъ (образование носа изъ кожи со лба), съ *Итальянскимъ* (образование онаго изъ ручной кожи): ибо первый производилъ желаемое дѣйствіе иногда въ 6 недѣль, но оставлялъ всегда безобразную рану на лбу, и припомъ обнаженіе черепа можешь имѣшь иногда другія вредныя послѣдствія; *вторая* же метода хотя и не имѣешь такихъ неудобствъ; но цѣль оной достигается иногда по прошествіи уже года. По *новой* методѣ, названной *Нѣмецкою*, берется пошребная для шого кожа съ руки, укрѣпляется же по *Индійскому* способу безъ всякаго приутошвленія непосредственно къ переносью и производитъ вѣрное и совершенное леченіе безъ всякой ра-

ны на лбу или обнаженія черепа въ печеніе чепырехъ или шести недѣль.

Г. Тайный Совѣтникъ *Грефе* сообщилъ въ своей книгѣ чипашелямъ при замѣчательнѣйшія исшоріи подобныхъ леченій и для большѣй ясности приложилъ гравированныя изображенія. У всѣхъ шрехъ больныхъ операція имѣла совершеннѣйшій успѣхъ, хотя для леченія ихъ употреблены были разные способы. Первая была женщина, которую Г. *Грефе* лечилъ *Индѣйскою* методою; второю — молодой человекъ, которому сдѣлалъ онъ носъ по *Итальянской* методѣ; и третью — молодая дѣвушка, исцѣленная новѣйшимъ *Нѣмецкимъ* способомъ. Прежде думали, что приспавленные такимъ образомъ носы не могутъ выдерживать холоду; но вторымъ случай неоспоримо доказалъ шому противное, ибо вышеупомянутый молодой человекъ въ Январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, при 14 градусахъ спужи, работалъ въ открытой кузницѣ безъ всякихъ вредныхъ отъ шого послѣдствій.

Нѣмецкая методода можетъ бышь дѣйствительна только при совершенно здоровой, неослабшей (*schlaffer*) ручной кожѣ. Вылеченная симъ способомъ дѣвушка называется *Августа Вильгельмина Браунъ*. Она была въ то время 24 лѣтъ; пригожа собою, но блѣдна, спашна, нѣжна и припомъ нѣсколь-

ко слаба. Носъ пошеряла она ошь злаго лишайнаго нарыва. При книгѣ приложены два поршреша сей бѣдной дѣвушки: одинъ, какова она была до операціи; другой, какова шеперь. Новый носъ имѣеть пріащную форму и совершенно соотвѣшшвуееть прочимъ частямъ пригожаго ея лица. Невидно было никакого рубчика на мѣстѣ, гдѣ оцый наставленъ; шолько слабая, нѣсколько красноватая черта была замѣтна, но и сія напослѣдокъ исчезла совершенно.

Г. Грефе присовокупилъ къ своему сочиненію принадлежащее къ Ринопластикѣ *ученіе о бандажахъ* съ почивѣйшимъ изображеніемъ всѣхъ потребныхъ для шакowychъ операцій вещей и вообще описалъ все шакъ ясно, что, безъ всякаго сомнѣнія, многіе искусные хирурги приведены будущъ сею книгою въ состояніе повтѣрять при случаѣ операціи Г. Грефе. Двумъ ученикамъ его удалось уже совершенно шакіе опышы.

Сочинишель вышеупомянушой книги украсенъ уже пятью различными орденами; но настоящій великій орденъ заслугъ снискалъ онъ себѣ симъ вновь ошкрытымъ и до шакой степени улучшеннымъ имъ общепольнымъ изобрѣшеніемъ. Д.

(Изъ Литтературнаго Листка Г. Коцебу.)

Письмо къ Издателю Благонамереннаго.

Зальцбургъ 25 Августа
16 Сентября 1818.

Въ бышноешь мою въ Вѣнѣ имѣлъ я случай познакомишься съ однимъ молодымъ Англичаниномъ, который уже нѣсколько лѣтъ путешествуесть по Европѣ, былъ у насъ въ Россіи, знаетъ довольно порядочно нашъ языкъ и теперь объѣзжаетъ Испалю. Всего легче дѣлающся знакомства между путешественниками. Въ короткое время мы подружились такъ, что не могли расстаться безъ слезъ. Но дѣло не о томъ. Вчерашній день получилъ я отъ него изъ Рима письмо, изъ котораго сообщаю вамъ, М. Г. въ переводѣ слѣдующее:

„Дни два тому назадъ былъ я въ Ва-
„шканѣ. Разсматривая тамошнія рѣдкости
„и разговаривая съ Надзирателемъ, кото-
„рый мнѣ ихъ показывалъ, не помню въ
„чему сказалъ я, что былъ въ Петербургѣ
„и разумѣю нѣсколько Рускій языкъ. — „Такъ
„хотите ли я покажу вамъ одну Рускую древ-
„ность, которая можетъ быть будещъ для
„васъ интересна? „ — Вы меня много симъ
„обязаете. — „Пожалуйте же сюда.“ — Угадай
„шеперъ, любезный другъ, что бы это было

„такое? — Ноша Императора ПЕТРА Вели-
 „каго, собственноручно Имъ подписанная, къ
 „Папѣ Клименту XI на Латицкомъ и Рос-
 „сийскомъ языкахъ. При первомъ на нее
 „взглядѣ мнѣ пошчасъ пришло на мысль:
 „для чего нѣтъ тебя со мною? Съ какимъ
 „бы восхищеніемъ смотрѣлъ ты на черны
 „великаго Монарха, обожаемаго тобою! Съ
 „какимъ бы удовольствіемъ пожиралъ сло-
 „ва, начертанныя слишкомъ за сто лѣтъ
 „предъ симъ, безсмертнымъ благотворите-
 „лемъ всея Россіи! Признаюсь, что и я
 „столь чуждый тѣхъ чувствованій, кои
 „могли бы возродиться въ швоей душѣ при
 „видѣ сего драгоценнаго памятника, и зна-
 „комый съ великими дѣяніями ПЕТРА боль-
 „шею частію только изъ разговоровъ съ то-
 „бою, смотрѣлъ на сію бумагу съ благоговѣ-
 „ніемъ, которое обыкновенно чувствуешь при
 „видѣ какихъ либо памятниковъ безсмерт-
 „ныхъ дѣяніями своими людей, Геніевъ че-
 „ловѣчесва. Но что бы раздѣлить и съ
 „тобою хотя вѣсколько мои чувствованія и
 „не заставилъ тебя слишкомъ жалѣть о
 „томъ, что тебя на то время не было со
 „мною, я просилъ у Надзирателя позволенія
 „списать сію ноту для тебя и представъ
 „мою радость — получилъ оное. И такъ пре-
 „провождаю къ тебѣ при семъ списанную
 „мною копію, съ условіемъ однакоже не сер-

„дишься на меня, если ты найдешь въ ней
 „какія-либо ошибки. Сколько я ни спарал-
 „ся списывать точно такъ, какъ и въ ори-
 „гиналѣ (исключая шипль, которья, приз-
 „наюсь тебѣ, я пишашъ не масперь), легко
 „впрочемъ спашься можешъ, что плохое мое
 „знаніе какъ Рускаго, шакъ и Латинскаго
 „языка было причиною нѣкоторыхъ непра-
 „вильностей. Когда прїѣдешъ въ Римъ, то
 „самъ можешъ оныя исправить; я же посы-
 „лаю къ тебѣ мою конію, чтобъ доставишь
 „тебѣ пріятную минушу, и ш. д.“

Сколь я ни обрадованъ былъ такимъ
 для меня подаркомъ, но послѣднія его слова
 крайне меня опечалили. Мнѣ бы хотѣлось
 имѣть сію рукопись въ наспоющемъ ея видѣ,
 то естъ: съ такимъ же точно правописа-
 ніемъ, съ шѣми же знаками, съ шѣми же шип-
 лами и буквами, какія находяшся въ подлин-
 никѣ. Но чтожь дѣлашь? Помочь сему бы-
 ло нельзя, ибо пріятель мой чрезъ нѣсколь-
 ко дней намѣренъ былъ опсправиться оп-
 шуда въ Неаполь; другихъ же знакомыхъ въ
 Римѣ, къ кому бы я могъ адресовашься съ
 просьбою о помъ, я не имѣю. Что касаеш-
 ся до моего пушешествія въ Римъ, то не-
 смошря на мое чрезмѣрное желаніе испол-
 нишь сіе предпріятіе, кажешся, судя по пе-
 перешнимъ моимъ обспояшельспвамъ, я оспа-
 нусь при одномъ только желаніи.

И такъ, М. Г. препровождаю къ вамъ означенный памятникъ Величайшаго изъ нашихъ Монарховъ въ такомъ точномъ видѣ, какъ я самъ его получилъ. Если вы доведете оный до свѣденія нашей публики, хотя и въ семь несовершенномъ видѣ: то весьма легко спастись можете, что кто нибудь изъ молодыхъ нашихъ путешественниковъ, проѣзжая Римъ, возьметъ на себя трудъ разыскавъ въ Вапиканѣ сей достопамятный манускриптъ и доставивъ всемъ любителямъ древности вѣрнѣйшій съ онаго списокъ (*).

Имѣю честь быть и проч.

Д. . . .

(*) Пріятель мой прислалъ мнѣ Латинскій и Рускій тексты каждый на особомъ листкѣ и не пишетъ, какъ оныя находятся въ подлинникѣ; но я полагаю, что они написаны, какъ и здѣсь, на одномъ листѣ столбцами. Прии. Г. Д.

Списокъ съ Ноты ИМПЕРАТОРА
ПЕТРА Великаго къ Папѣ Кли-
менту XI.

Dei grātia Clemen-
ti XI Domino Domi-
no Papae dignissimo
summo-que sedis Ro-
manae Pontifici, post
expressam Pontifica-
tui Vestro convenien-
tem venerationem; com-
pareo primario cum
debita gratiarum ac-
tione coram Pontifi-
catu Vestro pro assis-
tentia, quam Regno
Poloniae Nobis cum
strictē faederato contra
regem Sveciae commu-
nem hostem Nostrum et
ejus adhaerentes hucus-
que constantissime cum
summa Totius orbis
aedificatione et im-
mortali nominis sui
gloria Pontificatus Vester
praestitit, ac con-
sequenter in Nos tan-

Божіею милостію
Клименту первому-
надесять Государю
Государю Папе все-
достоинѣйшему и
верховнѣйшему Ар-
хиерею Престола
Римскаго: по из-
влеченію Архирей-
ству Вашему при-
стойного поклоненія,
і являюся первен-
сшвенсшвенно дол-
жнымъ Благодарен-
нимъ предвашимъ
Архирействомъ за
вспомогательство,
во которое Королевст-
ву Польскому съ На-
ми крѣпко соединен-
ному прошивъ Ко-
роля Шведскаго, об-
щаго непріятеля На-
шего и его едино-
мышленниковъ даже

quam Principalem eius faederatum eximii favoris & insignis bonitatis suae particulares derivavit effectus ac obligationes, quibus Nos omnimodam & tempestivam gratitudinem rependere cupientes ad contestandam et demonstrandam Nostram devotionem & propensionem mittimus ad Pontificatum Vestrum incognito Camerarium Nostrum & guardiae subcolonellum Ducem Borisiū Kurakinum simulque enixè petimus; quatenus iis, quae Nomine Nostro referet, Pontificatus Vester fidem ac benignas aures tribuere dignetur. Quod reliquum est, Pontificatum Vestrum Tutelae Omnipotentis committimus, prosperum-

донынѣ препоспоянно съ крайнымъ всего, созиданиемъ и безсмертною имене своего славою, Архирействю ваше учинилъ и послѣдовательно къ вамъ аки первенственному его союзнику изрядныя приязни и знапныя благости своея особливья явилъ исполненія и обязательства, которымъ Мы всякую и благовременную благодарность воздапи желая. Ко объявленію и освидѣтельствуванію Благожелательства Нашего и склонности посылаемъ ко Архирействю вашему инкогнишо Нашего Комнашнаго и ошь Гвардіи Подполковника Князя Бориса Куракина, купно и прильжно

que successum optantes, permanemus in immutabili amicitia & affectu propensi. Dat: Zolkeviae Anno millesimo septingentesimo septimo, Januarii 18 Die.

P E T R U S.

просимъ, дабы оному чшо изменемъ нашимъ донесеть Архиперейство ваше въ ру и благопріятное слушаніе даши извоилтъ; при семъ Архиперейство ваше Всемогущему въ сохраненіе предаемъ и счастливаго поведенія желая, пребываемъ въ непремѣнной дружбѣ и любви склонный. Данъ въ Жолквѣ *) мѣша 1707 Генваря 18 дня.

П Е Т Р Ъ.

*) Жолкиѣ, Польскій городъ, принадлежащій нынѣ къ Австрійской Галиціи.

Извѣстія о новыхъ Рускихъ книгахъ.

- I. Записки Морскаго Офицера въ продолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ Вице - Адмирала Сенявина, издаваемая Капитанъ - Лейтенантомъ и Кавалеромъ Владиміромъ Броневскимъ.

Нѣкоторыя отрывки изъ сихъ Записокъ помѣщены уже какъ въ *Благонамеренномъ* (№ IV, V, VI, VII, VIII и IX), такъ и въ прочихъ здѣшнихъ и Московскихъ Журналахъ, а именно: въ *Сынъ Отечества*, *Рускомъ Инвалидѣ*, *Журналѣ древней и новой словесности* — въ *Вѣстникѣ Европы* и въ *Рускомъ Вѣстникѣ*. Это отнюдь не скучной Морской Журналъ, писанный для однихъ только мореходцевъ; но путешествіе, въ настоящемъ смыслѣ сего слова, любопытное для всѣхъ вообще и припомъ картинное. Сочинитель, по всей справедливости, можетъ быть причисленъ къ немногимъ нашимъ наблюдательнымъ путешественникамъ и имѣеть особенный даръ изображать точно и живо предметы, дѣлающіе сильное впечатлѣніе надъ его чувствами. Всѣ любители отечественной словесности и просвѣщенія искренно желали, что

бы сіи *Записки* вышли скорѣе въ свѣтъ. Если бы Г. *Броневскій* издалъ въ Англіи, во Франціи или въ Германіи свое пушечное, по, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ бы симъ себѣ состояніе. Но у насъ извѣстно какъ расходящіяся *Русскія* книги. Счастливъ, прикрашъ счастливъ писатель, который въ годъ, или въ два года, возвращаетъ издержки, употребленныя имъ на изданіе своихъ твореній. — Съ распространеніемъ нынѣ вкуса мы пребудемъ хорошихъ изданій: но хорошая бумага, печать — не говоря уже о виньетахъ, эстампахъ и ш. п. — стоющъ много, а охотниковъ до *Русскихъ* книгъ очень, очень еще мало! Почтенный Г. Вице — Адмиралъ *Александръ Семеновичъ Шишковъ* доставилъ отъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Російской Академіи и Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента значительное Г. *Броневскому* пособие для напечатанія его *Записокъ*. — Хвала и честь благородному патріоту!

Записки Г. Броневскаго состоятъ будущъ изъ *четырехъ* частей, кои составляютъ около 100 печатныхъ листовъ, или 1600 страницъ, въ большую осмушку, съ 20 ю картами, видами, портретами, и планами сраженій. Первая часть содержитъ въ себѣ: плаваніе отъ Кронштапта до Корфы и происшествія въ Адриатическомъ морѣ, по

Юнь мѣсяць 1806 года. Въ оной заключающія слѣдующія спашыи: Назначеніе эскадры. — Отбытіе изъ Кронштадта. — Гелсиноръ. — Поршмушь. — Гибралтаръ. — Калиари. — Осп. Спромболи. — Пучинь: Скилла и Хариѣда. — Мессина. — Корфа. — Рагузинская Республика. — Занятіе Боко ди Кашаро. — Описаніе сей Области и Черногорій, доселѣ ни однимъ путешественникомъ неописанной. — Освобожденіе задержанныхъ судовъ въ Тріеспѣ. Къ оной части приложашся: виды Кронборга и Дувра — Карпа Боко ди Кашаро: Портреты Бокезца, Приморской дѣвушки, Черногорца и Черногорки.

Вторая часть заключаетъ въ себѣ: Военныя дѣйствія противу Французовъ въ Адриатическомъ морѣ въ продолженіе 1806 года: взятіе Ос. Курцало. — Блокада Далмаціи. — Генераль Лорисшонъ занимаетъ новую Рагузу. — Митрополисъ Черногорскій беретъ спарую Рагузу. — Трижды съ своими нерегулярными войсками разбиваетъ Французовъ. — Генераль Маіоръ Князь Вяземскій, соединившись съ Митрополипомъ, разбиваетъ Лорисшона въ неприспунныхъ и укрѣпленныхъ мѣстахъ. — Осада новой Рагузы. — Снятіе оной. — Великодушное намѣреніе Бокезцовъ. — Неутвержденный миръ. — Переговоры о сдачѣ Боко ди Кашаро. — Вице — Адмираль беретъ башареи на мысѣ

Острѣ и Малоншѣ, прогоняетъ Французовъ до сп. Рагузы. — Ген. Мармоншъ на спускаетъ. — Ген. Попандопало съ 3000 удерживаетъ спремленіе 15000 Французовъ. — Мармоншъ дошедь до крѣпости Касшель — Ново, съ великою пошереею опуступаетъ и заключается въ своихъ крѣпостяхъ. — Замѣчаніе о Далмаціи. — Описаніе Сиракузъ, Палермы, Мальшы. — Военные анекдоты и замѣчанія о теченіи въпроевъ и другихъ воздушныхъ явленіяхъ въ Адриатическомъ морѣ. При оной части 5 картъ и видовъ.

Третья часть. Кампанія прошиву Турокъ въ Архипелагѣ въ продолженіе 1807 года, содержитъ въ себѣ: взятіе Ос. Тенедоса, разбитіе Турецкаго флоша въ Дарданеллахъ и у Аеонской горы. — Осада Тенедоса. — Городъ Салоники. — Острова: Идро. — Имбро. — Самошраки. — Скиро. — Ишсаро. — Самось. — Хио. — Лемность и Тино. — Гильзитскій миръ. — Сдача Корфы и Катаро Французамъ. — Штурмъ въ Атлантическомъ Океанѣ. — Прибытіе эскадры въ Лиссабонъ. При сей части планъ морскаго сраженія и 4 вида.

Четвертая часть, содержитъ въ себѣ: возвращеніе фрегата Венера въ Средиземное море. — Продолженіе описанія достопамятностей Палермы. — Война съ Англіею — Сдача фрегата Неаполитанскому Правительству. — Пребываніе эскадры въ Лиссабонъ, Три-

ствѣ, Венеціи, Тулонѣ и Корфѣ. — Лиссабонскій договоръ. Россійская эскадра приходитъ въ Портсмутъ подъ своимъ флагомъ. — Поднесеніе вазы Вице - Адмиралу Сенявину. — Извѣстіе о его службѣ. — Возвращеніе морскихъ служителей главной эскадры: моремъ въ Ригу, а всѣхъ другихъ опдѣльных эскадръ сухимъ путемъ въ разные порты Россіи. — Пребываніе шлюпа Шпицбергена въ Портѣ Виго. — При 4 часпи при вида.

Подписная цѣна сей книгѣ назначается самая умѣренная, а именно: на веленовой бумагѣ 50, на любской 30 и на хорошей, Ольхинской 25 рублей за одинъ экземпляръ. За пересылку прилагается 2 р. 50 к. Желающіе имѣть на веленовой бумагѣ благоволяшъ подписываться заблаговременно, ибо на оной печатается малое число экземпляровъ. — Первая часть выдешъ въ Декабрѣ; прочія же, если гошovy будутъ эстампы, каждая чрезъ два мѣсяца. — По собраніи нужной суммы подпискою, цѣна возвысится.

Подписка принимается здѣсь *вб С. П. буреѣ* у самаго Издашеля Владиміра Богдановича Броневскаго, живущаго въ Садовой улицѣ, въ домѣ Графа Ивелича подъ No 32; въ Коншорѣ редакціи Военныхъ Вѣдомостей или Рускаго Инвалида, на Сѣнной, въ домѣ Гжи Подшарацкой; въ книжномъ магазинѣ

Плавильщикова у Сняго моста и въ его же лавкѣ, что противъ Госпинаго двора, въ домѣ Балабина подь № 28; у книгопродавца Заикина, въ лавкахъ подь № 19, 20, 23 и 26; въ книжной лавкѣ братьевъ Слениныхъ на Невскомъ проспектѣ у Казанскаго моста — въ Москвѣ: въ Университетской лавкѣ у книгопродавца Ширяева; у книгопродавцовъ: Василья Душина и Свѣшниковъ въ книжныхъ лавкахъ Приказа Общественнаго Призрѣнія у Казанскаго Собора подь № 1, во флигелѣ Заиконоспасскаго монастыря на Никольской улицѣ и противъ Госпинаго двора на Ильинкѣ.

И.

2. *О распознаваніи и лѣченіи Гемороя или Потуга и другихъ, въ тѣсной связи съ нимъ состоящихъ болѣзней.*

Книга сія издается какъ для врачей, такъ и для особъ необучавшихся Медицины, но желающихъ имѣть надлежащія понятія о сущности Гемороидальной болѣзни и о средствахъ, служащихъ къ ея отвращенію. Сочинитель, излагая въ сей книгѣ признаки, Гемороидальную болѣзнь обнаруживающіе, причины ея происхожденія и способъ лечити оную, старался основываясь

на долговременной опытноности и тщательныхъ наблюдений, обнаруживъ главнѣйшія заблужденія на счетъ Гемороа, вкоренившіяся съ давнихъ временъ не только въ публикѣ, но и между самыми врачами. Онъ старался вывести изъ заблужденія особенно шѣхъ, которые приписываютъ Геморою благошворную силу изцѣлять разныя шѣлесныя болѣзни, уподобляютъ оный періодическому очищенію кровей у женщинъ, и которые почитая всякую непонятную для нихъ болѣзнь дѣйствіемъ Гемороа, старающіяся всѣми средствами побудить его шеченіе.

Въ сочиненіи семъ предлагается съ должною подробностію такъ же и о распознаваніи и леченіи болѣзней, въ шѣсной связи съ Гемороемъ состоящихъ, какъ то: о измѣненной дѣятельности кровеносной системы; о разспроисвѣ въ желудкѣ и всего кишечнаго канала; о непомѣрномъ накопленіи вѣшровъ въ желудкѣ и кишкахъ; объ обструкціяхъ или чревныхъ завалахъ; о Гемороѣ пузырьномъ; о Гемороѣ, открывающемся въ дѣшородныхъ частяхъ; о Гемороидальной коликѣ; о Гемороидальной сухощѣ, ипохондріи, чрезмѣрномъ накопленіи въ шѣлѣ жиру и проч.

Книга сія одобрена уже къ напечатанію, и коль скоро цопребная на то сумма

черезъ подписку собрана будетъ, по безъ замедлѣнія и выдепъ въ свѣпъ. Подписка принимается у самаго Сочинителя Доктора Статскаго Совѣтника Христіана Яковлевита Витта въ Придворной Госпитали, что у Полицейскаго моста. Цѣна въ бумажной оберткѣ здѣсь въ Санктпетербургѣ 10 р. а съ пересылкою въ другіе города 12 р. Имена подписавшихся особъ, какъ содѣйствующихъ къ изданію сей общепользной книги, будутъ при оной припечатаны.

X. В.

3. *Животный Магнитизмъ, представленный въ историческомъ, практическомъ и теоретическомъ содержаніи.* — Первые двѣ части переведены изъ Нѣмецкаго сочиненія Профессора Клуге, а третью сочинилъ Докторъ и Профессоръ Даниилъ Велланскій. Санктпетербургъ, 1818 года *).

Въ настоящемъ состояніи врачебнаго искусства, безъ сомнѣнія, заслуживающъ осо-

---

*) Книгу сію получать можно отъ Профессора Даниіла Михайловича Велланскаго, живущаго на

бенное вниманіе пѣ творенія, которыя содержатъ въ себѣ важнѣйшія открытія на пользу спраждущаго человѣчества. Въ числѣ сихъ открытій *животный магнетизмъ*, по всей справедливости, занимаетъ теперь первое мѣсто. Не нужно подтверждать сіе положеніе многими доказательствомъ. Кто знаетъ упорство и жестокость *хроническихъ*, особливо *нервныхъ* болѣзней, тотъ конечно признаетъ чудеснымъ, даже *божественнымъ* средствомъ то, помощію котораго онія болѣзни облегчаются и врачуются. *Животный магнетизмъ* чрезъ неоспоримые опыты оправдывается благошворнымъ своимъ вліяніемъ на облегченіе разныхъ *человѣческихъ* недуговъ. Весь ученый міръ преисполненъ славы о немъ! Спрадальцы, испытавъ безъ всякой пользы неисчерпаемый запасъ *дѣйствительнѣйшихъ* *врачебныхъ* средствъ, спѣшатъ найпти конецъ своимъ мукамъ въ семъ непоспужимомъ явленіи природы!

Не распространяясь о другихъ *безчисленныхъ* *дѣйствіяхъ* *магнетизма* надъ организмомъ, которыя разкрываютъ, можно

Выборгской споронѣ въ домѣ Императорской Медико-Хирургической Академіи. Цѣна здѣсь въ С. П. бургѣ 10 р. а съ пересылкою въ другія мѣста 12 р.

сказашь, исподоволь шайныя пружины нашей духовной напуры, я крашко упомяну полько о важности и достоинствѣ издавнаго на Рускомъ языкѣ *перваго*, сколько мнѣ извѣстно, пворенія *о животномъ магнетизмѣ*. Переводчикъ и купно Авшоръ сей книги Г. Велланскій, имѣя неушомимую ревность ко введенію въ сферу врачебныхъ наукъ важнѣйшихъ открышій для пользы своихъ соотечественниковъ, принялъ на себя трудъ перевести лучшее сочиненіе между многими о семъ предметѣ и пополнить оное собственнымъ своимъ *теоретическимъ истолкованіемъ*. Выборъ для перевода книги, удавленшорительное во всѣхъ опношеніяхъ изложеніе предметовъ оной, глубокомысленное разсужденіе *о сущности и свойствахъ животного магнетизма* — даюшъ Г. Велланскому неоспоримое право на полную благодарность какъ врачей, такъ и всякаго любопытнаго.

Дрѣ Яковъ Герѣв.

Издашель *Благонамѣреннаго* рѣшилсѣ продолжашъ Журналь свой и на слѣдующій 1819 годъ. Въ ономъ помѣщаемы будущъ преимущественно: 1) спихопворенія; 2) по-

вѣспи оригинальныя и переводныя; 3) отрывки изъ новѣйшихъ Рускихъ путешествій; 4) небольшія нравоучительныя, сатирическія, историческія и политическія сочиненія и отрывки; 5) разсужденія ошносительно теоріи словесности; 6) критическіе разборы образцовыхъ стихотвореній и особенно Басеѣ; 7) Рускіе и иностранныя анекдоты; 8) письма къ Издашелю ошъ его корреспонденшовъ изъ чужихъ краевъ, новости, разныя извѣстія и ш. п. — Многіе изъ почтенныхъ нашихъ литераторовъ обѣщались вспомошествовать Издашелю своими трудами. Онъ употребитъ всевозможное стараніе сдѣлать Журналь свой занимательнымъ и разнообразнымъ. — Въспшо одной книжки, съ Генваря 1819 года, выхидитъ будешъ ежемѣсячно по два нумера: одинъ въ половинѣ, а другой въ концѣ мѣсяца. Каждый шаковый нумеръ содержитъ будешъ въ себѣ по крайней мѣрѣ чешыре печашныхъ листа, шо естъ не менѣе 64 страниць въ большую осмушку. Подписка принимается у Издашеля, въ Газешной С. П. бургскаго Почшамша Экспедиціи, которая приняла мѣры къ доставленію сего Журнала иногороднымъ подписчикамъ въ непродолжительноиъ времени, и у всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцовъ. Цѣна за годовое изданіе, ш. е. за 24 книжки, здѣсь въ С. П. бургѣ

на любской бумагѣ 35, а на проспой 30 р.—
 За пересылку въ другіе города прилагается
 по 5 р. — Можно также подписываться и
 на полгода, ш. е. на первыя 12 книжекъ за
 половинную противъ вышеозначенной цѣны.
 Для всѣхъ вообще казенныхъ училищъ дѣ-
 лается уступки. цѣна каждого экземпляра
 въ годъ по 10 р. Начальники оныхъ благово-
 ляя относить ся съ требованіями своими
 къ самому Издашелю. Имена подписавшихся
 особъ будутъ припечатаны. Издашель про-
 ситъ подписываться заблаговременно, да-
 бы по числу пренумерировъ могъ онъ пе-
 чатать нужное количество экземпляровъ.

Александръ Измайловъ.

Извѣстiе о бѣдномъ сѣмействѣ.

Литейной части третьяго квартала въ хлѣбной улицѣ, при самомъ входѣ въ одну изъ шестилавочной, въ угольномъ домѣ мѣщанина *Денисова* подъ No 322, живеть несчастная вдова Поручица *Катерина Михайловна Давыдова* съ осмнадцатилѣтнею своею дочерью, безъ кошорой давно бы, можетъ быть, умерла — отъ голода. Прежде она жила въ изобиліи, и при выходѣ своемъ въ замужство, получила въ приданое отъ отца болѣе, нежели на 50,000 р. Отецъ ея, бывшій некогда здѣшнимъ 1 гильдіи Купцомъ *М. И. Соколовъ*, имѣлъ у себя равныя заводы, входилъ въ подряды, откупа и производилъ по торговлѣ своей обороты на милліоны рублей; но въ послѣдствіи времени, по спеченію несчастныхъ обстоятельствъ, лишился всего имѣнія, принужденъ былъ переписаться изъ купцовъ въ мѣщане, и наконецъ недавно умеръ въ бѣдной хижинѣ на рукахъ своей дочери и внуки. — Гжа *Давыдова* не долго была за мужемъ: она овдовѣла на 22 году. Покойный мужъ ея служилъ при незабвенномъ нашемъ Полководцѣ Графѣ *Суворовѣ* въ Финляндскомъ Еерскомъ корпусѣ; и отъ полученныхъ имъ въ сраженіяхъ тяжелыхъ ранъ прекратилъ жизнь свою въ 1801 году. Онъ не имѣлъ у

себя никакого соспоянія: жена его, по любви своей къ нему, употребила большую часть своего приданого на содержаніе его въ походахъ и на леченіе во время его болѣзни. Что оспалось у нея послѣ его кончины, то пережила она въ нѣсколько лѣтъ съ пресшарѣлымъ своимъ опцемъ и малолѣтними дѣтьми, которыхъ — къ счастью можешь бышь — всѣ умерли, кромѣ одной только младшей ея дочери, неоплучно при ней находящейся. Г. жа *Давыдова* давно уже шерпишь крайнюю во всемъ нужду, или лучше сказать совершенную нищету, и при ужасномъ разслабленіи нервъ, спраждеть еще падучею болѣзнію, припадки коей случаются съ нею весьма часто. Дочь ея, обученная разнымъ рукодѣльямъ. вышиваешь хорошо золопомъ; дѣлаешь шляпки, чепчики, и также шьешь всякія женскія и даже дѣтскія мужскія платья; но принуждена будучи находиться почти безоплучно при больной своей матери и не осмѣливаясь, по молодымъ своимъ лѣтамъ выходить одна изъ дома, часно сидеть безъ работы, а иногда — и безъ хлѣба. — О сей несчастной чепъ объявлено уже было въ 38 и 49 *Но Сына Отечества* прошедшаго 1817 года. Нашлись добрые люди, которые помогли въ то время бѣдной *Давыдовой*: безъ сомнѣнія и шеперь въ числѣ чипашелей *Благонамѣ-*

реннаго найдутся новые благотворители для сей, истинно несчастной вдовы и ея дочери. Последняя сочтетъ за величайшее для себя благодареніе, ежели доставятъ ей работу. Она рада просиживатьъ цѣлыя ночи за шитьемъ, лишь бы только выработатъ что нибудь для бѣдной своей матери.

И.

(31 Октябрѣ.)

ИМЕНА ОСОВЪ ПОДПИСАВШИХСЯ *
НА ЖУРНАЛЬ: БЛАГОНАМБРЕННЫЙ.

У Издателя:

Въ С. П. бурѣ:

Его Высокоблагородіе Романъ Ивановичъ Ли-
бернъ.

----- Николай Алексѣевичъ
Вершовскій.

Типулярный Совѣтникъ Баронъ Модебшъ Ан-
дреевичъ Корфъ.

Въ другихъ городахъ:

Въ Толскѣ: Его Высочородіе Николай Пеш-
ровичъ Горловъ.

Въ Перми:

Его Высокобл. Дмитрій Дмитриевичъ Поно-
маревъ.

Левъ Ивановичъ Ослоповскій.

Въ Екатеринбургѣ:

Шихшмейстеръ Андрей . . . . Орловъ.

----- Пешръ . . . . Андроновъ.

Въ Рязани: Его Высокобл. Николай Гаври-
ловичъ Рюминъ.

Въ Тамбовѣ: Коллежскій Секретарь Иванъ Андреевичъ Борисовъ.

Въ Козловѣ: Тип. Сов. Николай Михайловичъ Волковъ.

Куонецъ Онисимъ Игнатъевичъ Ташариновъ.

Въ Усмани:

Полковникъ Иванъ Карловичъ Арнолди.

Артиллеріи Капитанъ Бремзенъ.

Поручикъ Ингликовъ.

Гвардіи Подпоручикъ Констаншинъ. Савковъ.

Прапорщикъ Фадѣевъ.

Тип. Сов. Аргаманковъ.

Губ. Секр. Василій Андреевичъ Федоровъ.

Василій . . . . Самгинъ.

Г. Гусевъ.

Въ Проскуровѣ: Адъютантъ 13-й Артиллерійской бригады Подпоручикъ Спакельбергъ.

У Книгопродавца И. П. Глазунова:

Его Высокопревосходительство Василій Степановичъ Поповъ.

Ея Превосходительство Анна Федоровна Вишницкая.

Ихъ Высокоблагородія:

Марья Осиповна Глинка.

Николай Ивановичъ Тургеневъ.

Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ.
Надв. Совѣтникъ Чириковъ.

Ихъ Благородія:

Иванъ Ивановичъ Варакинъ.
Коммиссіонеръ 9-го класса Томашевскій.
Купецъ Іоасафъ Евгеніевичъ Смолинъ.

(продолженіе впрѣдъ.)

БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ.

Ноябрь 1818. № XI.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

I. СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ДИДАКТИЧЕСКАГО ОПЫТА ОБЪ АСТРОНОМІИ *).

1. Натала Астрономіи; полза оной для земледѣлія, для мореплаванія и для Хронологіи.

Услышь, Уранія! безвѣстной лиры звуки!
Ниспосланной побой отъ горнихъ спранъ
научи
Дерзаю пользу я и славу возвѣщать:
Поэзія свой гласъ обычла возвышашъ
При видѣ сихъ небесъ, гдѣ зришь свое на-
чало,
И смѣлости ея земли предѣловъ мало!

---

*) Числаны въ собраніи С. П. бургскаго Вольнаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ въ 24 ч. Октября.

О ночь, сколь прогаюшь пшвои насъ
 красош
 Задумчивъ, одинокъ и молчаливъ, какъ пш
 Смопря на пшвои покровъ усѣянный огнями
 Скипаюсь, окружень священными пшьями...
 Межь пшъмь какъ царство сна простерто
 предо мной
 Тамъ солнце въ тысячи вращаясь съ бы
 спрото
 Но сей эфирный мѣръ, недавно къ намъ
 сближенный
 Мессьера, Гершеля чрезъ телескопъ волшеб
 ный
 Досель скрывалъ себя отъ любопытныхъ
 глазъ
 Вошще былъ вопрошенъ онъ предками м
 насъ
 Лишь нами онъ открытъ и нами испы
 танны
 Онъ хитрому спеклу свои доверилъ
 тайны

Издавна пастыри Эвфраса на брегахъ
 Науку Кеплера читали въ небесахъ;
 Учася постигать блестящихъ звѣздъ дви
 женье
 Размѣрили годовъ незримое печенье;
 Склоненія свѣшилъ, ихъ непремѣнный ходъ
 Ввѣряли мрамору; въ опредѣленный годъ
 Предсказывашь могли шрепещущей все
 ленной

Явленіе кометъ на пшверди изумленной. *)

Такъ, *Астрономіи* поля суть колыбель
Небесной дщерью сей хранимыя досель!
Жилищемъ были ей Природы въ дни
младые.

Монарховъ — паспырей палашы кочевые:
За нею вслѣдъ шекли сѣмейства и спада,
Вдоль Сенаарскихъ спранъ блуждающи
погда:

Паспушкой долго бывъ, она жизнь сельску
помнишь:
На звѣздныхъ висопахъ, смоприще, какъ
предводишь

Любимаго овна, шельца, домашнихъ псовъ,
Иль въ колесницѣ сей, двухъ брашьевъ па-
спуховъ;

Мы видимъ, что она свой нравъ не измѣ-
нила,
Что посохъ паспырей Уранія носила. **)

Но мирныхъ паспуховъ высокіе шруды
Имъ вскорѣ принесли доспойные плоды;
Благой Ураніи свяшныя вдохновенья
Открыли имъ погда науку земледѣлья:
Освобожденные отъ солнечныхъ лучей.

---

*) Извѣстно, что въ самой глубокой древности мно-
гіе народы, въ особенності же Халдейцы, имѣли
справедливое понятіе о періодическомъ обра-
щеніи кометъ.

**) Подражаніе Фоншану.

Тѣ звѣзды, коихъ блескъ примѣшнѣй для
 очей, *)
 Для сельскихъ жилищей служили извѣ-
 щеньемъ
 Въ работахъ полевыхъ и вмѣстѣ раздѣле-
 ньемъ
 Для четырехъ временъ грядущихъ по земли,
 Предъ коими они на горизонтѣ шекли,
 И книгой небеса для пахарей разверзлись,
 Гдѣ въ пламенныхъ чершахъ пруды годичны
 зрѣлись.

По неподвижности примѣшныхъ нѣкихъ
 звѣздъ
 Коль скоро долготу опредѣлили мѣстѣ,
 То человѣкъ, всегда къ великому парящій,
 Взоръ дерзосный просперъ на Океанъ
 кипящій —
 И въ будущемъ себя царемъ надъ нимъ
 нарѣкъ;
 По безднамъ шумныхъ водъ ошважно онъ
 пошекъ;
 Но славы сильною обворожась мечтою,
 Онъ съ шайнымъ ужасомъ покинулъ за собою
 Видѣ упѣшишельный родимыхъ береговъ...
 Ночь молчаливая сгуспила свой покровъ,
 Въспрѣ началъ бушевать и волны поднялися —
 Но звѣзды препенны на небесахъ зажглись
 И бѣдный плавашель къ нимъ очи успре-
 миль! —

*) Гелиаческое возхожденіе звѣздъ.

Воспоргъ его объяль при видѣ пѣхъ свѣ-
 шиль,
 Которыя встрѣчалъ надъ хижиной родною:
 Онъ вѣрныхъ сихъ друзей привѣтствовалъ
 слезою,
 И грудь исполнилась невольною поскодй!
 Свѣпиль, сіяющихъ надъ бездной роковой,
 Изчисля высоту, позналъ онъ разстоянья
 Ошъ мѣсшъ, куда лешѣль на крыліяхъ же-
 ланья.
 Полярныхъ польза звѣздъ, движенія луны,
 Для мореплаванья издавна найдены;
 Позднѣе, въ небесахъ открытія другія
 Ошверзли вѣрный пушъ чрезъ пропасти
 морскія *)
 И грозный Океанъ подъ флосомъ забѣль.
 Въ ближайши времена взоръ мудреца у-
 зрѣль
 Вокругъ Юпитера солупниковъ бродящихъ:
 Въ сихъ знакахъ огненныхъ во пѣмѣ нощ-
 ной блестящихъ,
 Онъ шайну важную для плаванья открыль
 И взоръ пловца къ сему явленью обрашилъ. **)
 Уранія законъ давъ плаванью собою,

*) Изобрѣшеніе компаса усовершенствовало мореплаваніе, но Астрономія не перелешъ ошъ шого надъ онымъ своего права.

***) Открытіе спупниковъ Юпитера, вѣрно опредѣляющихъ долготу, сдѣлано Галилеемъ и въ послѣдствіи усовершенствовано Доминикомъ Кассиніемъ.

Въ небесной благости, намъ съ цѣлю
 свяшою
 Открыла бѣглый пушь по пѣниспымъ ва-
 ламъ;
 Вожапая людей въ незнаемымъ снранамъ,
 Связь брашства ушвердишь желала между
 ими.
 Колумбъ! и шы о Кукъ! — Вы съ мыслями
 шакими
 Спѣшили корабли для блага окриляшь —
 Удѣль вашъ никогда въ сердцахъ не умирашь;
 Но шы, Корпець! Пизарръ! вы ачностью
 влекомы,
 За пагубной мешалль спремили въ брашьевъ
 громы,
 Младой природы ихъ вы оскорбили видъ
 И рабства цѣпь на нихъ досель еще зву-
 чить!

Доколь Ураніи блестящее свѣшило
 Надъ мракомъ древности еще не восходило,
 Столѣшья, годы, дни, шумящею рѣкой
 Неслися вѣчноши къ Хаосу съ быспрошой:
 Но лучъ еѳо блеснулъ — и шѣни побѣжали;
 Минувшіе вѣка мѣсна свои познали
 И Хронологія печашію своей
 Скрѣпила всѣ лисшы испоріи людей.
 Такъ мудрыхъ Хиновъ сихъ, шаблицы на-
 блюденій
 И солнца и луны опъ давнихъ лѣшъ заш-
 мѣній,

Съдою древностыю одѣли сей народъ
И тысящъ пять годовъ держава ихъ цвѣ-
тѣнь *).

2. Коперникъ и его система.

(Предъ силѣ изложены нѣкоторыя ложныя
системы древнихъ)

Но всѣ мечшы сіи Коперникомъ зашмѣлись,
Предъ геніемъ его поля небесъ раскрылись!
Въ уединеніи, забытый ошъ людей,
Онъ мыслию паридь въ далекій эмпирей:
Тамъ мужа славнаго недремлющія очи
Блюди движенья звѣздъ въ священный часъ
полночи,
И часто онъ въ мечшахъ, какъ шумъ суешъ
сшихалъ,
Гармоніи міровъ кашящихся внималъ **),
Иль въ думу углубясь, близъ шрепешной лам-
пады,

---

*) Вся Хронологія Кишайцевъ сосшавлена по наблю-
деніямъ зашмѣній; сохраненныя шаблицы оныхъ ясно
свидѣшельсшвуютъ о глубокой древности ихъ Мо-
нархіи.

**) Пиеаторъ полагалъ, что небесныя шѣла, совер-
шая обращенія свои, производяшъ неизьяснимо слад-
шную гармонію. Цицеронъ равно плѣнялся сею меч-
шою. Смощри Сонъ Сципіона.

Передвигаль, какъ богъ, небесныхъ шѣлъ
громады

И факель истины въ наукѣ засвѣпилъ!

Но прудъ великій свой онъ цѣлый вѣкъ па-
иль

И славу приобрѣсь споль поздно онъ рѣ-
шился,

Что смерти грозный духъ надъ нимъ уже
носился,

Когда вселенная узнала въ первый разъ
Систему мудреца: — но онъ уже погасъ! — *)

„Въ бездонной пуспощѣ, исполненной ээира,
„Богъ солнце ушвердилъ: царемъ и окомъ
міра;

„Вкругъ пламенной оси своею шягошой
„Вращаешся оно и міръ живишь собой;
„Всечасно изъ него шокъ пламенный клу-
бишся,

„Но силою иной ошашъ въ свой центръ спре-
мишся;

„Оно направило ошъ вѣка ходъ планешъ:

„*Меркурій* здѣсь лешишь, за нимъ *Венера*
вслѣдъ;

„Тушъ зришся шаръ *земной*, шпраша людей
родная;

„Вошъ грозный *Марсѣ* печешъ быспрѣ въ
пушъ дерзая;

---

*) Копернику, уже умирающему, принесены были первые опшиски напечатанной его системы, кошо-
рую онъ скрывалъ 36 лѣшъ.

„Юпитеръ шествуешь медлишельной спопой;
 „Отець его Сатурнъ, одѣшый шайной мглой,
 „За синей далью шамъ, край видимому міру,
 „Чуть кашипль шускльый шаръ по льдисшому
 зеиру *).
 „Но солнце въ центрѣ ихъ, ошъ горней
 вышины,
 „Жаръ жизненный лишъ въ планешны глу-
 бины;
 „Съ любовью мешешъ свѣшъ, когда часы
 дневные
 „Влекушъ вокругъ него двѣ шпороны земныя
 „И наклоненная въ созвѣздїяхъ своихъ
 „Земля, средъ перемѣнь вращишся годовыхъ.

Адр. Норовъ.

---

*) Во время Коперника извѣстны были шолько сіи
 6 планешъ.

СИНОНЪ *)

(Отрывокъ изъ 2 пѣсни Энеиды.)

Тѣмъ временемъ толпа Фригійскихъ
 паспуховъ
 Въ оковахъ плѣнника ведешь передъ Пріама;
 Измѣнникъ! — къ бѣдствію и гибели Пергама
 Своею волею ошдался ихъ рукамъ,
 Коварень, дерзновенъ, опвергнувъ страхъ
 къ богамъ,
 Свирѣпый Трои врагъ и ко всему готовый,
 Иль смерть пріять, иль насъ въ свои низ-
 ринуть ковы.
 Ругаясь плѣннику, шѣснился юность вокругъ;
 Но къ умыслу его склони, Царица *), слухъ:
 Пусть Грекъ одинъ шебъ весь родъ изобра-
 жаешь!
 Сперва онъ средь толпы безмолвень пребы-
 ваешь,
 Согбенъ, поникъ головой, злодѣя робкій взоръ
 Подняшь не дерзалъ Фригійцевъ на соборъ,
 „Увы! изгнаннику, чего мнѣ ждашь воз-
 можно!

*) Чип. въ С. П. бургскомъ Вольномъ Обществѣ любительской Словесности, Наукъ и Художествъ 7 Ноября.

***) Дидона, которой Эней рассказываетъ здѣсь бѣдствіе Трои. Прим. Перев.

„Апридовъ жершвою мнѣ здѣсь погибнушь
должно;

„Троянску ненависть насыпишь кровь
моя!“

Речешь: — и голосъ сей, и скорбна рѣчь
сія

Смущающъ насъ, въ сердца вселяющъ со-
спраданье;

Всякъ хочешъ знашь его санъ, имя, родъ и
званье

И на довѣренность Троянъ его права.

Въ лицѣ не измѣнясь, онъ рекъ сіи слова:

„Царь Трои, истину просую возвѣщаю;

„Что родина моя Эллада — не скрываю;

„Поспигнушь бѣдспвомъ бышь случайно
могъ Синонъ,

„Но истину таишь во вѣкъ не будешь онъ.

„Бышь можешъ, вѣдаешъ ты участь Пала-
меда;

„Имъ нашимъ знаменамъ возвращена побѣда,

„Одинъ онъ подалъ гласъ противу брани
сей

„И бѣдспвенно погибъ во цвѣшѣ славныхъ
дней.

„Ахаія шеперь вздыхаетъ о героѣ!

„Войною призванный къ великолѣпной Троѣ,

„Съ симъ мужемъ доблеснымъ пришекъ въ
поля сіи,

„Сражаясь съ Фригіей прославишь дни мои.

„Доколь въ немъ Греція владыку почишала,

- „Его совѣтами цвѣла и побѣждала:
- „Опъ дѣль вожда сего и я — я видень
быль,
- „Когдажъ Лаэршовъ сынъ Элладу оболь-
спиль,
- „Изъ мрачной зависти низринуль въ гробъ
героя,
- „Въ глубокой шишинѣ свой гнѣвъ и слезы
кря,
- „Я въ сердцѣ мщенія болѣзни заключиль
- „И шягоспную жизнь въ унынїи влачилъ.—
- „Счастливъ, когдабъ скрываль грудь волно-
вавши чувства!
- „Увы! не вѣдалъ я пришворспивовашъ иску-
сшва
- „И на гонителя въ безумїи возспаль!
- „Коль ввиду въ торжеспвѣ въ опчизну, я
вѣщаль,
- „Клянуся, шѣнь опмспишь несчастливаго
друга!
- „Улиссова дошли сіи угрозы слуха —
- „Ожеспочилса онъ къ погибели моей.
- „Вошъ бѣдъ моихъ вина! Коварный О-
диссей
- „Тревогу возбудиль, разсѣяль подозрѣнья...
- „И чшобъ избавишьса укоръ опъ угры-
зеня,
- „Другое съ первымъ онъ злодѣйспвомъ
спединилъ!...
- „И словомъ — на меня Калхаса ополчилъ....

„Но продолжайшь къ чему мое повѣспво-
ванье,

„Коль чуждо вашихъ душъ святое соспра-
данье?

„Почто коснишь Пріамъ? веди на казнь
веси,

„Улиссу угождай и за Апридовъ мести!“ —
Но легковѣрные, коварствомъ обольщенны
И не предчувствуя губительной измѣны,
Конецъ его бѣдамъ желаемъ мы узнать.

Съ припворнымъ ужасомъ онъ началъ про-
должать:

„Ахейцы, долгошой помимые осады,

„Хотѣли иногда плыть въ отеческіе грады—

„Почто не отплыли! — но ярость волнь
морскихъ

„Или прошивной вѣспръ удерживали ихъ.

„Когдажь сей конь возникъ предъ удивлен-
нымъ спаномъ,

„Вдругъ вѣспры съединясь взыграли Океа-
номъ,

„Гремящій небосклонъ блескъ молній вос-
палилъ,

„Данаи вздрогнули — и храбрый Эврипилъ

„Узнашь завѣспъ судьбъ, чрезъ бурную пу-
чину

„Отважно полетѣлъ въ Делось Лашоны къ
сыну,

„И вошь что возвѣспилъ Оракуль грозный
намъ:

- „Чтобъ вътерѣ возбудить, попутный кораб.
лялиб,
- „Заклала Греція Діанѣ мстѣющей дѣву —
„И нынѣ кровь нужна боговъ всемогущихъ
гнѣву,
- „Кровь Грека возвратитъ къ родившимъ
васѣ странамъ.
- „Сстрахъ хладный пробѣжалъ по шрепешнымъ
костямъ.
- „Когда Оракулу, полки Ахейски вняли,
„И очи каждого робѣя вопрошали,
„Кшо избранъ мѣстѣю разгнѣванныхъ боговъ?
„Калхаса шупъ Улиссъ влечешъ въ среду
полковъ —
- „Движеньемъ, взорами, молчаньемъ и сло-
вами
- „Велишь ему наречь гонимаго судьбами.
- „Злодѣйскихъ замысловъ спрашашъ, мои
друзья
- „Предсказывали мнѣ, что жершвой буду я.
„Калхасъ чрезъ десять дней безмолвень
пребываешъ,
- „И въ страхъ десять дней Эллада ожи-
даешъ.
- „Улиссомъ обольщень, прорекъ онъ наконецъ
„И жершвой указалъ меня лукавый жрецъ.
„Злодѣю плещешъ рашъ: всякъ видишь вос-
хищенный
- „Рокъ угрожавшій всѣмъ на мнѣ остано-
вленный.

- „День гибели наспаль; — въ цвѣпахъ ал-
шарь боговъ;
- „Повязки увились вокругъ моихъ власовъ,
„Усыпанныхъ мукой и солию священной;
„Но узы разорвавъ въ шопъ мигъ, чрезъ
спань смященной
- „Бѣгу! — и сокровень я ждалъ средь пины
блашь
- „Доколь въ опечество Ахейцы полешаишь. —
„Несчастный! съ юныхъ дней безсмершны-
ми гонимый,
- „Увижуль васъ опяшь края мои родимы?
„И послѣ сполькихъ лѣшь прижмуль къ
грудь своей
- „Я дряхлаго опца, супругу и дѣшей? . . .
„Чѣмъ льщусь? Чшо говорю? Бышь можешъ
вождь Эллады
- „Опшца мой побѣгъ, смягчая гнѣвъ Пал-
лады
- „Мечъ, мнѣ назначенный, любезной въ грудь
вонзишь! . .
- „Великій Царь! шебя дерзаю я молишь
„Священнымъ именемъ боговъ, шобю чпи-
мыхъ,
- „Неправду на землѣ карашь неушомимыхъ,
„Дай кровь невинности, гонимой опъ лю-
дей! “ —
- Смягченны вздохами, слезами, рѣчью сей,
Мы жизнь его щадимъ; Пріамовымъ ве-
лѣнемъ

Опъ узъ онъ. свободень. „ Дарю себя про-
щеньемъ,

Сказалъ ему нашъ Царь. — „ Ты Грекомъ
былъ, ошнынь

„ Забудь на вѣки ихъ, и будь Пергама сынъ.

„ Но прежде возвѣспи пошто и чьей рукою

„ Сооружень сей конь предъ нашею стѣ-
ною?

„ Ужель Данаевъ ковъ? иль божеству обѣшь?

„ Спрашишьсяль мы должны? Приаму дай
отвѣтъ? “

Пришворшвовашъ въ спранѣ Ахейской. нау-
ченный,

Онъ руки къ небесамъ воздѣвъ, оковъ ли-
шенны:

„ Огнь вѣчный, возопилъ, и пы, опецъ
боговъ!

„ Алшарь, гдѣ съ кровью жизнь я былъ из-
лишь готовъ!

„ Вѣнцы божественны! и пы, о мечь свя-
щенный,

„ На грудь мою рукой злодѣевъ устремлен-
ный!

„ Днесъ во свидѣтели васъ призываю я!

„ На вѣки родина преступная моя

„ Опъ кляшеъ ей вѣрнымъ бышь Синона
свобождаетъ,

„ На вѣкъ, на вѣкъ ее Синонь позабы-
ваешъ,

„ Кланецся Греціи люпѣйшимъ спашъ врагомъ

- „На сушѣ, на моряхъ и въ мракѣ гробовомъ,
 „Но если дни твои спасены будушъ мною,
 „Ужель, Царь! жалости не узрю надъ собою?
 „Издавна Греческимъ поборшвуя полкамъ,
 „Трифонія побѣды дарила славу намъ,
 „Когдаже Лаэртиды и сынъ Тидея мощный
 „Дерзнули, въ градъ вскользнувъ, какъ шаши, въ часъ полночный,
 „Аеины въ капище убійствомъ путь открышь,
 „Кумиръ ея рукой кровавой осквернишь,
 „Исхишишь и пренесъ въ шатры вождей Эллады:
 „Оспавленны судьбамъ ошь мспительной Паллады,
 „Лишились мы надеждъ преодолѣшь сей градъ.
 „Въ ужасныхъ признакахъ полки Ахейски зряшь
 „Непримиримый гнѣвъ богини оскорбленной!
 „Едва кумиръ ея, средъ спана водруженной,
 „Предъ жершвенникомъ спаль — блескъ видимъ изъ очей —
 „Кровавый, хладный пошь спруящійся по ней;
 „Трекратно ошь земли, казалось, возспавала.

- „ Трекрасно копіемъ, казалось, попрысала;
 „ Тупь брегъ велишь Калхасъ поспѣшно о-
 славлять
 „ Садисься въ корабли, въприла разви-
 вашъ. —
 „ Пергамъ порабощишь Ахейцевъ щещны
 силы,
 „ (Судьбы пропивныя гадателю гласили)
 „ Доколь не возвращаюсь къ отеческимъ бре-
 гамъ,
 „ Себѣ не обрѣшупъ боговъ помощныхъ памъ:
 „ Теперь, ко Аргосу несущся водъ спремле-
 ньемъ;
 „ Но вскорѣ пришекушь, и съ новымъ опол-
 ченьемъ
 „ Безсмертныхъ подъ щипомъ ударашъ въ
 Иллионъ.
 „ Смягчишь Минервы гнѣвъ сей конь сооруже-
 жонъ. —
 „ Васъ, Тевкры, не вошще дивишь его гро-
 мада:
 „ Спрашась, чшобъ не ввлекли колосса въ
 спѣны града,
 „ Паллады съ Троею чшобъ онъ не прими-
 рилъ,
 „ Огромнымъ шболъ его Эпей соорудилъ.
 „ Но знайте, коль средъ васъ найдешся дерзно-
 венный
 „ Подняшь иль огнь иль сшаль на даръ сей
 освященный,

„Аѳина, яроспичій гнѣвъ уполяя свой —
 „(Да грянешь месшь ея надъ Греческой
 спраной!)
 „Болѣзни, брань, вражду посѣешь между
 вами.
 „Но приняту коню Пергамскими спѣнами—
 „На Грековъ обративъ губишельный Эгидь,
 „Паллада ихъ боговъ, ихъ край вамъ по-
 коришь,
 „И вы и вашихъ чады попомки опдаленны
 „Въ плѣну увидише Ахеевъ родъ надмѣн-
 ный! “ —
 Такъ сей предашелемъ хипросплешенный
 ковъ
 Въ насъ обуяль сердца, свѣшь пошемнилъ
 умовъ,
 И градъ, котораго швердынь не сокрушила
 Ни тысяща судовъ, ни бурна мощь Ахилла,
 Противящійся градъ и смершнымъ и бо-
 гамъ,
 Коваршвомъ побѣжденъ и усшупилъ — сле-
 замъ.

А. Родзянка.

*Переводъ Нѣмецкихъ стиховъ, нѣ-
тыхъ воспитанниками ИМПЕРА-
ТОРСКАГО Лицея и Благороднаго
Пенсіона при освященіи Евангели-
ческой Церкви въ Царскомъ Селѣ
15 Октября 1818 *).*

Счастье ли вокругъ тебя смѣется,
Свѣтишь ли тебѣ надежный лучь;
Или гибель надъ шобой несется
Посреди громовыхъ, черныхъ шучь —
Устремляй къ нему свой взоръ молящій!
Ошъ него равно и громъ разящій
И надежный, пупеводный лучь!

*

Лишь блеснешь, едва мерцаешь
Свѣпочь жизни молодой;
Но младенца охраняешь
Богъ всеильною рукой!
И съ горячею слезою,
Съ вѣрой чистой и живою
Махерь смошришь къ небесамъ;
„Я шебъ его ошдамъ!“ —
Понесли диши родные
Весело въ веселый храмъ!

Вознеслись мольбы свящяныя:

Богъ внимаешъ ихъ мольбамъ!

И свершилось окропленье,

И во храмъ пишина:

„ Чисто будь швое печенье, .

Какъ чиста сія волна!“ —

Но горъ лепяшъ всѣ взоры;

Громче пѣсни разлились,

Разлились небесны хоры,

Съ хоромъ ихъ въ одинъ слились!

Увядаешъ упрю дѣшской жизни,

Свѣшлый рай безпечности злѣшой!

Зовъ проснулся къ тайной шой опчизнѣ,

Тамъ во глубинѣ души нѣмой!

Смѣло умъ ширяешся надъ бездной,

Смѣло возлѣпаешъ къ шверди звѣздной —

Бродишъ безпокойною мечшой.

*

Тревожишъ себя безполезнымъ исканьемъ

На жизненномъ, шѣсномъ, корошккомъ
пути —

Гоняшся за слабымъ, за шщепнымъ мер-
цаньемъ

И въ сердцѣ однѣ укоризны найши —

Нѣшъ! Промыслу шеплою, дѣшской душою

Судьбу и желанья и все опдавай!

Смиренно бреди сокровенной шпрою —

О сладосшный жребій! люби, уповай!

Въ блескъ праздничномъ сіяешь
 Божій, шаинственнѣй домъ!
 Тихій Ангелъ низлетаетъ,
 Осѣняетъ ихъ крыломъ!
 И распроганя, умиленный —
 Вижу, юноша споишь
 И шуда, къ Душѣ вселенной
 Мыслью пламенной летишь!
 Раздается гласъ чудесный;
 Распворень чертогъ небесный:
 Съ чистой сладостью вина
 Въ души льется пишина! —
 Дивнымъ свѣтомъ блещушь очи,
 Мракъ разсѣянъ грозной ночи,
 Сокрывавшей тайный міръ:
 Миръ во мнѣ и всюду миръ! —
 И любовь и упованье
 Съ вѣрой въ радужномъ сіяньи!

Легкій цвѣтъ на дровѣ опадаетъ
 И листочки вѣпру отдаешь —
 Но въ тѣни душистой созрѣваетъ
 Тихо золошой румяный плодъ!
 Все въ Природѣ жизнь и все движенье,
 Все въ ней непрерывное рожденье.
 Къ той же цѣли все и всѣхъ ведешь!

*

И юноша быстро и пышно возросъ:
 Умчались раннія грезы!

И новое пламя по немъ разлилось,
 И новыя, сладкія слезы
 Задумчивы взоры порою темнятъ
 И бродишь разсѣянно пламенный взглядъ!

*

Владычному мужу для жизни даны
 Надмѣяносшь и дерзосшь и сила!
 И въ персяхъ пипомца всегдашней войны
 Отвага огонь воспалила!
 Свой бѣгъ пролагая негладкой пропой,
 Онъ рушишь и зиждешь суровой рукой.

*

А въ нѣжномъ, а въ сладосномъ сердцѣ
 жены

Живушь и покой и смиренье! —
 Душа ея храмъ золотой шишины;
 Ей чужды и гнѣвъ и волненье!
 Но прелесшь и сила въ союзѣ святомъ
 Двѣ жизни, два жребья сливаюшь въ одномъ.

Вошь колоколь зовешь и градъ и селы,
 И закипѣлъ по улицамъ народъ!
 Бѣгушь во храмъ и ясный и веселый:
 Я вижу медленный, нарядный ходъ!
 Такъ! объ руку рука, чеша младая
 Произнесешь свой пламенный обѣщъ:
 Ихъ, объ руку рука, любовь свяшая
 До присщани могильной доведеть.

*

И се они ужь алтарю предстали:

„ Опець любви! мы вмѣспѣ въ жизнь идемъ!
О дай — да мы чрезъ радость, чрезъ печали
Чрезъ жизнь сію, не разлучась, пройдемъ!“

*

И изрекли на нихъ благословенье

Опѣ имени Всевышняго, Его,
Кому гремишь во звѣздахъ пѣснопѣнье,
Кипо зришь сердца съ престола Своего.

Въ срокъ свой погибаетъ все земное:

Съ дровъ падушь увядшіе лиспы;
Улещишь веселье молодое,
Улещашъ прелесныя мечпы. —

Юность, жизнь и счастье скоропечны —
Ахъ! и добродѣтели не вѣчны!

Но изъ праха всходяшь райскіе цвѣпы!

*

Нѣшь, не радость мнѣ вѣщаетъ

Сей просяжрый, тяжкій звонъ:
Гласъ сей слезы вызываетъ,

Пробуждаетъ скорбь и сжонъ! —
И подвигся ходъ печальный;

Лица и одежда — мракъ;
Вѣешь факель погребальный. —

Ахъ! какъ вешній, легкой злакъ,
Такъ болѣзнь его скосила,

Ихъ и друга и опца! —
Бренный прахъ возмешь могила,

Духъ възлепѣлъ предъ тронъ Творца.

Слышу вопли прерывные,
Вижу, вижу плачь нѣмой! —

„ Не рыдайте, о родные!

Благъ законъ Судьбы-свяшой!

Что же плѣнную мою одежду

Окружили въ горькихъ вы слезахъ?

Здѣсь, друзья, вамъ вѣровашь въ надежду.

Тамъ свиданье — тамъ на небесахъ!“

*

Такъ связуютъ наше все печенье

Тайны узы съ пайнымъ божествомъ!

И сердечное благоговѣнье.

Строить безмятежный, мирный домъ,

Гдѣ въ тиши опъ плѣна удаленной

Духъ бесѣдуешь съ Ощцемъ вселенной.

*

Осьни — о Ты, всѣхъ благъ Податель!

Осьни щиромъ Своимъ сей храмъ!

И да будешь оны опъ насъ, Создатель!

Дань угодная Твдимъ очамъ!

Мы къ Тебѣ возносимся сердцами:

Да цвѣтесть Твоя любовь межъ нами!

Вильгельмъ К.

А кто небесныхъ тайнъ Поэзіи не знаетъ,
 Въ комъ сердце, при его слихахъ, не по-
 спигаешь,
 Что можешь человекъ, что чувства зна-
 чашъ въ насъ,
 Кому знакомъ одинъ *Безсмыслова* Пегасъ:
 Для шѣхъ и безъ меня Поэшовъ тѣма спо-
 собныхъ;
 Не ищешь мой палантъ похвалъ проспо-
 народныхъ.
 Ты скажешь: а друзья, копоры, въ пишинѣ,
 Съ Гораціемъ пѣбя ласкающъ наравнѣ,
 И Музѣ скромной въ даръ вѣнокъ отъ нихъ
 плещешя!
 Ахъ! дружба рѣже всѣхъ съ Поэтомъ уживеешя;
 Въ томъ лещъ, ласкашельство, а въ этомъ
 приговоръ,
 Отъ коего моей пѣдаешъ Музы взоръ;
 Тощъ, изъ любви ко мнѣ, душишь въ нра-
 воученье,
 Что спрасъ къ Поэзіи естъ къ пагубѣ
 стремление,
 Что должно бросишь все, чѣобъ съ низкой
 я душой
 Въ презрѣнны ползъ къ чинамъ презритель-
 ной шропой;
 Чѣобъ чувствъ небесный жаръ, души моеи
 свѣтило,
 Я въ низкое вмѣнялъ спрасшей людскихъ
 кормило,

Къ Рубеллю ненависть въ почтенье обра-
щаль

И въ зеркалѣ красой уродство бы казалъ;
Сей, въ простотѣ ума, избравъ себя судьей,
Въ глаза мои стихи зовешь галимашьею,
И тѣ, къмъ ободряшь шалапшъ бы слабый
мой,

Я часто слышу чпущъ Поэзію чумой.

Въ сомнѣннн шакомъ, скажи, могуль рѣ-
шитъся,

Что мой ничтожный даръ на что нибудь
годится?

Безъ чувства согражданъ едвали бы по-
смѣль

Къ безсмертію Гомеръ и къ славъ Пракси-
тель;

Не оскорблю себя, о Пиндаръ нашъ единой,
Сказавъ что данъ полеть тебѣ ЕКАТЕРИ-
НОЙ:

ОНА великій даръ въ душѣ пвоей зажгла
И съ Музою пвоей къ потомству перешла!
Но ревность къ Геніямъ, безъ смѣлости и
дара,

Вновь пагубу явитъ несчастнаго Икара;
Что можешь горестный бытъ участи пвца
Дивншься — и не смѣшь достичъ до об-
разца?

Такъ часто вижу я художника съ шер-
заньемъ

Передъ единственнмъ Богини изваянемъ,

Ломающа рѣзецъ, по тягостной борьбѣ,
 Всю силу чувствуя безсилія въ себѣ.
 Скорѣй совѣшуй мнѣ, чуждѣ лести и со-
 мнѣнья,
 Что бы напрасныя оставивъ покушенья,
 Я уклонился Музъ въ ничтожности моей,
 Для коихъ пренебрегъ я цвѣтомъ юныхъ
 дней,
 Для коихъ я отвергъ, исполненъ ихъ оши-
 равой,
 Какъ юность пылкая стремилась въ слѣдъ
 за славой,
 И брани и чешей блистательный доспѣхъ,
 Для коихъ я бѣжалъ плѣнительныхъ ушѣхъ,
 Которы въ общесхвахъ чело другихъ вѣн-
 чали;
 Для нихъ сокрыты дни въ прудахъ перепа-
 дали
 И Скорбь ихъ сблизила безвременный за-
 кашь!
 Мой Геній подавленъ подъ бременемъ ут-
 рашъ.

Милоновъ.

ОТОМЩЕННЫЙ ГЕРКУЛЕСЬ.

„Софія беретъ спругъ и нѣжною, бѣлою рукою
передвигаетъ его по доскѣ: желѣзо скользишь и
не врѣзывается. Кажется, я вижу Амура: онъ пор-
хаетъ надъ нею, облетъ крылами и смѣется; ка-
жется, слышу, какъ онъ изъясняетъ шумную ра-
дость свою, какъ восклицаетъ: *Геркулесъ отом-
щенъ!*“

Руссо — Эмиль.

Всесилень, всесилень сынъ Циперей: онъ
Фебову гордоснь
Смириль, онъ наполниль Аресу мученіемъ
грудь за презрѣнье;
Завесь младенцу покорень и Царь паширѣч-
наго ада:

Небомъ, землей управляетъ дитя!

Всесилень, всесидень сынъ Циперей!—лишь
взглянешъ волшебникъ—
И нѣжная дѣва беретъ въ бѣлоснѣжныя руки
желѣзо

И движетъ по грубому древу — и спругъ
скользишь не вцѣпляясь:

Съ тихой улыбкою сморщитъ Эмиль.
Но съ хохомъ громкимъ, кружась и кры-
лами махая надъ нею,
(Не зрите ли, други?) несетъ Эротъ: ко-
варный! онъ шоржествуетъ

И въ шумномъ воспоргѣ ручонками бьетъ и
 рѣзвясь восклицаетъ:
 „Ты опомщенъ, опомщенъ, Геркулесъ!“

Вильгельмъ К.

П Р И Р О Д А.

Закрытый отъ суешъ умѣренности сѣнью,
 При входѣ въ хижину двѣ ивы посвятилъ:
 Одну—безпечности, другую наслажденью,
 И славѣ дверь свою на вѣки зашворилъ.
 Въ уединеніи скрывается добровольно,
 Предоставляю я другимъ—умомъ блиснуть,
 Смѣясь глупости и вѣкъ свой исправлять,
 А для меня и то довольно,
 Что можно мнѣ чинить подъ часъ
 Ту книгу дивную, которая понятна,
 Проста, возвышенна и безъ прикрасъ прі-
 ятна
 Всегда во всѣхъ вѣкахъ, для всѣхъ умовъ и
 глазъ;
 Которая въ цвѣткѣ, въ живописныхъ, насѣ-
 комыхъ,
 Въ узорчатыхъ лугахъ и въ пропастяхъ
 бездонныхъ
 И сердцу и душѣ такъ сильно говоришь;
 Подъ кистью Зевксиса плѣняешь,

Въ Фонъ-Визинъ смѣшишь, въ Гомеръ удив-
ляешь,
И только лишь одна насъ мудрыми творить!

А. Родзянка.

~~~~~

КЪ ЛИЛѢ.

Что ты печальна, милая Лиля,
Въ скукѣ, въ безмолвьи горькомъ сидишь;
Къ персямъ прелестныя очи склонила
И по ланинамъ слезы струишь?

*

Болѣе сердца не восхищаешь
Ангельскимъ гласомъ песни твоей;
Тихо поникнувъ, все въздыхаешь,
Кроешься даже взора друзей!

*

Гряды любимы зрю безъ призора,
Арфу покрышу вижу въ пыли;
Вмѣстѣль съ цвѣтами, Лиля, такъ скоро
Вянушь печально намъ на земли?

*

Вѣрнаголь друга скрыла могила:
Воли небесной не премѣнишь;
Въ злобѣль покинулъ?—Плачь, плачь, о Лиля!
Раны шоль дюшой не изцѣлишь!

Милоновъ.

КЪ СИЛЬВІИ.

Тыль, Сильвія, мой духъ-хранипель,
 Луны препенущимъ лучемъ,
 Проникнуеъ въ спящую обипель,
 Меня превожипшь въ снѣ моемъ?

* .

Тыль, образъ Красоты безплотной,
 Мечпанье ли души моей,
 Или возставъ изъ сѣни гробной,
 Ты вѣспникъ радости для ней?

*

Тыль, съ упренней звѣздой воспока,
 По небу пихому пещ-шь,
 И оплученнаго далеко
 Къ себѣ сопутника зовешъ?

*

Носисъ невидимую пѣнью,
 Являисъ въ темношѣ ночей,
 Не къ страху друга, къ ушѣшенью,
 Бесѣдуй съ скорбію моей!

*

Умѣрь шоски его шерзанье,
 Томленье сирья любви,
 Пролей надежду на свиданье
 И вѣры пламень оживи!

*

Твой видъ, съ его слянный духомъ,
 Пущь всюду онъ несешъ съ собой;

Вездѣ пусть ловишь жаднымъ слухомъ
Ему знакомый голосъ швой.

*

Носись надъ спящими водами,
Блуждай по синевѣ небесъ,
Вставай съ луною за холмами,
Смотри съ зарей сквозь часный лѣсъ!

*

Живи въ моей мечтѣ опрадной,
Летай надъ мною въ шихомъ снѣ;
Не дай поскѣ гнѣздишься гладной
И скорьби ропота во мнѣ!

Милоновъ.

~~~~~

КЪ ЭМИЛИИ.

Съ прелестнымъ личикомъ, прелестные глаза,
Любезность рѣдкую, умъ здравый, просвѣ-
щенный,
Богацство, знанье жишь, здоровья цвѣтъ
безцѣнный,
Все, милая, тебѣ послали небеса!
Но мудрою рукой природы справедливой
Въ подлунной всѣ обдѣлены равно:
Жишь въ горѣ, кажешься, мнѣ Богомъ су-
ждено;
Кажусь забытымъ я судьбою прихотливой;

Ничемъ; что въ свѣпѣ, ангель мси!
 Зоветься счастьемъ, ничемъ я не владѣю! —
 Но я любимъ побой!
 Скажижъ, Эмилиа: не все ли я имѣю?

Сб Фран. Арк. Родзянка.

~~~~~

К Л Я Т В А.

Ты кляшвы пребуешь, Лилеша!
 Поручкою любви моей,
 Поручкой, что уста Поэша
 Не измѣнятъ предъ свѣпомъ ей!

*

Клянусь — любить одну Лилешу,
 Одну Лилешу обожать,
 И нѣжности взаимной свѣшу
 Никакъ, ничемъ не открывашь!

*

Клянусь — не мщеніемъ безсмертныхъ,
 Не Спиксомъ, не Тенаромъ ихъ,
 Опаснымъ менѣе для мершвыхъ,
 Но болѣе спрашнымъ для живыхъ.

*

Клянусь — тѣмъ шалуномъ малюшкой,
 Тѣмъ легкокрылымъ божешвомъ,
 Который взоромъ, часто шушкой
 Весь міръ ворочаетъ вверхъ дномъ.

Клянусь — безмолвиемъ той ноци,
 Той ароматной муравой,
 Тѣмъ уголочкомъ скромной роци,
 Гдѣ осчастливленъ я тобой.

*

Клянусь — той робостью стыдливой,
 Тѣмъ пламенемъ твоихъ очей,
 Который такъ краснорѣчиво
 Блистала любовью твоей,

*

Клянусь—тѣмъ страхомъ, тѣмъ желаньемъ,
 Той перерывною мольбой,
 Тѣмъ непришворнымъ прешапаньемъ,
 Съ кошорымъ обняшь былъ тобой!

*

Когдажъ обѣшь свой позабуду
 Тогда . . . ахъ! я боюсь сказать —
 Пусть ввѣкъ лишенъ надежды буду
 Тебѣ подобны кляшвы дашь.

Арк. Родзянка.

~~~~~

М А Н Е В Р Ы *)

(Отрывокъ изъ Посланія).

Не говорю ни слова,
 Мой другъ, о первыхъ дняхъ;

---

*) Близъ Пешергофа въ 1817 году.

На шрепій до разсвѣта
 Съ цѣпи передовой
 Тревога, сбора бой,
 Дружину и Поэша
 Вдругъ подняли съ бивакъ;
 Едва полупроснулись,
 Вскочили, попянулись. . . .
 Дождь, холодъ, ночи мракъ,
 Внезапность и досада
 И въ головѣ ошрада
 Чуть слышный барабанъ . . . .
 Идемъ часъ, два и болѣ . . . .
 И чуть подернулъ поле
 Предупренній туманъ,
 И рощи задымилась.
 Войска соединились
 За гребенемъ холмовъ —
 Равнина, зыбь полковъ,
 Царь, *Гридней* окруженный,
 Знамена распущенны
 И длинный рядъ громовъ
 И шаръ горящій Феба
 Безоблачнаго неба
 На рдѣющемъ краю! —
 Чудесный видъ! — спою
 Въ безмолвномъ восхищеньи!
 Чу! — выстрѣлъ! — рапъ въ движеньи!
 И съ войскомъ (мнишся) вдругъ
 Долъ, холмы все подвиглось,
 Все битвой заклубилось

И загремѣло вкругъ! —
 И солнце пошеменилось
 Ошь пыльныхъ облаковъ!
 Земля унывно спонешъ,
 Въ огнѣ и дымѣ понешъ! —
 За шучами спрѣлковъ,
 За конными полками,
 Стѣснясь въ глубокой спрой,
 Мы бѣглыми шагами
 Проходимъ боръ гусшой!
 И вопшь въ опушкѣ лѣса! —
 (Наспалъ желанный часъ)
 И дымная завѣса
 Предъ нами поднялась! —
 Увишая огнями,
 Гора кипишъ врагами,
 И гулъ и прескъ кругомъ! —
 Молчимъ — впередъ идемъ: —
 Вождь скачешъ предъ рядами,
 Въ огонь готовый весшь! —
 Ура! — помчались спрой
 И *вьютные герои*
 Мы шамъ, гдѣ бранна честь!
 Уступами дружины
 Дружинамъ быспро въ слѣдъ,
 И огласилъ долины
 И роши кликъ побѣдъ!
 И переспрѣлкой дальной
 Теряясь, спихнулъ бой! —
 „Съ плеча!“ — и я печально

Успалою рукой
 Ружье на землю спавлю
 И непришворно славлю. . . .
 Разнощика лопокъ,
 Который вдругъ предъ мною
 Съ знакомой бородою,
 Прокравшись сквозь лѣсокъ,
 Явился, угощаешъ
 И деньги общаешъ
 До Пешербурга ждашъ.

Конецъ войнѣ! — опяшъ
 Мы сдѣлались друзьями
 Съ любезными врагами,
 Намъ милыми давно,
 Съ которыми въ сраженьи,
 Въ свирѣпомъ изсшупленьи,
 Заряды и вино
 По брашски мы дѣлили,
 Безъ спраха опсшупили,
 Безъ славы — побѣдили,
 Безъ крови — все рѣшили.

Арк. Родзянка.

Э П И Г Р А М М Ы.

1.

На Лизъ Оирсъ женился.

Полгода не прошло и сынъ ему родился. —

Что бѣдный мужъ — взбѣсилъ? —

Нышъ, съ хладакровіемъ онъ, сына взявъ,
сказалъ:

„Добро пожаловать хошь я шебя не ждалъ!“

М. Яковлевъ.

2.

„Теперь вы за мужемъ! . . и не узнаешь васъ!

Теперь ужъ вы на насъ

Не смотрише и не глядите;

Прошло шо время, какъ. . . .“ — Чшо вы ска-
затъ хотише?

Я одинаково всегда себя вела

И шацже въ дѣвушкахъ, какъ за мужемъ,
жила. —

И.

II. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ПОХВАЛЬНАГО СЛОВА КУТУЗОВУ *).

Уже Смоленскъ, крѣпкая ограда древней Россіи, палъ предъ соединенными полчищами возславшихъ на насъ племень Европы; уже берега Днѣпра, обогранные кровію обоихъ воинствъ, ослались за ними, и новый Тамерланъ пролагая себѣ путь огнемъ и мечемъ, проспираль уже къ Москвѣ алчный взоръ свой, когда Кутузовъ, подобно Ангелу-утѣшителю, явился посреди унылыхъ легионовъ Россійскихъ. Его присущіе одушевило ихъ мужество, оживило надежды; его сѣдины, его раны воскресили въ ихъ памяти времена Задунайскихъ, Рымникскихъ-и сирашнихъ прежде силы враговъ казались теперь для нихъ ничтожными. Наполеонъ воспрепещаль, посльща Героя **). — Рѣшась оста-

---

*) Слово сіе читано въ собраніи С. П. бургскаго Вольнаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ 7 го Апрѣля 1817 года.

**) 1817 года Кутузовъ писалъ къ Государю, что со времени прибытія его къ арміи *непріятель идетъ впередъ ощупью.*

новишь дерзкое стремленіе непрія-
теля и дорого продашь ему обладаніе
Москвою, Кушуровъ избираетъ для сего
выгодное мѣстоположеніе. Поля Боро-
динскія! вамъ наконецъ опредѣлено быть
ужаснымъ позорищемъ безпримѣрной
въ новѣйшихъ лѣтописяхъ битвы! На
васъ должна произойти кровавая борьба
Россіи со всею Европою! Къ вамъ непо-
движно усремлены прискорбные, сму-
щенные взоры цѣлаго свѣта!

Окончивъ всѣ нужныя приуготовле-
нія къ предстоящему бою, Кушуровъ
собираетъ окрестъ себя достойнѣй-
шихъ изъ своихъ сподвижниковъ, и
здѣсь, предъ лицемъ неба и храбраго
воинства, клянется и беретъ съ нихъ
клятву, скорѣе погибнуть, нежели хо-
тя на шагъ отступитъ съ поля бит-
вы! Тогда въ высотѣ воздушной явился
надъ нимъ орелъ, и спарецъ — Герой,
почтя его знаменіемъ побѣды, благого-
вѣнно обнажилъ мастишю главу свою:
радостныя восклицанія раздались въ
войскѣ. Такъ встрѣшило оно яростно
наступившаго непріятели — и цѣлыя
тысячи буйныхъ пришельцевъ пали къ

стопамъ храбрыхъ. Но мужеспвенное сопронивленіе воспладешь ихъ дерзость; въ Москвѣ обѣщанъ имъ миръ и несмѣшныя сокровища; въ Москвѣ оспавили Рускіе женъ и чадъ своихъ; въ Москвѣ покоишся прахъ Царей ихъ и Свяшыхъ Угодниковъ; съ ними Кушуровъ; они клялись ему побѣдись или умереть! Подобно двумъ громоноснымъ пучамъ, изрыгающимъ непрерывное пламя и усстремленнымъ вихремъ одна на другую, сошлись и ударились два прошивныя воинства. Брань воскипѣла съ неслыханнымъ ожесточеніемъ. День подо- бился ночи; не солнце уже — багровое зарево освѣщало мрачное небо; земля шрепешала и безмолвныя доселѣ окрестности съ ужасомъ повшоряли пышаще-крашныя удары. Казалось, шо былъ послѣдній часъ разрушенія міра. О Россіане! чего не могли вы совершить, предводимые Кушуровымъ? Надмѣнный врагъ мнилъ подавить васъ своимъ многочисліемъ, но се, смященный, обращаетъ къ вамъ хребетъ свой!

Миръ праху вашему, воины, падшіе на Бородинскомъ полѣ! Вы вкусили слав-

ную, завидную смѣрть! Цѣною жизни вашей приобрѣтена свобода Ошечесива, ибо здѣсь еще положено начало его спасенію. А вы, оплакивающіе въ нихъ или супруговъ, или родителей, или чадъ, или братьевъ, оприте слезы ваши, прекратите воздыханія — утѣшитесь! Они не совсемъ погибли, они живы еще въ сердцахъ согражданъ своихъ: благодарность передастъ имена ихъ самому опдаленному попомству!

Сія побѣда, украсивъ чело Кушужева новыми лаврами, была ознаменована для него новою признашельностію Монарха: Онъ вручилъ ему верховную власть надъ всѣми своими арміями *). Но что за горестный вопль прерываетъ торжественные клики? Какая печаль омрачаетъ взоръ вашъ, сограждане? Повсюду плачъ и стenanія раздаются: Москва во власти враговъ! Пламя пожираетъ ея великолѣпіе, неистощиво оскверняетъ храмы, корысть рас-

---

*) За Бородинское сраженіе Кушужеву пожалованъ былъ чинъ Генераль - Фельд-маршала.

хищаетъ сокровища! О Россія! Ты поражена въ самое сердце! И кто удержишь руку, готовую нанести тебѣ послѣдній ударъ?.... Купузовъ! Онъ еще съ тобою! Се шовъ, кто съ горстию низринешъ во драхъ несмѣшныя силы дерзскихъ пришельцевъ! Слышишь ли ушѣщишельный голосъ его? *Потеря Москвы, вѣщаетъ онъ своему Монарху, не есть еще потеря Отечества *)!*

Наполеонъ поклялся своей арміи привести ее въ Москву, богатую, всею изобильную. Сколь непомѣрное съ одной стороны честолюбіе и надежда, въ спѣнахъ ея предписахъ Россіи законы, шoliko съ другой ропотъ войска на продолжительный походъ, котораго опдаденная цѣль упомляла оное, побуждали его къ исполненію клятвы. Бородинскою битвою Купузовъ хошѣлъ шокмо обезсилить непріателя. Онъ зналъ, что съ пошерее Смоленска сопряжена была потеря Москвы, съ за-

---

*) Такъ изъяснялся Купузовъ въ донесеніи своемъ изъ мѣстечка *Жилина*.

щиною ея — наша погибель, съ пребываніемъ въ ней Наполеона — его погибель; зналъ и не колебался пользою частною пожертвованъ пользѣ общественной. Счастливыя послѣдствія оправдали мудрость великихъ его соображеній. Гордись, Москва! своими бѣдствіями! Ты искупила ими вселенную!

Скрышь опъ бдишельности непріяеля свои намѣренія и шѣмъ съ главными силами избѣгнуть преслѣдованія; защитишь опъ его вторженія изобильнѣйшіе края Россіи и приближишь къ идущимъ подкрѣпленіямъ; расположишь армію въ шакихъ мѣстахъ, гдѣ бы она была совершенно безопасна опъ всякаго нападенія и между шѣмъ наносила бы величайшій вредъ арміи непріяельской; быспрыми, внезапными нападеніями легкихъ войскъ непреспанно превозишь, испребляшь войска Наполеонова, а самому спокойно спояшь въ укрѣпленномъ лагерѣ; имѣшь въ избынкѣ всякое продовольствіе, а враговъ лишашъ онаго; наконецъ пресѣчь имъ сообщеніе съ Польшею и принудишь оставишь Москву

безъ сраженія — таково было искусство, которое Кутузовъ явилъ въ сей краткій, но славный періодъ кампаніи *), и доказалъ свѣту могущество своего Генія.

Узрѣвъ себя на краю изрытой для него Россійскимъ Полководцемъ пропасти, не о славъ уже и завоеваніяхъ, но о спасеніи своемъ Наполеонъ помышляетъ; не путь къ побѣдамъ — онъ ищетъ проложитъ себѣ дорогу къ бѣгству. Но нѣтъ, хитрый Корсиканецъ! ты рашуешь нынѣ съ Кутузовымъ: онъ знаетъ себя, коварство свое предъ нимъ открыто. Ты мнилъ, что не встрѣтишь его на высотахъ Малоярославскихъ; ты надѣялся, что прорвешься здѣсь въ южный, плодоносный край Россіи, спокойно општупишь за границы, и се побѣдителей твоя передъ тобою! Тrepечи! Небо, разгнѣванное твоими злодѣяніями, мстителемъ своимъ избрало Кутузова. Осмь кратъ, опчаянный, водружаешь ты знамена свои среди

---

*) Періодъ кампаніи отъ сдачи Москвы до сраженія при Маломъ — Ярославцѣ.

пламени, пожирающаго несчастный городъ — осмь крапъ, отраженный, пы препещешь, недоумѣваешь, бѣжишь — и вмѣсто полуденной, всемь изобильной — бѣжишь спраною хладною, опустошенною, шобою самимъ превращенною въ пустыню! — О сограждане! если къ неизъяснимой горести цѣлаго Опечесства, спаситель его болѣе не существуешь, то обратимся по крайней мѣрѣ къ священному гробу его и принесемъ ему жершву благодаренія! Симъ подвигомъ, сею счастливою побѣдою свободились мы порабощенія иноплеменнаго. Еще здѣсь, на развалинахъ Малаго Ярославца, распоргнушы узы Европы; еще здѣсь, можешь бышь, порождены Лейпцигскіе громы, низпавшіе чрезъ годъ пошомъ на главу ея ширана!

Гдѣ ты, высоковыинный владашель вселенная, дерзнувшій проречь паденіе Россіи *)? Гдѣ ты нешобѣдимый, меч-

---

*) *Россія, сказала Наполеонъ переходя Неманъ увлетена къ паденію неизбѣжнымъ рокомъ!*

шавшій до источниковъ Ганга просперть свое могущество? Гдѣ ты, со всѣми твоими полчищами? Бѣжишь! и въ самомъ бѣгствѣ не обрѣшаешь спасенія! Рѣками льется кровь твоихъ подвижниковъ, трупы ихъ устилаютъ топъ иушь, по коему недавно еще лепѣль ты къ побѣдѣ; не радостные клики — воли ихъ окрестъ тебя раздаются! Зима и несыпый гладъ, со всѣми своими ужасами, идутъ тебѣ во срѣшеніе; кто избѣгъ или посѣченія, или плѣна, топъ падеть; пожираемъ ими. Хитрѣя, искусныя движенія, копорыми мнилъ ты превзойти полководцевъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, обращающа въ ничто предъ мудростію посѣдѣвшаго во браняхъ спарца; онъ вездѣ разитъ тебя и упрѣждаетъ. И между тѣмъ, какъ въ безумной злобѣ своей, ты подрываешь стѣны Смолѣнскія, Кушуровъ уже за ними. О ужасное пораженіе! Въ нѣскольکو часовъ не спало цѣлой половины арміи непріятельской *). О АЛЕКСАНДРЬ!

---

*) Въ сраженіяхъ подъ *Краснымъ* однихъ плѣнныхъ взято 21.000 человекъ.

неподражаемый образец великодушія на пронѣ! Кто бы достойнѣ ТЕБЯ умѣлъ починить заслуги Кушужева? Нарекши его по имени града, прославленнаго его побѣдами, ТЫ, казалось, уступилъ ему одно изъ своихъ пишловъ!

Вошце, Наполеонъ! бросая похищенныя сокровища и смертоносныя орудія, на погибель нашу угопованныя, чаешь ты, достигнувъ Березины, спасти остатокъ силъ своихъ — и тамъ Рускіе, водимые духомъ и маніемъ Кушужева, и шамъ союзники ихъ, зима и гладь, противу тебя свирѣпствуютъ! Бѣги! Все погибло! Спасай себя одного! Сокрой спыдъ свой въ нѣдрахъ чуждаго тебѣ опечесства, и возвѣспи свѣшу о славѣ Кушужева и своемъ пораженіи! А ты, изъ бездны золь возведенная на степень величія и славы, Россія! торжествуй о своемъ спасеніи, запечашлѣй навсегда въ сердца своемъ имя швоего избавителя! Да будетъ оно для тебя священнымъ и да преидеть въ роды и роды сопровождаемое швоими благословеніями!

АЛЕКСАНДРЪ являешся посреди СВО-

ИХЪ побѣдоносныхъ войскъ. ОНЪ спѣшилъ раздѣлишь съ ними славу ихъ и ошь лица Ошечѣства возблагодарить Кушужева. О какими чувствованіями надлежало исполниться сердцу ТВОЕМУ, МОНАРХЪ великодушный! когда преспарфый, уфнчаный лаврами Герой предспаль ТЕБЪ? Онъ чипаль ихъ въ умиленныхъ, краснорѣчивыхъ ТВОИХЪ взорахъ, и сіе казалось ему превыше награды, копорю ТЫ почшилъ его *)! — Но на земли нѣшь ничего прочнаго! Уже Смоленскій переходить границы, и каждый шагъ впередъ умножаетъ его шрофеи. Пруссія, увлеченная прошиву насъ могуществомъ Наполеона и въ нѣскольکو дней покоренная, соединяетъ оружіе свое съ оружіемъ АЛЕКСАНДРА. Три столицы падаютъ къ стопамъ Россіянъ. Уже знамена ихъ вѣють на берегахъ Одера и Ельбы, и масшишый Началовождь союзныхъ ополченій уже провозглаша-

---

*) Государь Императоръ по прибытіи въ Вильну, украсилъ Кушужева Орденомъ Св. Георгія 1 класса.

ешь свободу Германіи *), какъ неумолимая смерть, подобно шайному убійцѣ, неожиданно престакаетъ дни его! . . . . О несчастіе, ни съ какимъ другимъ несравненное! О великая, безцѣнная потеря, не токмо для Россіи — для всего человѣчества! Мужъ, непрерывно пияши Монархамъ со славою-служившій; мужъ, осыпанный шолікими почестями, гроза Опшомановъ, побѣдитель непобѣдимага, спаситель Россіи, страхъ и удивленіе всей Европы, умираешь въ шу минушу, когда просишь руку на ея избавленіе — умираешь шакъ, какъ не умиралъ, можешь бышь, ни одинъ изъ Героевъ: среди шоржесшвъ своихъ и шріумфовъ!

Вѣсшь сія скоро достигаешь войсшь Опечества — повсюду распросшраняешь. Сограждане! Я видѣлъ слезы ваши, слышалъ ваши шпенанія; но вы, вои-

---

*) Смощри Прокламацію, изданную Кушозовымъ за нѣсколько дней до его кончины, коею именемъ Александра и Фридрика возвѣщаль онъ освобожденіе Германіи.

ны! вы, копорыхъ именемъ наполнилъ онъ ошдаленные края свѣша; вы, съ копорыми пожалуй онъ шoliko лавровъ, что вы чувспвовали при сей ужасной вѣсти? — Безмолвно, какъ громомъ пораженные, спояли вы въ осирошѣлыхъ рядахъ своихъ; невольнo склонились долу померкнувшіе ваши взоры; невольнo опуспились мечи. Враги торжествуюшъ; они спѣшащъ воспользоваться вашимъ несчастіемъ, и побѣда на нѣсколькo минушъ оставяешъ васъ, что бы лепѣшъ оплакать Героя, съ копорымъ была неразлучна.

О Россіане! сколь памяшенъ для всѣхъ васъ шощъ день, когда сокрушенная печалію столица подвиглась во срѣшеніе гробу Смоленскаго, пронесенному чрезъ вси и грады земли ошечешвенной на раменахъ народныхъ, когда плачемъ и спенаніями, ошглашенными по всему проспранству Имперіи, она сопровождала его къ могилѣ! Вы были тогда неушѣшны; скорбите и нынѣ, при единомъ воспоминаніи о невозвращимой вашей ушрашѣ. Но нещешанная горешъ шягосшна сердцу; вы

имѣете нужду въ ушѣшеніи; можетъ быть
 хопѣли бы, что бы безвѣстный повѣство-
 вавель дѣяній спасителя Опечества
 прибѣгъ къ помощи краснорѣчія, разсы-
 палъ предъ вами цвѣпы его, вознесе-
 дилъ еще омоченные слезами ваши взо-
 ры. Но что скажу подобно вамъ до
 глубины души огорченный, равно имѣю-
 щій нужду въ ушѣшеніи и скудно на-
 дѣленный онымъ счастливимъ даромъ?
 Что сказала бы даже и тогда, когда
 бы имѣлъ его? Суешнымъ показалось
 бы всякое вишійство. Обратитесь же
 Россіяне къ Великому вашему Монарху.
 внемлите симъ незабвеннымъ словамъ
 Его, достойнымъ быть начерпанными
 на скрижаляхъ Испоріи: онѣ развѣ усла-
 дящъ вашу горестъ. *Болѣзненная, вѣща-
 ешь! Онѣ супругъ Смоленскаго, не для
 однѣхъ васъ, но и для всего Отечества
 потеря! Не вы однѣ проливаете о немъ
 слезы, съ вами плачу Я, платятъ вся
 Россія. Богъ, позвавший его къ Себѣ, да
 утѣшитъ васъ тѣмъ, что иля и дѣла
 его останутся безсмертными. Благо-
 дарное Отечество не забудетъ никогда
 заслугъ его; Европа и весь свѣтъ не*

престанутъ ему удивляться и внесутъ имя его въ число знаменитѣйшихъ Полководцевъ. Въ честь ему воздвигнется памятникъ, при которомъ Россiянинъ, смотря на изваянный образъ его, будетъ гордиться; тужестранецъ же уважитъ землю, порождающую толь великихъ мужей!

1814.

В. Панаевъ.

III. ОНЪ ЛЮБИЛЪ ЕЕ БОЛЪЕ ЖИЗНИ.

(Окончаніе.)

Теперь нѣсколько словъ въ объясненіе волшебства: подземелья были устроены въ древнія рыцарскія времена Гердебургами; коридоры со сводами сдѣланы шакъ искусно, что слова, едва произносимыя на одномъ концѣ, легко слышны были на другомъ. Два дни употреблены были на освѣщеніе; фосфоръ произвелъ остальное дѣйствіе Гертруда являлась въ видѣ Машильды, Армгарша же сама лежала во гробѣ. Входъ съ задней части флигеля, неизвѣстный Людвигу, провелъ шуда все затѣйливое общество. Армгаршинымъ дѣвушкамъ поручено было играть на инструментахъ и сдѣлать молнію, а громовержцемъ доспалось бышь молодому монаху, кошорый кашая въ боковомъ коридорѣ тяжелый каменный шаръ по выпуклымъ доскамъ, довольно удачно подражалъ природѣ.

Какъ скоро Людвигъ пошелъ назадъ, Армгарша и Гертруда, переодѣвшись въ минушу, бросились въ карешу и успѣ-

ли приѣхашь къ замку въ одно время съ Рыцаремъ.

Гораздо труднѣе описашь душевное состояніе Армгарпы и Людвига.

Слова: *умертви меня, Боже, но пощади мою Армгарту!* поколебали всѣ чувства молодой заплѣйницы. Едва небросилась она изъ гроба въ объятія Людвига: но лучъ надежды на полное шоржество блиспалъ въ глазахъ ея и преодолѣлъ нешерифніе. Весь вечеръ была она въ самомъ веселомъ расположеніи духа и даже гошова была во всемъ признапья Рыцарю, еслибъ только имѣла случай говорить съ нимъ — съ шакою увѣренностію она полагалась на швердосшь его обѣщанія.

Напрошивъ шого Людвига, разспроенный въ мысляхъ, бросился въ безпашшпвѣ на свою поспель. Во всю ночь положеніе его было ужасно. Слова: *выпьешь ты — она останется въ живыхъ; не выпьешь — она умретъ* — въ огненныхъ липерахъ носились предъ его взорами. Думая объ Армгарпѣ, клялся онъ вкушитъ смерпъ изъ сосуда; но мишу спуспя находилъ сполько сладо-

стей въ жизни, что она казалась ему выше всякаго блага на свѣтѣ. Передъ ушромъ погрузился онъ въ безпокойный сонъ, который не только не подкрѣпилъ его силы, но возмутилъ еще болѣе его разсудокъ.

Поутру первый его выходъ былъ въ молельню Армгарпы. Роковой сосудъ съ напишкомъ, подобнымъ вину, споялъ на жертвенникѣ передъ мершвою головою. Людвигъ невольно содрогнулся, но онъ взялъ сосудъ и поднесъ его ко рту. Армгарпа за занавѣскою наблюдала каждое его движеніе и претепала отъ радости: грудь ея волновалась сладостраспнѣйшимъ изъ всѣхъ чувствъ. Но Людвигъ вдругъ опшолкнулъ сосудъ и удалился.

Бѣдная Армгарпа! Руки свои проспирались уже къ объятію любезнаго, великодушнаго юноши — и упали, какъ онѣмѣлыя. Тысячи мыслей шѣснулись въ головѣ несчастной: надежда и боязнь радовали и ужасали ее попеременно. Она проклинала свою выдумку, свое любопытство; въ разспрепснѣ чувствъ и мыслей своихъ едва могла показашь

ся опцу, жаловалась на головную боль и хопѣла вскорѣ его оставишь. Тушѣ пришелъ Людвигъ, блѣдность покрывала лице его, когда онъ услышалъ Армгаршины жалобы. Гердебургъ шупилъ надъ ея болѣзнію. „Она больна! очень больна!“ вскричалъ Людвигъ съ сердечнымъ движеніемъ. „Ахъ, и нѣшь спасенія!“ прибавилъ онъ въ полголоса, и ломая руки, поспѣшно удалился.

— Нѣшь спасенія! — сказала Армгарша съ горестнымъ вздохомъ, и въ эту минушу почувствовала въ самомъ дѣлѣ такую слабосшь, что должна была уйти въ свою комнашу. Между шѣмъ безпокойство, опчаяніе преслѣдовало всюду Людвига. Изъ замка онъ побѣжалъ въ садъ, но едва достигъ первой аллеи, какъ еще скорѣе прежняго возвратился назадъ. Онъ пришелъ въ свою комнашу, бросался со сшула на спуль и нигдѣ не находилъ покоя: всѣ чувства его были въ волненіи. Часшо заходилъ онъ въ молельню и дикіе взоры его съ ужасомъ успремлялись на бѣдспвенный напишокъ. Онъ ломалъ себѣ руки, хватался за сосудъ и едва приподнявши

его, выпускалъ изъ рукъ въ мучительномъ испуленіи.

Два дни провелъ онъ, какъ безумный. Каждая минута умножала его безпокойство и мрачность. Всякаго спрашивалъ онъ о болѣзни Армгарны и съ дикимъ взоромъ отвращался, когда отвѣчали, что это пройдетъ.

Наконецъ ужасный, роковой день наступилъ. Людвигъ, не смѣя войти къ Армгарнѣ, большими шагами прохаживался по коридору и только время отъ времени прислушивался у дверей ея горницы. Двери отворились и онъ увидѣлъ Гершруду.

„Жива ли она еще, любезная Гершруда?“ вскричалъ онъ, бросясь къ ней на встрѣчу.

— До смерти еще далеко, отвѣчала Гершруда, однако ночью спало ей хуже. —

„Хуже! Боже мой!“ вскричалъ Людвигъ и съ быстротою молніи бросился въ молельню. Ужасный сосудъ! Мрачно смотрѣлъ на него Рыцарь. Опчаяніе изображалось на челѣ его. О Боже! вскричалъ онъ опять въ безпамятствѣ и вы-

бѣгая, сказалъ въ полголоса Гершурдъ:
„она должна умереть! должна! и я
убійца!“

Сопедали внизъ, бросился онъ на
лошадь и поскакалъ опроремью со дво-
ра, такъ что привелъ въ ужасъ всѣхъ,
кто его видѣлъ.

Медленно, почти на каждомъ шагу
останавливая свою лошадь, возвращал-
ся онъ вечеромъ назадъ. „Что, не умер-
ла ли уже Армгарта?“ спросилъ онъ
съ шрепешомъ перваго встрѣтившаго-
ся ему на дворѣ человека и разсердился,
когда шопъ съ большимъ хладнокро-
виемъ возразилъ ему также вопросомъ:
а развѣ она больна?

Онъ поспѣшилъ въ замокъ и уви-
дѣлъ, что Армгарта оправилась уже
опъ своей болѣзни, хотя блѣдность и
мрачность примѣшны еще были на ли-
цѣ ея. Роковаго сосуда въ молельнѣ уже
не было. Между страхомъ и надеждою
сидѣлъ онъ подлѣ Армгарты и не могъ
оставить ее до полуночи. Наконецъ
ударило двѣнадцать часовъ и восшоргъ
заснулъ въ немъ мѣсто прежняго
безпокойства. Онъ не примѣчалъ даже

холодности и колкой вѣжливости въ обращеніи Армгаршы; въ радости онъ не чувствовалъ самъ себя.

Сладкій сонъ съ пріятными мечтами подкрѣпиль и успокоиль его.

Только прекрасные глаза Армгаршы не смыкались во всю ночь ни на минушу: сонъ бѣжалъ ихъ. Досада, оскорбленная гордость, обманушая надежда, любовь и ненависть шерзали ея душу и на другой день всякой, увидя ее, повѣрили бы предсказанію.

Людвигъ лешѣль къ ней со всею надеждою пламенной любви, но могла ли уже скрыться отъ него та неприязнь, та суровость, съ копорыми его встрѣшили?

Онъ жаловался, умолялъ, сердился — ничшо не помогало. И если бывали иногда минушы, въ копорыя Армгарша съ горестною, но умильною улыбкою къ нему обращалась, шо слово: *любовь*, едва вылепѣвшее изъ устъ его, погружало ее въ прежнюю задумчивость.

Около сего времени появился въ шой странѣ Рыцарь Георгъ фонъ Вальсдорфъ и обратиль на себя взоры всѣхъ

дѣвушекъ. Живучи долго при дворѣ Императора, онъ ошличался своею образованностію предъ прочими Рыцарями. Увидя прелестную Армгаршу, Георгъ умножилъ число ея обожателей. Однако и онъ не могъ смягчить шого равнодушія, которое со времени послѣдней болѣзни казалось главною чершою ея характера.

Между тѣмъ сія принужденная холодность и суешное желаніе быть любимою болѣе всего на свѣшѣ, дорого споили бѣдной дѣвушкѣ. Сердце ея пылало любовью и сколько ни вооружалось прошивъ несчастнаго Людвига, но не могло преодолѣть себя. Слезы не осушались на глазахъ прелестной Армгаршы. Истинная любовь казалась ей мечшою, но сія мечша была причиною ея шерзаній. Чувства ея не были уже исполнены шого прелестнаго очарованія любви, которое улаждаетъ жизнь нашу; одно ужасное волненіе спраши возмуцало ихъ, Армгарша хотѣла слѣдовать разсудку, но одно шолько сердце можетъ вести насъ къ благополучію. Съ каждымъ днемъ шановилась она задумчивѣе, и

скала дикихъ, уединенныхъ мѣстъ, что бы укрыться отъ всего свѣта. Но образъ Людвига вездѣ носился предъ нею и упрекалъ ее въ холодности.

Во время сихъ уединенныхъ прогулокъ Георгъ фонъ Вальсдорфъ часто слѣдовалъ за Армгаршою. Тщешно покушался онъ смягчить ея ожесточенное сердце. Она не запрещала ему питать любовь свою, но всегда старалась отъ него укрываться и не хотѣла слышать о любви.

Однажды спустилась она между скалами къ Рейну: ей пріятно было видѣть вокругъ себя дикія, запущенныя повсюду мѣста; шумъ быспропекущей рѣки услаждалъ слухъ ея; спремление клубящихся валовъ, кошорые подмывали и покрывали пѣною окружные утесы, составляло особенную прелесть для ея взоровъ. Она подошла ближе къ водѣ, ступила на камень лежавшій у самаго берега: песокъ закружилъ подъ ея ногами, камень рухнулъ — и Армгарша поверглась въ волны.

Едва крикъ раздался надъ водою и уже волны покрыли ее своею пѣною. Но вдругъ ее схватывающъ, приподнимающъ

на поверхность воды и чрезъ нѣсколь-
ко минушь, въ копорыя пучина грози-
ла поглотить ее съ ея избавителемъ,
крики послѣдняго были услышаны и
они оба спасены.

„Благодареніе небесамъ!“ вскри-
чала избавитель, все еще крѣико дер-
жа Армгарпу въ рукахъ своихъ. „Благо-
дареніе небесамъ!“ повторилъ онъ — и
она узнала Георга фонъ Валсдорфъ.

Осправились въ замокъ. Глаза Арм-
гарпы успрямлялись время опъ време-
ни на ея избавителя. Обольщенная чув-
ствами благодарности, она уже дума-
ла, что его любишь — думала, что на-
шла въ немъ человѣка, копорый *любитъ*
ее болѣе своей жизни.

— Какъ могли вы опважиться? спро-
сила она дорогою Рыцаря съ улыбкою
умиленія на лицѣ. Какъ могли вы въ
одно мгновеніе рѣшиться на пожертво-
ваніе своею жизнью? —

„Но могъ ли бы я жишь безъ васъ!“
опвѣчалъ Георгъ, прижимая къ груди
своей ея руку.

Она такъ же легонько пожимала его
руку, какъ будто спараясь увѣришь

себя, что его любишь, а между шѣмъ голосъ сердца говорилъ ей: для чего это былъ не Людвигъ?

Легкая лихорадка удержала Армгарту на нѣсколько дней въ постели. Скоро почувствовала она, что не можешь любить Георга, что Людвигъ — она старалась заглушать въ себѣ послѣднюю мысль. „Но — говорила она Гершпрудъ съ попусленными глазами и перебирая складки на своемъ одѣялѣ — я все лучше желаю опвѣчать склонности челоуѣка, который доказалъ мнѣ любовь свою, нежели...“ — вздохи не дали ей договорить — „Благодарность же моя должна сдѣлаться любовію“ — прибавила она въ полголоса и давила рукою грудь свою, какъ будто желая преклонить къ молчанію упорное сердце.

Армгарта не была изъ числа шѣхъ дѣвушекъ, копорымъ легко перемѣнять свои мысли: она совершенно отдалила отъ себя Людвигъ и Георгъ сдѣлался предметомъ всѣхъ ласковыхъ взглядовъ, плѣнительныхъ усмѣшекъ, даже иногда мечтаній ея, въ копорыхъ однако Людвигъ всегда игралъ блистательную роль.

Но онъ не могъ угадывать мыслей, а взгляды и улыбки говорили ясно, что ему нечего ожидать болѣе. Однажды Армгарша сидѣла подлѣ Георга и умильно обращала къ нему свои взоры. Людвигу кельзя было эшаго не замѣшить; вдругъ встревоженный подходитъ къ ней: „прощай Армгарша!“ говоритъ онъ, пошупя взоръ и подавая ей свою руку. Армгарша въ смущеніи невольно пожимаетъ ее въ своей и Людвигъ исчезаетъ.

Армгарша старалась казаться веселою, но щещно. Рыцарь Георгъ шутилъ, Армгарша улыбалась — и скучала. Бѣгали по саду, рѣзвились, зашѣвали игры, разговаривали о счастіи, но во всемъ видна была принужденность. Грустно смотря на свою подругу, Армгарша увѣряла ее, что ничего не желаетъ болѣе для своего счастія и что, какъ скоро возвратится отецъ ея, она отдастъ Георгу свою руку, потому что онъ — *онъ любитъ меня болѣе своей жизни!* прибавляла Армгарша къ словамъ своимъ.

Спустия нѣскольکو дней отецъ Арм-

гаршы скачешъ опрощенью на дворъ замка и съ разспроеннымъ видомъ входилъ шоропливо въ залу. Что съ вами сдѣлалось, бабюшка?" спросила Армгарша, выбѣжавъ къ нему на встрѣчу.

— Я изгнанникъ, лишенный покровительсва законовъ! вскричалъ съ жаромъ гордый Баронъ Гердебургъ. —

Онъ былъ участникомъ въ заговорѣ противъ Императора. Возмущеніе было ошкрыто слишкомъ рано. Знашныя Князья, бывшіе начальниками бунта, выпутались скоро изъ сего дѣла и весь гнѣвъ Государя обратился на дворянство, принимавшее въ шомъ участие.

„Рыцарь Георгъ! вскричалъ Гердебургъ, исполнительныя войска уже не далеко. Я вооружу своихъ вассаловъ; Ротшердамъ придетъ ко мнѣ на помощь со своими. Вы любите дочь мою. Возьмите ея руку — Армгарша поблѣднѣла — а вы осудите меня своею.“

Рыцарь Георгъ задумался; онъ въ смущеніи началъ говорить о друзьяхъ своихъ при дворѣ, которые возмущая ходатайствовашь у Императора о прощеніи.

„Конечно — опвѣчалъ Гердебургъ — не худо, если имъ удастся оправдать насъ; но между тѣмъ Императорскія знамена приближаются, надобно ихъ опразить, Помогите мнѣ.“

— Мое учаспіе въ этой распрѣ, сказалъ Георгъ, легко можете сдѣлать неудачнымъ хаташайство друзей моихъ въ вашемъ дѣлѣ. —

„Ну, бытъ такъ! вскричалъ Гердебургъ. Можете бытъ вы и правы. И такъ опправляйтесь въ свои помѣстья. Теперь замокъ мой уже не пристанище для женщинъ, Вы любите мою Армгаршу, возьмите ее! Сегодня васъ опвѣчаютъ, а завтра опвезите жену свою къ себѣ.“

— Союзъ съ дочерью человека, лишеннаго покровишельства законовъ, опвѣчалъ зачинаясь Георгъ, можете навлечь на меня гнѣвъ Императора. Какъ ни велико счастье, копорымъ вы мнѣ льстите, но все было бы не ловко такимъ послѣшнымъ союзомъ лишить себя надежды на милость Государя и даже на примиреніе его съ вами. —

„Ну, такъ изволь же убираться оп-

сюда; господинъ придворный! вскричала Гердебургъ, задыхаясь отъ бѣшенства. Сей часъ осѣдлашь лошадей Рыцарю! — Прощай, рыцарь придворнаго воздуха! Поклонись отъ меня имениныиъ друзьямъ твоимъ и сдѣлай одолженіе отъѣзжай подальше отъ моего замка, если не хочешь опсправиться на пошь свѣшь отъ руки челоуѣка, лишеннаго покровительсва законовъ.“

— Императоръ опспитъ вашу неблагодарность, сказаъ Георгъ, съ холоднымъ и колкимъ видомъ. Я спасаю жизнь вашей дочери, а вы меня гоните. Я презираю угрозы ваши, Баронъ! Прощайте! — Гордо удалился онъ, съѣвъ на коня и уѣхавъ.

„Что это значить? думала удивленная Армгарта. Жертвовала собою для меня и предпочитала мнѣ благосклонность двора, безъ кощорой легко можно обойтись! Что это значить? Развѣ Георгъ не любилъ меня? Развѣ Людвигъ...“ — Она задумалась. Звукъ оружія и шумныя пригошвленія къ войнѣ едва могли извлечь ее изъ размышленій.

Вассалы Гердебурга собирались со всѣхъ сторонъ; всѣ залы наполнились вооруженными; замокъ укрѣнили; въ спѣнахъ его и въ окружностяхъ съ каждымъ днемъ умножалось движеніе: вездѣ видны были толпы воиновъ.

Однажды поутру небольшой опрядъ конницы появился на высотахъ передъ замкомъ. Трубачъ приблизился и требовалъ позволенія говорить съ Барономъ; его ввели въ залу. Эпо случилось при Армгартѣ.

„Рыцарь Людвигъ фонъ Эйкенло — шакъ началъ трубачъ — услыша, что Гердебургскія владѣнія въ опасности, посылаешь на помощь Барону 50 рейшаръ и онъ самъ не замедлишь явишься съ своими вассалами, если присущствіе его не прошивно дѣвиць фонъ Гердебургъ.“

— Прошивно? .. — вскричала Армгарта съ живосцію — и покраснѣвъ, какъ роза, пошупила взоръ свой.

„Мы съ удовольствіемъ его ожидаемъ, сказалъ Баронъ, а опрядъ вашъ пусть войдетъ сюда.“ Подъемные мосты опустились и рейшары въѣхали въ замокъ.

Спустя три дни Людвигъ прибылъ къ Гердебургу съ новымъ войскомъ. Армгарта, шерзаемая горесшными чувствами, рѣдко выходила изъ своей комнаты.

Между шѣмъ Императорскія войска подвигались къ замку. Рыцари выспунили къ нимъ на вспрѣчу и вскорѣ были разсѣяны. Однако многіе сосѣдственныя города приняли ихъ сторону и дали имъ подкрѣпленіе; они сошлись опять — какъ вдругъ распротранился повсюду приказъ Императора, чшобы всѣ Рыцари оставили Гердебурга, иначе будущъ осуждены на изгнаніе и лишены покровительсва законовъ.

Эшотъ ударъ сильно подѣйствоваль на всѣхъ. Даже самый искренній другъ Гердебурга, Рошенбергъ отъ него отдѣлился. Одинъ только Людвигъ не хотѣлъ оставить отца Армгарты.

Баронъ занемогъ отъ ранъ и Людвигъ одинъ занимался всѣми дѣлами, кошорыхъ было не мало. Вскорѣ присланный вѣспникъ объявилъ ему, что если онъ не оставишь Гердебурга, то замокъ его предастся пламени. „Пусть

горить! вскричалъ Людвигъ: я не пойду отсюда!“

Къ полудню багровое зарево засвѣнилось на горизонтѣ. Пламя пожирало Эйхенлохскія владѣнія. Людвигъ стоялъ у окна, смотрѣлъ на пожаръ и молчалъ. Слезы навернулись на глазахъ его.

Возьми сошню рейшаровъ, вскричалъ Гердебургъ и разгони зажигателей. — Людвигъ хотѣлъ идти, но взглянулъ на Армгаршу, погруженную въ уныніе, и оспался. „Пусть все сгоритъ! сказалъ онъ опять, я не пойду отсюда.“

Сильные враги Гердебурга при дворѣ Императорскомъ хотѣли совершенной его гибели. Новая войска подошла къ прежнимъ; они принесли съ собою смертный приговоръ Гердебургу, подписанный самимъ Государемъ. Замокъ былъ осажденъ. Людвигъ дѣлалъ чудеса храбрости.

Появился новый вѣспникъ и объявилъ ему помилованіе Императора, уничтоженіе проскрипціи и награду за пошерю помѣстьевъ, если только согласишься освавить Гердебурга. Самъ

старый Баронъ началъ его упрощивать: „прими царскую милоспшь, говорилъ онъ ему; не въ твоихъ уже силахъ помочь мнѣ. Ты видишь, что хопяшь только головы моей. Послѣ, можешь быть, ты лучше успеешь за меня постараться. Поди къ нимъ, предоспавъ меня моей участи, добрый юноша!“

Людвигъ глядѣлъ на Армгаршу, которая склоняясь головою къ отцу, спаралась удержавъ свои рыданія. „Не могу, вскричалъ онъ, клянусь небомъ, не могу васъ оставишь. Хочу жить и умереть съ вами!“ —

Грудь Армгаршы наполнилась живѣйшимъ воспоргомъ; глаза ея заблестали и сквозь слезы улыбка любви наградила Людвига за его великодушіе.

„Что это значишь? думала опяшь Армгарша. Георгъ подвергаетъ за меня опасности жизнь свою и оставляетъ меня въ то время, когда обѣщана ему рука моя. Людвигъ отдавалъ меня на жертву смерти и несмотря на то болѣе всего меня любишь!“

Опасность умножалась часъ опъ часу болѣе. Осажденные были въ самомъ

зашруднишельномъ положеніи; жизненные припасы испощались; воинскихъ снарядовъ не доспавало.

Намъ нельзя держаться долѣе! сказалъ наконецъ Людвигъ. Гердебургъ сдѣлалъ пригошовленія къ побѣгу чрезъ подземелья. Онъ уговаривалъ Людвига, чтобы сдавши его замокъ, воспользо-вался общанною ему милоспію. „Нѣшъ, ошвѣчалъ Рыцарь швердымъ голосомъ, я скроюсь вмѣспѣ съ вами и всюду за вами послѣдую.“

Они пошли съ факелами въ подземелье. Армгарша въ горести и раскаяніи поверглась къ подножію гробницы, подлѣ кошорой совершалось волшебство. Людвигъ смотрѣлъ на нее въ глубокой задумчивости.

„О Людвигъ! вскричала Армгарша, швоя къ намъ приверженность...“ Заставляешь забыть все прошедшее, хошѣла она сказать, но не договорила.

—Что шеперь я дѣлаю, сказалъ Людвигъ, склонясь предъ нею на колѣна, ничего не значить въ сравненіи съ шремя днями перенесенныхъ за себя спраданій, о кошорыхъ напоминаешь

мнѣ это мѣсто. Если я имѣю право на твою благодарность, то конечно болѣе всего за тѣ три дни.—Это было загадкою для Армгарпы.

Пошли далѣе. Людвигъ вель попеременно по старика, по дѣвушку; онъ ошарался развлечь ихъ разговорами, ушѣвшишь новыми надеждами. Но едва приблизились они къ развалинамъ, которыми оканчивалось подземелье, какъ вдругъ нѣсколько вооруженныхъ людей заградили имъ путь.

Людвигъ обнажилъ мечъ свой.

„Тебя намъ не надобно, Рыцарь! вскричалъ одинъ изъ воиновъ. Ты свободень. Вошь тебѣ помилованіе Государя, а Гердебургъ и дочь его наши плѣнники.“

Не хочу бышь свободень безъ нихъ!—возразилъ Людвигъ въ бѣшенствѣ и бросилъ опданный ему пергаментъ между развалинами. Армгарпа въ опчаяніи ушала на камень.

„Не хочешь приняшь милость, шакъ прими же смерть, оскорбишь Беличества!“ вскричалъ, бросясь на него, воинъ. Людвигъ воцзилъ мечъ въ грудь

его и попомъ, какъ разъяренный левъ, бросился на другихъ, долго сражался съ ними и наконецъ обратилъ ихъ въ бѣгство.

—Поспѣшимъ! вскричалъ онъ тогда къ своимъ спутникамъ. Скроемся, пока есть время! — Скоро приблизились они къ берегу Рейна, гдѣ ожидала ихъ ладья. Въ ней укрылись они отъ угрожавшей имъ опасности.

Спустя нѣсколько времени, когда спокойствіе снова начинало возвращаться въ сердца изгнанныхъ, Людвигъ думалъ уже о судьбѣ своей. Однажды Армгарша стоя у окна, съ заплаканными глазами смотрѣла на покинутую страну. — Кто причиною слезъ твоихъ, Армгарша? спросилъ Людвигъ. — Молча подала она ему руку.

—Не рыцарь ли Георгъ, который тебя оставилъ? —

„Нѣтъ, Людвигъ! отвѣчала Армгарша, кинувшись въ его объятія. Тебя люблю всею душою.“

—Меня, Армгарша? меня? —

„И я всегда тебя любила!“ — Пламенный поцѣлуй заключилъ слова ея.

Гердебургъ благословиль союзъ счастливыхъ любовниковъ.

„А ты—спросила восхищенная Армгарта Рыцаря — любишь ли ты меня?“

—Болѣ жизни! —

„Болѣ жизни! — полно правда ли? возразила Армгарта улыбаясь и грозя ему пальцемъ.“

—Болѣ жизни! я доказаль это въ послѣдней битвѣ. —

„За чѣмъ же не вышилъ ты напика, ошь кошораго зависѣла моя жизнь?“

—Какъ, Армгарта? Развѣ ты знаешь...

Армгарта рассказала ему исторію волшебства. Людвигъ не могъ изяснить тогдашнія свои чувства.

Прошло двадцать лѣтъ счастливаго супружества и Армгарта плела брачный вѣнокъ Ильдегардѣ, своей дочери. Пылкая дѣвушка увѣряла мать свою, что женихъ *любитъ ее болѣ жизни*. Армгарта улыбалась, рассказала ей свою исторію съ Людвигомъ и пошомъ спросила: „какъ думаешь ты шеперь, Ильдегарда, *любилъ ли меня опецъ швой болѣ жизни?*“

—Конечно, машушка.—

„Почему же не выпилъ нацишка?“

—Попому что — попому что... Я это очень чувствую, но не могу изъяснить. —

„Попому что человекъ, воспламенный снрастїю, болѣе общаеть, нежели сколько, одумавшись, можетъ исполнишь Георгъ не любилъ меня и повергся за мною въ волны. Пылкость, щеславїе или соснраданїе побудили его къ этому. Мой Лисдвигъ любилъ меня и не выпилъ нацишка, который долженъ былъ спасти мнѣ жизнь. Онъ выпилъ бы все до капли изъ сосуда. еслибъ получилъ его потчасъ въ подземельѣ. Но ему дали при дни сроку, что бы обдумать это, и онъ узналъ, что жизнь есть первѣйшее ни съ чемъ несравненное благо!“

—Такъ Родегардъ любилъ меня меньше своей жизни?... —

„Дай Богъ, что бы сердце его чувствовало вполне то, что онъ говорилъ тебѣ. Разсудокъ, милая Ильдегарда, освѣщаетъ мало по малу каждую частицу, соспавляющую любовь, и къ сожалѣнїю почти все то, что сердце

считаетъ истиннымъ, при свѣпѣ разсудка бываетъ подобно скоро исчезающему дыму. Любовь все увеличиваетъ разсудокъ смягчаетъ ея воспорги. И шакъ горе тебѣ, когда со временемъ швой или Родегардовъ разсудокъ уничтожитъ совершенно все, что вамъ сулятъ теперь сердца ваши.“

„Спарайся, Ильдегарда, что бы разсудокъ нашель истиннымъ хопя половину шого, что чувствуюшь теперь сердца ваши, и счастье ваше будешь гораздо совершеннѣе, нежели то, кошорое обѣщаютъ вамъ льшвивыя надежды первой любви.“

„Подвергать жизнь опасности за свою любезную, не значить еще любить ее болѣе жизни. Сердце имѣешь собственный свой языкъ и ты должна узнать его, что бы не пребывашь послѣ лишней привязанности ошъ своего мужа.“

Ильдегарда послѣдовала симъ совѣшамъ и была счастливою супругою — счастливою, какъ и мать ея.

Сб. Нѣмецк. В.

IV. ПУТЕШЕСТВІЕ ПРОТИВЪ ВОЛИ.

*(Продолженіе.)**Письмо III.**Познань. 26 Генваря.*

— — Нѣтъ сомнѣнія: меня обворожили. Вѣрю теперь всякому очарованію, не вѣривъ прежде ни одному, кромѣ очарованія вашихъ прелестей. Не сомнѣваюсь болѣе, что есть домовые, злые духи, привидѣнія, волшебники. Сего дня хопѣлъ я, сего дня долженъ былъ прѣхать въ Варшаву, явисься въ вашемъ будуарѣ, лежать у ногъ вашихъ, обожаемая Графиня, и вмѣсто того сего дня — я въ Познани! Тьма золь скопляется надъ моею головою, увлекаешь меня сюда и еще плѣнникомъ. Однако не пугайтесь — я опять на волѣ.

Все происшедшее со мною кажется мнѣ сновидѣніемъ. Чѣмъ скорѣе думаю бытъ впереди, тѣмъ далѣе влекусь назадъ. Случалось ли это съ кѣмъ нибудь! Бытъ на балѣ, уѣхать только за ожерельемъ и мечтая уже о блаженнѣйшихъ

минушахъ вечера — не возвращишься, а унесишься за сорокъ миль ошь своей цѣли! Желаніе, поспѣшность, неперпѣніе, рас-судокъ, предосшөрожность — ничто не помогаешь, все увлекаешь только далѣе и далѣе, подобно какъ буря на откры-томъ океанѣ опдалаешь искуснѣйшаго и дѣяшельнѣйшаго мореходца въ шу са-мую минушу ошь приспани, какъ онъ надѣется войши въ нее.

Мой Инженеръ и я, по сдѣланному нами условію, опправились прешьяго дни вмѣспѣ въ Кладово. Тутъ — въ эпомъ, можно сказаць, гнѣздѣ нищеты — нахо-дился родъ какаго-шо Плаць-Коменданта, къ кошорому Инженеръ немедлѣнно по пріѣздѣ своемъ долженъ былъ явиться. У него нашель онъ повелѣніе ѣхать безъ малѣйшаго оплагашельспва въ Семполь-но. По возвращеніи ко мнѣ, поварищъ мой, пожимая плечами и принося пы-сячу извиненій, объявилъ, что не можешь сдержашъ своего слова: служба выше все-го. Сначала я онѣмѣль ошь ужаса, но при-шедъ въ себя, спаль просишь, закли-нашь, даже бранишься — со всемъ моимъ краснорѣчіемъ предшавляль ему не-

пріятность своего положенія и все напрасно: необходимость ѣхать въ Семпольно была однимъ его опвѣшомъ. Пока извозчикъ кормилъ лошадей, Инженеръ побѣжалъ опять къ Коменданту, а опъ него съ проводниками во все дома и конюшни, что бы доспашь другую повозку. Я слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, но мы возвратились ни съ чемъ.

Наконецъ, чшобы какъ нибудь пособить своему горю, я рѣшился проводить Инженера въ Семпольно, гдѣ надѣялся легче найши для себя подводу или по крайней мѣрѣ получше шракширь, нежели въ бѣдномъ, неопряжномъ Кладовѣ. Товарищъ мой одобрилъ мое намѣреніе, но я уже не могъ быть спокоенъ. Путешествіе наше было уже не такъ пріятно, какъ прежде: и разговорчивость и дружелюбіе исчезли; я скучалъ, за все гошовъ былъ сердиться; время опъ времени происходили даже небольшіе между нами споры и по пріѣздѣ въ Семпольно мы разспались очень холодно.

Но за то старался я всячески угождать своему извозчику. Мы оспались

шущь переночевать, чшобы лошади могли хорошенько ошдохнуть, а на разсвѣтъ положено было ошправиться обратно. Щедрость моя возраспала съ каждою минушою и еще до зари сидѣль уже я въ повозкѣ на цуши въ Варшаву.

Едва ошѣхали мы на полмили отъ Семполно, какъ увидѣли скачущихъ за нами во весь духъ прехъ Французскихъ Егерей. Извощикъ мой, по весьма неприяшному предчувствію, изо всей силы погоняль лошадей, но это было бесполезно Французы скоро догнали насъ, велѣли ошановишьяся, бранили извощика, кошорый, по ихъ словамъ, безъ вѣдома начальства бѣжалъ отъ реквизиціи, приказали поворотишья назадъ и грозили даже, чшо въ примѣръ другимъ оцъ будешъ расшпрѣлянь. Бѣднякъ не понималъ ни слова, но судя по убѣдительнымъ шѣлодвиженіямъ ихъ, догадывался и бросалъ на меня унылые взгляды. Тущь вмѣшался я въ дѣло. Казалось только того и ждали: съ учшпшшимъ привѣспшіемъ обратились они ко мнѣ, почшпштельно спросили меня о моемъ имени и пошребовали пашь:

порта. Получа въ отвѣтъ что я не имѣю его, они какъ будто изумились, ошпорожно намекнули, что я подозрительнень и просили *сдѣлать милость* оправдать себя предъ господиномъ Комендантомъ.

Повороты безъ дальнихъ церемоній моихъ лошадей и погнавъ ихъ назадъ въ Семпольно, эти грубіаны конечно слишкомъ были увѣрены въ моей *милости*. Какъ скоро Плаць - Коменданту сказано было, что я шайнымъ образомъ похищилъ ошъ реквизиціи повозку и не имѣлъ даже никакого пашпорта, то онъ объявилъ меня во первыхъ подозрительнымъ, во вторыхъ врагомъ Наполеона, въ третьихъ арешантомъ. Возраженія не послужили ни къ чему; меня ушѣшала только надежда, что успѣю оправдать себя въ Познани при главной кватирѣ. И въ самомъ дѣлѣ, спустя два часа, я имѣлъ честь быть шуда отправленнымъ въ сопровожденіи одного Поручика и Капрала, которые однакожь ѣхали шуда не для меня, а по службѣ.

Пока человѣку вспрѣчаются мало-

важнѣя неудобства и помѣшательства; онъ легко бываетъ въспревоженъ, выходишь изъ терпѣнія — конечно пошому, что надѣешься все превозмочь; но когда уже неудачи и злополучіе превышаютъ его силы, то онъ становится опять ко всему равнодушень — пошому что видя безполезнымъ сопротивленіе, возвращаешься къ врожденной ему гордости и не спрашася ничего, все презираешь.

Такъ почто случилось и со мною: сколько прежде ни досадоваль, шеперь не могу не смѣяться. Вообразите себѣ: въ бальномъ нарядѣ, привозяшь меня ареспаншомъ въ Познань, на границу Польши! Вы сами, думаю, смѣетесь моему похожденію. И правда: шеперь, смошря на него другими глазами, я уже не нахожу слишкомъ большаго несчастія. Я могу жаловаться только на потерю минушь, въ кошорья наслаждался бы вашею, любезнѣйшая Графиня, бесѣдою. И ошъ чего вся бѣда? Двумъ прелестнымъ женщинамъ угодно было поспорить о бездѣлицѣ! Вошь какова наша участь! — Бѣдственное ожерелье Со-

фіи, переїзжая со мною съ мѣспа на мѣсно, оспалось для меня памятникъ всѣхъ моихъ злополучій.

Теперь я даже радъ, что попалъ въ Познань. Здѣсь принесли мнѣ тысячу извиненій, оправдываясь строгостію службы, и со всемъ шѣмъ не могли не смѣяться проказамъ судьбы, которая въ суровую зиму, съ балу изъ столицы, перенесла меня на край Государства въ военный станъ. Первая моя забота была совершенно вновь одѣть себя. Вы право не могли бы удержаться отъ смѣху, если бы увидѣли меня въ ту минушу, какъ я сюда пріѣхалъ. На реквизиціонныя подводы болѣе полагаюсь не буду; я купилъ себѣ хорошую верховую лошадь, которая доставишь меня къ вамъ; заказалъ плащъ, котораго воинскій покррой будешь внушать почтеніе всѣмъ командамъ завоевашелей свѣша; сверхъ того имѣю у себя надежнаго проводника — пашпортъ.

Ничто уже болѣе не удерживаетъ меня лешѣмъ и пастъ къ ногамъ вашимъ какъ шолько — поршней и сапожникъ. Прежде двухъ дней, какъ вижу, мнѣ

опсюда не выѣхать. Бѣдный смертный часъо зависить опъ самыхъ мамоважнѣйшихъ обшоятельствъ.

Несперпимая скука помить меня; на военную сумашоку довольно я наглядѣлся и осшался шолько при одной непоняшной для меня мысли, что весь свѣшь проклинаешъ войну и весь свѣшь добровольно опдаешся ей на жертву.

Всѣ мои мысли спремятся къ вамъ вижу васъ въ панцахъ, за клависиномъ, въ прелесной небрежности домашней жизни вашей: вездѣ очарованіе! вездѣ природа и искусства улыбаются вамъ!—

Приписка. 28 Генваря. Не прежде какъ сегодня, могъ я опданъ это письмо на почту. Я совершенно уже снарядился въ путь; завтра рано поушру опправляюсь и не одинъ: нѣсколько Польскихъ и Французскихъ Офицеровъ ѣдушъ вмѣстѣ со мною. Скажите сестрѣ моей, что во вшорникъ непременно буду въ Варшавѣ.

Письмо IV.

Магдебургъ. 2 Апрѣля.

— Богъ знаетъ, дошло ли до васъ прелестная Графиня, письмо мое изъ Дрездена; Богъ знаетъ, получили ли вы и эти справки! Однако я повторю здѣсь вкратцѣ все то, что изъ Дрездена писалъ къ вамъ карандашемъ и очень наскоро; повторю и мою покорнѣйшую просьбу, что бы вы, вмѣстѣ съ родственниками моими, употребили все свое стараніе какъ при нашей Правительственной Коммиссіи, такъ и при Французскомъ начальствѣ исходатайствовашъ сколь можно скорѣе повелѣніе о моемъ освобожденіи.

Я уже писалъ къ вамъ, что отъѣхавъ на нѣсколько миль отъ Познани, мы совсемъ неожиданно встрѣчены были Прусскимъ опрядомъ, окружены и взяты въ плѣнъ; что при семъ случаѣ двое изъ бывшихъ съ нами Французовъ, Офицеръ и рядовой, лишились жизни—прочіе же были ограблены; что отъ подобнаго несчастія спасло меня

шолько сдѣланное Прусскому начальнику на Нѣмецкомъ языкѣ объясненіе, что я не военный чиновникъ, а просто путешественникъ, съѣхавшійся случайно съ Французами. И это объясненіе, и мой паспортъ, подтвердившій справедливостъ словъ моихъ, и сдѣланное съ крошкою боязливостію признаніе, что я лучший изъ доброжелателей Прусскаго Правительствна — все послужило мнѣ въ пользу. Прусскій Офицеръ былъ человекъ весьма разсудительный. Когда я на вопросъ его о числѣ войскъ въ Познани оповѣчалъ, что многіе полки вѣроятно въ тошъ же день отправятся по дорогѣ въ Варшаву, онъ безъ замедленія рѣшился на обратный походъ въ Силезію. Однако мнѣ велѣлъ онъ слѣдовать за собою, увѣряя, что до нѣкопорого времени не можешь освободить меня.

Хотя со мною и не обращались какъ съ плѣннымъ, но положеніе мое было отъ того не лучше. Голодные, полузамерзшіе на самой негодной шелегѣ пріѣхали мы, спустя нѣскольکو дней, черезъ Варшу въ Силезію. Ни досада, ни смѣхъ, ни что не помогало мнѣ. Испы-

шавъ уже довольно прихоти судьбы, я вздумалъ спрятать подалѣе Софіино ожерелье и оспапокъ своего золоша: шеперь восхищаюсь своимъ благоразуміемъ. На другой день по пріѣздѣ нашимъ командующій нами Маіоръ спалъ уговаривалъ меня, какъ добраго Прускаго подданнаго, вступишь, хотя волоншеромъ, подъ Королевскія знамена. Чшобы не нарушишь приличія и не подашь въ самомъ дѣлѣ какаго нибудь о себѣ подозрѣнія, мнѣ нельзя было опказашься опъ сего, споль лесшнаго для меня предложенія. И такъ я опредѣлился въ службу Адьюшанпомъ, съ чиномъ Поручика, ожидая съ вешерпѣніемъ перваго удобнаго случая, чшобы оставишь и посшь свой и своего начальника. Но чѣмъ далѣе шли мы въ Силезію, шѣмъ больше изчезали мои надежды и бодрость духа.

Мы ужасно шерпѣли опъ холода, ненастья и недосшашка въ сѣвсшныхъ припасахъ; куда ни приходили, вездѣ силою принуждены были досшавашь все для себя необходимое. Но никшо не заслуживалъ болѣе сожалѣнія, какъ

наши военнопленные, которых мы всюду таскали за собою. Однако сколько ни старался я облегчать участь находившихся между ими Поляковъ, они съ гордоспю и даже съ негодова- ниемъ опвергали мои пособія. Я видѣлъ въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, что они почивали меня измѣнникомъ, и сей упрекъ былъ для меня пятос- нѣе всѣхъ моихъ несчастій. Вскорѣ да- ли они мнѣ почувствовать всю мѣру своей неприязни.

Маіоръ нашъ обратился къ Глогау, но мы не достигли сего мѣстечка. Однимъ упрямъ, когда обѣ наши роты построились въ небольшомъ селеніи для вышупленія въ походъ, вдругъ явилось тамъ нѣсколько Французскихъ Гусаровъ. Увидя насъ, они съ изумленіемъ обра- щались назадъ; но при выходѣ изъ селе- нія мы были встрѣчены и окружены цѣлымъ эскадрономъ легкой Француз- ской конницы. Это не испугало нашего начальника; однако вскорѣ подошло еще нѣсколько опрядовъ пѣхошы. Мы попа- ли въ средину колонны Вандамова кор- пуса и наша храбрость была бесполез-

на. По долгомъ и мужественномъ сопрошивленіи, Прусакѣ, съ большею пошерею, принуждены были наконецъ уступитъ многочисленности и сдаться.

Несчастіе Прусаковъ произвело большую радость между бывшими у насъ Французскими и Польскими военнопленными, которые получили свободу. Последние описали меня Французскому Генералу измѣнникомъ своего бшечества и непріятелемъ Французовъ; сказали, будто я самъ передалъ ихъ въ руки Прусаковъ, къ которымъ пошъ же часъ опредѣлился въ службу. Оправданія мои не были уважены, шѣмъ болѣе, что самъ Маіоръ назвалъ меня волонтеромъ и Поручикомъ Прусской службы. Познанскіе пашпорты увеличили пошькю вину мою. Лошадь, часы и деньги мои достались въ добычу Французамъ и я долженъ былъ, вмѣстѣ съ прочими пленными, по снѣгу и грязи, пащиться пѣшкомъ чрезъ Лигницъ въ Дрезденъ, куда насъ опправили.

Тутъ послалъ я къ вамъ извѣстіе о своемъ несчастіи. Намъ дали нѣсколько дней отдохнушь, а пошомъ, вмѣстѣ съ

полною другихъ плѣнныхъ, отправили чрезъ Лейпцигъ сюда въ Магдебургъ. Уже съ недѣлю нахожусь я въ этой крѣпости; живемъ весьма хорошо расположены къ намъ; и сами они заслуживающъ большое состраданіе. Ни одинъ городъ не находилъ я въ такомъ уничиженіи духа, какъ здѣшній: всѣ проклинающъ Французовъ. Граждане всемъ сердцемъ привязаны къ своему Королю и не теряющъ еще надежды увидѣть снова Прусскаго орла на своихъ башняхъ.

Если не пронесъ никого въ Варшавѣ злая моя участь, то я долженъ буду, какъ военнопленный, ожидать здѣсь окончанія войны. Кошелекъ мой, хотя и очень изрѣдка видишь свѣшь, но уже примѣшно спланился пощимъ. Въ приложенномъ здѣсь письмѣ прошу я добрую сеспру мою прислать мнѣ вексель.

Здѣшній Губернаторъ человекъ весьма ласковый. Я имѣлъ случай рассказать ему свое проклятое похождение. Онъ смѣялся отъ чистаго сердца и едва могъ мнѣ вѣршить. Губернаторъ

знакомъ лично съ другомъ моимъ Феликсомъ, но дажь мнѣ свободу, какъ говоришь онъ, не въ его власти. Я радъ по крайней мѣрѣ, что нашель въ немъ ушѣшишеля — не попому, что онъ часто убѣждаешъ меня къ терпѣвию: я уже слишкомъ его извѣдалъ! — но что онъ взялся отправишь мои письма къ Феликсу и къ вамъ.

Кажешся судьба сыиграла со мною шакую грубую шушку, что всякую минушу должно проклинашь ее. Но я, напрошивъ, совсемъ не унываю и даже довольно весель. Здоровье мое даешъ мнѣ силы переносишь какъ можно равнодушнѣе все мое горе. И шакъ, прелесшная Графиня, успокойше себя и ушѣшше Софію. Одно шолько не прешпанешъ превожитъ меня — неперпѣнiе! — Пока не получу ошвѣшь вашъ, буду счишашъ дни, часы, минушы. . . . И радосшь увидѣшь на бумагѣ споль милыя сердцу чершы едва ли не сравнишь съ шюю, когда увижу васъ лично! —

(Оконг. въ слѣд. книжкѣ.)

СМЪСЪ.

Анекдоты о Наполеонѣ Бонапарте.

Издатель книги: Les Souvenirs de M. le Comte Regnaud de Saint - Jean d' Angely, Paris 1817, влагаешъ въ уста Наполеона, при разговорѣ съ однимъ изъ его любимцевъ, слѣдующіе два анекдота:

„Одинъ Анжерскій гражданинъ подалъ согласіе свое на избраніе меня Консуломъ на десять лѣтъ, прибавивъ: *сб условіемъ если Бонапартъ осмѣлится присвоить себѣ скиптръ Цесаря, то я схвачу кинжалъ Брута.* Я могъ бы по всей справедливости выгнать эшаго челоуѣка изъ Франціи; но я ему далъ мѣсто и онъ служилъ мнѣ вѣрно. — Это напоминаетъ мнѣ другой голосъ на избирашельномъ спискѣ (le registre des oui ou non) при возведеніи меня въ Императоры. *Согласенъ, нависалъ избирашель, если только добрая горячка отправитъ его въ двадцать четыре часа на тотъ свѣтъ.*“ — И Министръ шопчасъ исполнилъ свою должность? спросилъ любимецъ. — „Разумѣешь, но бездѣльникъ подписалъ выдуманное имя.“ — Я также помню одинъ голосъ, кошорый, судя по времени и обстоятельствамъ, написанъ былъ еще съ большею

смѣлостію. Конвенція ужасной памяти пригото-
 влялась судить своего Монарха и каж-
 дый Депутатъ писалъ свой листъ для со-
 ставленія кровавой Коммисіи: М * * * по-
 далъ свое мнѣніе, расположивъ слѣдующимъ
 образомъ имена членовъ конвенціи (convention-
 nels), копорыхъ онъ назначалъ и изъ копорыхъ
 одинъ очень былъ тогда спрашенъ:
 Sauvée, Louis, Roi, De France, Delabouche, Du-
 boucher, Robespierre. — „Удивляюсь, какъ онъ
 не заплашилъ жизнию за такую дерзость!
 сказалъ Наполеонъ. — Вѣроятно ее не замѣ-
 шили.“

Увѣряюшъ, будто Генераль Раппъ го-
 ворилъ иногда очень смѣло съ Наполеономъ.
 Примѣромъ шому могутъ служить слѣдую-
 щіе два анекдота:

1.) Въ Шенбрунѣ Наполеонъ игралъ и-
 ногда въ vingt et un. Однимъ вечеромъ по-
 слѣ большаго выигрыша, взялъ онъ горсть
 наполеондоровъ и брэнча ими, сказалъ: „не
 правда ли, Раппъ, Нѣмцы очень любяшъ
 шихъ маленькихъ Наполеоновъ?“ — Гораз-
 до болѣе, чѣмъ большаго, отвѣчалъ Раппъ. —

2.) Однажды ушромъ Раппъ былъ въ
 передней Бонапарша и видѣлъ какъ швей-
 царъ провелъ въ кабинетъ Императора чело-
 вѣка весьма подозрительной репутаціи, ко-

шорый долго шамъ у него оставался. — Раппъ былъ въ неперпѣннѣ, отворялъ нѣсколько разъ понемногу дверь кабинета, заглядывалъ туда и опяшь отходилъ прочь. Наконецъ подозрительная особа ушла и Наполеонъ позвалъ къ себѣ Раппа. — „Какой чортъ, вскричалъ онъ, велѣлъ давича тебѣ сюда заглядывать?“ — Я былъ въ большемъ безпокойствѣ о Вашемъ Величествѣ, отвѣчалъ Раппъ. Вы конечно не знаете, что человекъ кошорый теперъ отъ васъ вышелъ, величайшій негодяй, бездѣльникъ, мерзавецъ — однимъ словомъ — *Корсиканецъ!* —

Парижъ. 12 Сент. 1818.

А.

~~~~~

Удиввѣй и скромный Кадетъ.

Анекдотъ.

За нѣсколько недѣль предъ симъ, одинъ Австрійскій Генераль въ проѣздъ свой чрезъ городъ Бр. . . стоя у почтоваго двора, увидѣлъ, что собачка жены его далеко отбѣжала отъ кареты. Онъ позвалъ къ себѣ шедшаго мимо молодаго человека въ военномъ мундирѣ, кошораго онъ счелъ уншеръ-офицеромъ

и просиль его догнать собачку и принести жёнъ его. Молодой человекъ, Кадепъ (юнкерь) споявшаго тамъ гарнизономъ полка исполниль его приказаніе. Генеральша, поблагодаривъ его, спросила: „опкуда онъ?“ и получила въ отвѣтъ: „изъ Вѣны.“ Услыша это, сказала она своему супругу по Французски! „этошь молодой человекъ, кажется, очень хорошо воспитанъ: вѣрно онъ сынъ какого нибудь купца, который былъ несчастливъ въ дѣлахъ своихъ (qui a fait des mauvais affaires)“ и попомъ оборотясь къ Кадепу, просила его по Нѣмецки принести ей стаканъ воды. „Съ великимъ удовольствіемъ“ — отвѣчалъ Кадепъ по Французки— „но позволите, сударыня, доложитъ вамъ, что бабюшка мой всегда былъ очень счастливъ въ дѣлахъ своихъ.“ Генеральша выпила стаканъ, поблагодарила его вновь и отправилась далѣе. Прибывъ въ деревню, куда они ѣхали, разговорилась какъ то она со своими знакомыми о полкъ, споящемъ въ Бр. . . . и о молодомъ благовоспитанномъ унтеръ-офицерѣ, и узнала отъ нихъ, что это — сынъ славнаго Генераль-Фельдмаршала Князя Шварценберга.

(Изъ Вѣнскихъ извѣстій.)

Д.

Выписки изъ новѣйшихъ иностранныхъ Журналовъ *).

Франція.

Новая школа ремесленниковъ.

Въ Парижѣ учреждается нынѣ на акціяхъ большая школа ремесленниковъ, какъ хозяйственно-нравственное училище для

*) Спашья сія засипупипъ впредь въ *Благонамѣренномъ* мѣсто *Новостей* и будешь выбираема Корреспондентами Издашеля изъ лучшихъ иностранныхъ Журналовъ. Все, что имъ встрѣшится въ нихъ достойнаго вниманія и любопытства нашей Публики — все общепользное, заслуживающее подражанія, все могущее подать поводъ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ, усовершенствованіямъ и открытіямъ — однимъ словомъ все изъ новѣйшихъ произведеній словесности, наукъ и художествъ, о чемъ свѣденіе можешь принести читателямъ нашимъ пользу или удовольствіе, найдешь здѣсь свое мѣсто въ краткомъ эскизѣ. Между прочимъ будутъ помѣщаемы здѣсь также извѣстія о славнѣйшихъ путешественникахъ нашихъ временъ, о великихъ и ученыхъ мужахъ всѣхъ народовъ, о памятникѣ намъ отъ нихъ оставшихся, о знаменитыхъ произведеніяхъ художествъ съ поверхностнымъ описаніемъ оныхъ, о новѣйшихъ сочиненіяхъ почему либо заслуживающихъ вниманіе Публи-

сиротъ и дѣшей бѣдныхъ родителей. Одинъ весьма умный и дѣятельный человекъ, бывшій воспитанникъ горнаго училища, Г. Гарросъ (Garros) публиковалъ подробный планъ или программу сего заведенія, которое будетъ называться *Etablissement de la manufacture des apprentis orphelins*. Цѣль онаго есть принимать дѣшей такихъ родителей, кои не могутъ пенсись о ихъ воспитаніи, пропитать ихъ, снабжать одеждою, учить полезнымъ работамъ, наставляя въ нужныхъ наукахъ и охраняя отъ праздности и нравственнаго развращенія. Число воспитанниковъ обоюга пола полагается отъ шести до восьми сотъ. Деньги, потребныя на учрежденіе и содержаніе училища до того времени, пока нужная на то сумма будетъ выручаема дѣйскими издѣліями, должны быть собраны посредствомъ 800 акцій, каждая въ 1.000 франковъ. Тѣ акціонеры, кои не требуютъ процентовъ на данныя ими деньги, будутъ считаемы учредителями сего заведенія и составятъ начальство, управляющее онымъ; прочіе суть члены со-

ки, съ краткимъ извлеченіемъ изъ оныхъ—о нравахъ и обычаяхъ народовъ отдаленнѣйшихъ странъ свѣта, о новѣйшихъ у нихъ заведеніяхъ и проч.
ш.п. —

ревнователи: они получаютъ проценты — и въ послѣдствіи времени, когда заведеніе сдѣлаетъ приносить прибыль, часть сей прибыли. Дѣти, представляющіяся какъ сироты или со свидѣтельствами о бѣдности ихъ родителей, будутъ принимаемы по восьмому году, по рекомендаціи Парижскаго Мера или Сословія благошвореній всѣхъ 12 частей, сего города. Они будутъ оставаться въ семь заведеніи до двадцатаго и какъ для ученія, такъ и для занятій, раздѣляющагося на четыре класса. Младшія, немогущія еще зарабатывать своего содержанія, будутъ составлять четвертый классъ. Третій классъ долженъ состоять изъ 10 и 11 лѣтнихъ, кои уже зарабатываютъ свое содержаніе. 13 и 14 лѣтнія дѣти составляютъ второй классъ, коего работы должны сверхъ денегъ, потребныхъ на содержаніе онаго, доставлять прибыль, которая вознаграждала бы убыль, причиняемую четвертымъ классомъ. Наконецъ въ первый классъ входятъ выученные работники или подмастерья, которые за своимъ содержаніемъ доставляютъ чистую прибыль заведенію. Въ ученіе ихъ войдутъ, кромѣ наставленія въ чтеніи, численіи и счисленіи, необходимыя для художествъ и ремеслъ начала Геометріи и рисованія, равно какъ и основанія Религіи и нравственности. Надзоръ

будеть распоряженъ строго и сообразно съ цѣлю заведенія. Изъ работъ прежде всего будутъ они направляемы въ шѣхъ, кои относясь къ хозяйству, какъ то: къ приготовленію пищи, одежды и п. п. Мануфактурныя работы будутъ весьма разнообразны. Но, сдѣланнымъ уже опытамъ надѣются съ большимъ успѣхомъ готовить сталь изъ чугуна, равно какъ и всѣ предметы роскоши и моды, которые будучи приготовляемы дѣльцами, спанушь продаваться въ пользу Инстишуна.

Новые Журналы.

Особенное вниманіе Публики заслуживаютъ два Журнала, издаваемые въ нынѣшнемъ году разными обществами ученыхъ людей. Первый изъ нихъ есть Военный Журналъ, подъ названіемъ: *Annales de faits et de sciences militaires*, надъ изданіемъ котораго трудящся многіе весьма извѣстные сочиненіями своими особы и компорый, заключаетъ въ себѣ статьи, заслуживающія вниманіе всякаго посвятившаго себя военному искусству. Досель мы получили онаго уже 6 книжекъ. Девизъ сего Журнала: *Pulchrum est beneficisse republicae, nunc benedicere opportunum. Script. hist. aug.*

Второй Журналъ есть: *Le Diplomate*

français, recueil politique, philosophique et littéraire съ девизомъ: Le droit des gens est fondé sur ce principe, que les nations doivent se faire en tems de paix le plus de bien, en tems de guerre le moins de mal qu'il est possible, sans nuire à leurs véritables intérêts. *Montesquieu*.
 Изданіе его началось только съ прошедшаго Октября. Первая книжка онаго лежишь предъ глазами нашими и мы находимъ въ ней многія весьма справедливыя и превосходныя мысли. Въспоглавленіе ея слѣдующее: 1) Extérieur: a) de la réunion des souverains à Aix la Chapelle; b) de l'esprit public dans l'Amérique espagnole. 2) Intérieur. 3) Melanges: a) Lettre sur la régence de Portugal; b) Des Elections de 1818, par Mr Benjamin Constant etc. Со временемъ мы сдѣлаемъ нѣкоторыя отсюда извлеченія для нашей публики.

Германія.

Богемскій Музеумъ.

Во многихъ иностранныхъ Журналахъ и вѣдомостяхъ напечатано слѣдующее воззваніе Богемскаго Оберста Бургграфа Графа Коловраша къ опечествленнымъ друзьямъ наукъ:

„Пріянная увѣренность, что въ Высочайше порученномъ управленію моему Ко-

ролевствѣ Богеміи все общепольное, изящное и великое преусиѣваетъ и представленный мнѣ нѣкоторыми друзьями отечества и наукъ планъ къ основанію отечественнаго Музеума для Богеміи, служашъ поводомъ къ сему моему воззванію. “

„Исторія всѣхъ Государствъ представляетъ эпохи, въ которыя долгими бурями воздвигнушая; вѣдъ предѣловъ своихъ дѣйствовать спремящаяся сила народная, при наспуцленіи вновь спокойствіи, возвращается къ самой себѣ, мирится съ осиротѣвшими въ волненіи времянъ Музами и возносишь науки и художества на высочайшую степень просвѣщенія.

„Отечественная Исторія наша показываетъ намъ, что сдѣлалъ для наукъ Императоръ Карлъ IV, Основатель Прагскаго Университета и его первый Канцлеръ крошкѣй и ученый Ерцбишофъ Арнестъ; на какую степень образованія возшла Богемія послѣ бурь XV и половины XVI столѣтій, подѣ правительствомъ Рудольфа II; при Дворѣ котораго собирались ученѣйшіе мужи того времени, и котораго вѣкъ былъ истинно золотымъ вѣкомъ для наукъ и художествъ.“

И кто еще не помнитъ того, какъ, по окончаніи семилѣтней войны, подѣ правительствомъ Маріи Терезіи и Иосифа II,

просвѣщеніе пустило новые корни въ нашемъ отечествѣ и мы видѣли образованіе Общества наукъ въ Прагѣ подь руководствомъ Оберста Бургграфа Карла Егона Князя фонъ Фюрстенберга, а въ слѣдъ за тѣмъ и учрежденіе Патріотическо-Экономическаго Общества? “

„Но и при нынѣшнемъ дослославномъ царствованіи Его Величества Императора Франца, и при менѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, стремленіе народное не оставалось безъ дѣйствія. Богемскіе земскіе чины основали Политехнической Институтъ, первый сего рода въ Австрійской Имперіи, который по сіе время образовалъ уже многихъ полезныхъ сыновъ Отечества; частныя сословія завели Академію изящныхъ искусствъ, снабженную довольно значительною галлереею и нужнѣйшими моделями для образованія молодыхъ художниковъ, также музыкальное училище (Conservatorium), котораго воспитанники не однажды заслужили уже всеобщую похвалу слушателей: заведенія, кои удостоились Высочайшаго соизволенія и одобренія. “

„Всѣ сіи учрежденія были въ кругу своемъ столь дѣятельны, какъ обстоятельство времени могли оно позволить; однако многого еще остается желать намъ. “

„Еще не имѣемъ мы полной всеобщей

исторіи Богемской словесности, ни полного собранія Богемскихъ памятниковъ (Monumenta Bohemica), столь необходимыхъ для поясненія, опечесивенной Исторіи; еще нѣтъ у насъ полной Естественной Исторіи ни въ цѣломъ, ни въ отдѣльныхъ частяхъ царствъ природы; нѣтъ геогностическаго обозрѣнія сей столь важной для Геогнозиса страны.

„Многіе для того матеріалы находятся въ Богеміи; но какъ они разсыяны въ разныхъ мѣстахъ, то весьма трудно и почти невозможно сдѣлать полезное изъ оныхъ употребленіе: одно только учрежденіе опечесивеннаго Музеума можетъ сіи отдѣльные матеріалы соединить и доставить средство къ пополненію упомянутыхъ мною недостатковъ.“

„Доколь всѣ силы народа должныствовали дѣйствовать внѣ предѣловъ Государства для собственнаго сохраненія и для спасенія Отечества опъ чуждаго поработченія, дошолъ не возможно было помышлять объ основаніи такаго заведенія: но теперь, когда наступило время постояннаго спокойствія и надежда на лучшее будущее сіяетъ во всемъ своемъ блескѣ, кажется пора намъ думать объ учрежденіи заведенія, которое въ Австрійской Имперіи существуетъ уже въ Грецѣ подъ именемъ Юаннеума, въ Пе-

ствѣ подѣ названіемъ Національнаго Музеума и въ Брюнѣ подѣ наименованіемъ Моравско-Силезскаго Музеума, и для сосшавленія коего многія, патриотически мыслящія особы, вызвались уже сдѣлать значительныя пожертвованія, какъ цѣлыми собраніями, такъ и отдѣльными приношеніями.

„Поелику же такое заведеніе должно имѣть твердое основаніе и всякой, кто хочетъ принять въ ономъ участіе, пожелаешь знать обширность онаго: шо я сообщу здѣсь главныя черты предложеннаго мнѣ плана основанія опечесшвеннаго Музеума для Богеміи.“

„Опечесшвенный Музеумъ долженъ обнимать всѣ предметы, входящія въ область народной словесности и народныхъ произведеній, и соединять въ себѣ все, что природа и труды рукъ человѣческихъ произвели въ Опечесшвѣ.“

„Въ особенноти же онъ долженъ состоять:

„1) Изъ собранія опечесшвенныхъ рукописей.

„2) Изъ собранія рисунковъ или списковъ со всѣхъ находящихся въ Богеміи памяшниковъ, гробницъ, надписей, барельефовъ и проч.“

„3) Изъ полнѣйшаго, сколько возможно, собранія гербовъ, печашей и монешъ опечесшвенныхъ или ихъ оппечатковъ.

„ 4) Изъ собранія ландкартъ и плановъ, какъ въ географическо-статистическомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи къ древнимъ фудникамъ Богеміи.

„ 5) Изъ полнаго Натуральнаго Кабинета всѣхъ прехъ дарствъ природы, съ особеннымъ отношеніемъ къ отечеству, такъ что бы кромѣ всеобщаго собранія минералловъ и окаменѣлостей, находилось особенное топографическо-геогностическое собраніе изъ всѣхъ 16 Округовъ Богеміи, и кромѣ всеобщаго Травника (Herbarium) особенный Флоры Богеміи, съ присовокупленіемъ Богемскихъ наименованій. То же самое разумѣется и о собраніяхъ четвероногихъ, птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ и проч. “

„ 6) Изъ Библіотеки, которая ограничивается Богемскими сочиненіями (Bohemien) въпроспраннѣйшемъ смыслѣ и твореніями относящимися до такъ называемыхъ опредѣлительныхъ наукъ (Sciences exactes). Къ первымъ принадлежатъ всѣ книги и манускрипты, которые на Богемскомъ языкѣ писаны, Богемцомъ сочинены или въ Богеміи, изда ны, равно какъ и тѣ, въ коихъ разсуждается о Богеміи; къ послѣднимъ всѣ тѣ, кои входящъ въ обласъ Математики и Физики, и при томъ кромѣ главныхъ сочиненій, всѣ по симъ наукамъ вспомогательныя книги и Журналы, какъ отечественныя, такъ и иностранныя. Наконецъ.

„ 7) Изъ залы произведеній (Producten-Saal), въ которой budouть выспавляться всѣ произведенія опечеспвенныхъ мануфактуръ, художеспвъ и изобрѣшеній или образцы оныхъ и модели.“

„ Для выспавки всѣхъ сихъ собраній потребно просторное строеніе котораго внутреннее учрежденіе сопряжено съ значительными издержками.

„ Охраненіе всего дѣлаепъ необходимымъ опредѣленіе *одного*, а со временемъ и *многихъ* надзирашелей (Custoden) и служителей.“

„ Распространеніе собраній и доставленіе нужныхъ вспомогательныхъ книгъ, равно, какъ и безпрестанно выходящихъ Журналовъ, пребуешъ не только значительнаго капишала для основанія Института, но и ежегодныхъ пособій къ содержанію оного.“

Касательно сего пункта многіе друзья Опечеспва сдѣлали уже значительныя предложенія и смѣло можно надѣяться, что патриотизмъ Богемцовъ, которые всегда и при всякомъ общеплезномъ предпріятіи оказываютъ дѣшительное пособіе, не оставитъ безъ сильнаго вспомошеспвованія заведенія, коего главнѣйшею цѣлію еспъ распространеніе важнѣйшихъ познаній для практической жизни, улучшеніе всѣхъ вѣсь-

вей промышленности и руководство къ сообразнѣйшему съ цѣлю употребленію внутреннихъ сокровищъ ошечествва.“

„И такъ мнѣ только оспаается упомянуть о средствахъ, коими всякой можетъ способствовать къ основанію и содержанію сего Института.“

„Средства сіи суть: единовременный взносъ какой либо денежной суммы или обязательства ежегодно вносить известное количество денегъ; наконецъ пожертвованіе вышеупомянутыхъ матеріаловъ, какъ то: книгъ, рукописей, произведеній всѣхъ царствъ природы и проч. цѣлыми собраніями или отдѣльными предметами

„Всѣ, кои шѣмъ или другимъ образомъ будутъ способствовать къ учрежденію или содержанію сего Института, будутъ почитаемы основателями Ошечественнаго Музеума и имена ихъ внесутся въ особенную книгу для преданія ихъ позднѣйшему потомству.“

„Графы: Францъ Клебельсбергъ и Каспаръ Шернбергъ будутъ принимать приношенія деньгами и вещами, кошорыя, начиная съ сего дня, могутъ быть ошсылаемы въ Прагу подъ адресомъ того или другаго изъ нихъ; а они будутъ выдавать надлежащія въ полученіи шаковыхъ приношеній квитанціи.“

„Кто пожелаетъ переслать большіе пакеты, того просящъ покорнѣйше о образѣ пересылки снесшись напередъ съ вышеупомянутыми Г. г. Графами. Письменныя объявленія прошу доставлять ко мнѣ самому. Прага. 15 Апрѣля 1818.

Францъ Графъ Коловратъ,
Оберстѣ-Бургграфъ.

Въ VI книжкѣ Журнала: *Изда* или *Энциклопедическая газета*, издаваемого въ *Тенѣ* Г. Профессоромъ *Океномъ*, откуда мы почерпнули сіе объявленіе, находящагося длинный рееспръ именъ особъ, сдѣлавшихъ немедленно по выходѣ оного въ свѣтъ, значительныя пожертвованія въ пользу Опеченнаго Музеума въ Богеміи. Чѣмъ не упоминъ нашихъ члѣновъ длиною вѣнскою, мы упоминаемъ здѣсь только о важнѣйшихъ изъ нихъ.

Его Прев-во Г. Оберстѣ-Бургграфъ подарилъ все свое значительное собраніе минераловъ.

Его Пр-во Прокофій Графъ Гаршманъ свой кабинетъ минераловъ и окаменѣлостей, состоящій изъ кабинетовъ: Барона Ледбура, Байера и Мейера.

Каспаръ Графъ Шшернбергъ сдѣланное какъ имъ самимъ, такъ и покойнымъ бра-

томъ его Графомъ Иоахимомъ, а равно и купленные у Г. Линдакера собраніе произведеній природы (Naturalien) и окаменѣлостей.

Францъ Графъ Гарпигъ собраніе ошечественныхъ и иностранныхъ набишыхъ и весьма хорошо сохраненныхъ пшицъ, чешверногихъ, амфибій и пр. Каспаръ Графъ Шшернбергъ богатый кабинетъ распѣній съ принадлежащими къ нему шкафами.

Чиновникъ Бухгалтеріи Зейдль отъ себя и отъ имени Графовъ Фридриха Бертольда и Іосифа Конрада собранный многими Богемскими Ботаниками ошечественный Гербаріумъ.

Совѣшникъ Князя Фюрстенберга Мркостъ рисунки различныхъ находящихся въ Богеміи гробницъ и памяшниковъ.

Августъ Графъ Ледебуръ свою находящуюся въ Прагѣ библіошеку.

Его Пр-во Іосифъ Графъ Вратиславъ:

- а) Помологическій (земныхъ плодовъ) кабинетъ.
- б) Микологическій кабинетъ.
- в) Кабинетъ сѣдомыхъ грибовъ.
- г) Богемскую лѣшопись 1585 года.
- д) Арабскій манускриптъ.
- е) Многіе экземпляры минераловъ и чучель рѣдкихъ звѣрей.

Францъ Аншонъ Графъ Дефуръ пѣсколь-

ко экземпляровъ древней (1650 года) живописи на стеклѣ.

Иосифъ Графъ Коловрапъ находящуюся въ его владѣнїи въ Бржезницѣ огромную библиотеку съ значительнымъ числомъ дорогихъ рукописей. — и проч.

К. Ф.

~~~~~

Письмо къ Издателю.

Конечно для каждаго изъ читателей вашего Журнала, знающихъ Нѣмецкїй языкъ, прїятно будетъ прочесть приложенные при семъ стихи въ честь Россійскаго ИМПЕРАТОРА. Но сіе удовольствіе безъ сомнѣнїя возрастетъ еще болѣе, когда скажу вамъ, что они сочинены дѣвицею, Вѣнскою жишельницею, на голось любимой здѣшной мелодїи: Gott erhalte Franz den Kaiser и были пѣшны въ одномъ домѣ, гдѣ въ обществѣ Рускихъ празднованъ былъ радостный для нихъ день 30 Августа. Скромность сочинительницы едва позволила мнѣ и по признаніе, что стихи сіи писаны не мужчиною. Вотъ они :

Gott erhalte unsern Kaiser,

Alexander unsern Zar!

Er ist sanfter, Er ist weiser

Als noch nie ein Herrscher war.

Kaiser *Alexander* lebe,
 Ruhm und Segen sey sein Theil:
 Jeder gute Russe strebe
 Nur nach seines Kaisers Heil!

*

Glücklich musz sich Russland schätzen,
 Sihet es seinen Kaiser an,
 Der auch nie sein Glück verletzen,
 Nur erhöh'n, veredeln kann.

*

*

Kaiser *Franz* und *Alexander*
 Sollen immer Freunde seyn!
 Beide wollen mit einander
 Glück und Ruh' der Welt verleihn.

Вѣна.

Карлъ Д.

Извѣстія о новыхъ Рускихъ книгахъ.

г. *Размышленія о еажнѣйшихъ истинахъ Религіи. Превосходнѣйшее твореніе знаменитѣйшаго Іерузалема, переведено съ Нѣмецкаго Т. Крыловымъ. Томъ III. С. П. Б. 1818, въ Морской Типографіи въ 8-ку 210 сшран.*

Раздается подписавшимся особамъ въ шѣхъ самыхъ мѣснахъ, гдѣ онѣ получили на сію книгу билеты. Четвертый томъ скоро

ошпечащается. — Какъ въ первыхъ двухъ томахъ Авторъ разсуждалъ о Религии естественной, именно: о бытіи Божіемъ и свойствахъ его; о Провидѣніи, о происхожденіи зла физическаго и нравственнаго; о безсмертіи души и будущей жизни, о нравственной природѣ теловѣка; о сущности Религии; о сущевіи и невѣріи: такъ въ послѣднихъ томахъ собственно заключаются размышленія о Религии откровенной. Содержаніе ихъ слѣдующее: сообразно ли съ Божественною премудростію сверхъестественное наставленіе въ Религии, или откровеніе — состояніе разума и Религии первыхъ теловѣкъ по Исторіи Моисеевой отъ начала теловѣческаго рода до Потопа — состояніе міра и Религии отъ Потопа до Моисея. — Сверхъ сего печатается и 5-й томъ, въ которомъ содержатся размышленія, о Моисеѣ; его Исторія, чтеніе о Богѣ, о сотвореніи міра, о Религии Израильтянъ и ея вѣдѣніи устройствѣ и проч. — „Цѣль моя — говоритъ Авторъ въ предисловіи — „доспавивъ нѣкоторую пользу нѣмъ „чипашелямъ, которымъ соспояніе и долж- „ности не позволяють заняться простран- „нымъ систематическимъ наставленіемъ въ „Религии; которые однакожъ, при нынѣш- „нихъ непреспанныхъ и дерзкихъ нападе- „ніяхъ на Религію, желаютъ успокоивающей „увѣренности въ Божественныхъ ея испи-

„нахъ.“ — Описываешь достоинства шворенія сего, здѣсь считаешься излишнимъ; Иерусалемъ нужды въ помѣ не имѣетъ. — Милосливое принятіе сей книги Ихъ Императорскими Величествами Государынями Императрицами, благосклонные опзывы знаменитѣйшихъ особъ подписавшихся, означенныхъ во 2 и 3 томахъ, особенное вниманіе высокаго Духовенства, одобришельные приговоры всѣхъ почти Издашелей журналовъ и газетъ, и наконецъ выписка книги сей для многихъ Монастырей, Святыхъ Церквей и учебныхъ заведеній поставляющъ сіе сочиненіе знаменитѣйшаго Автора выше всѣхъ похвалъ, — Подписка на оное продолжается во всѣхъ лучшихъ здѣшнихъ и Московскихъ книжныхъ лавкахъ, и у Издашеля Коллеж. Ассесс. Тимофея Семеновича Крылова, живущаго въ домѣ Г. Дѣисп. Тайн. Совѣш. Федора Александровича Голубцова у Церкви Владимірскія Богоматери. Цѣна за 4 тома двадцать пять рублей и съ пересылкою во всѣ города Россійскіе; 5-й же томъ для подписывающихся въ цѣну не полагается. По напечатаніи все сочиненіе будетъ продаваться дороже, какъ по причинѣ увеличившихся издержекъ на напечатаніе, такъ и потому, что не много уже остается экземпляровъ онаго изъ полнаго изданія.

2. *Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, Бардъ третьяго вѣка. Гальскія (инате Эрскія, или Ирландскія) стихотворенія, переведены съ Французскаго Е. Костровымъ. Изданіе второе. Въ двухъ частяхъ. С. П. Б. 1818, въ 8-ку. Въ первой части LXXIX и 331, во второй 288 стр. Первая часть печатана въ типографіи Ивана Глазунова, вторая въ типографіи Императорскаго Театра.*

Экземпляры перваго изданія сей книги очень рѣдки. Недавно еще продавалась она по 25 и по 30 р. Новое изданіе напечатано гораздо лучше прежняго. Оно продается здѣсь и въ Москвѣ въ книжныхъ лавкахъ И. П. Глазунова на простой по 12, а на любской по 15 р. въ бум. Счисляемъ за излишнее упоминать о достоинствѣ подлинника: онъ переведенъ на всѣ почти новѣйшіе Европейскіе языки и Поэты всѣхъ извѣстныхъ націй передавали въ стихи пѣснопѣнія Оссіана. Рускій переводъ очень хорошъ, — но по мнѣнію моему былъ бы еще лучше, если бы встрѣчали въ немъ менѣе Славянскихъ словъ и фразеъ *). Странно, что переводчикъ употреблялъ въ одномъ и

---

*) „Славянскія слова паланпа не даюшь.“

Пущкинъ въ Посланіи къ Жуковскоу.

помъ же случаѣ Славенскія и настоящія Рускія слова, на примѣръ: *езеро*, и *озеро*, на *камени* и на *калинѣ*, на *крылахъ вѣтренныхъ* и на *крылахъ вѣтровъ*, и ш. п. Впрочемъ надобно вспомнить, что *Костровъ* переводилъ *Оссіана* слишкомъ за двадцать лѣтъ предъ симъ, въ то время, когда мы начинали еще учиться писать прозою. Какъ жаль, что такъ рано умеръ бѣдный *Ермилъ Ивановичъ!* Сколько бы пользы могъ онъ принести для нашей словесности.

3. Воспоминанія на флотѣ Павла Свиньина.

Съ эпиграфомъ:

Sois toujours un héros, sois plus, sois citoyen;
Donne ton sang à Rome et n'en exige rien!

Часть первая. С. П. бургъ, 1818, въ шип. В. Плавильщикова, въ 8-ку, IV и 272 стр.

Сія первая часть состоить изъ двухъ только главъ. Въ первой описывается отплытіе изъ *Кронштата* *Эскадры* подъ начальствомъ *Капитанъ-Командора Иенатъева* и соединеніе ея съ *Россійскимъ флотомъ* въ *Бокко ди Катаро*; во второй *Плаваніе Вице-Адмирала Сенявина* изъ *Кронштата* и ш. д. Намъ обѣщали дославить замѣчанія на сію послѣднюю главу, которая по содержанию своему несравненно важнѣе первой: тогда и мы скажемъ рѣшительно свое мнѣніе вообще о всей книгѣ.

4. *Рогнеда или разореніе Полоцка. Сочиненіе Николая Арцыбышева. Съ эпиграфомъ: „одна любовь къ опеченству движеть перомъ моимъ.“* С. П. б. въ шип. Департаментна народнаго просвѣщенія, въ 12 долю. 109 стран. *)

Эта небольшая книжка очень исправно и красиво напечатана. Слогъ въ ней мѣстами очень хорошъ: ёсть хорошія описанія, мысли; но ёсть и нѣкоторыя несообразности, напримѣръ: Творимиръ, Посланникъ Полоцкаго Князя Рогвольда, въ рѣчи своей къ Владиміру рѣзсуждаеть, какъ философъ, о происхожденіи царской власти — Руальдъ, Князь Лишовскій ѣдетъ вечеромъ мимо высокаго перема, гдѣ „подъ окномъ косящепымъ, шила золотомъ дѣвица красная, прелесная дочь Рогвольдова, шихо произ-

---

*) Продаеться въ С. П. буреѣ: 1) у фактора Гюета въ шип. Департ. народ. просвѣщенія, къ копорому а присылкѣ оной могутъ адресоваться и иногородные; 2) у Плавильщикова въ книжномъ магазинѣ, въ домѣ Гжи Гавриловой, что на углу у Синяго моста, подъ Но 168, и въ книжной его лавкѣ подъ Но 28; 3) въ книжныхъ лавкахъ Глазунова и Зайкина — а въ Москвѣ у Коммиссіонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Ширева и въ книжныхъ его лавкахъ.

носила она иногда имя милого юноши, и ронила слезы горючія. Крошкой, весенній въперокъ свѣялъ одну изъ нихъ на лице Рцальда“ и проч. (стран. 51 и 52.)

Журналъ ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколюбиваго Общества, издаваемый Комитетомъ его по ценой части, будетъ продолжаемъ, и въ теченіи наступающаго 1819 года. Въ составъ онаго входящъ слѣдующія спашьи:

1. Распоряженія и опчеты ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколюбиваго Общества.
2. Извѣстія о благошворишельныхъ заведеніяхъ опчественныхъ и иноземныхъ съ показаніемъ успѣховъ оныхъ.
3. Извѣстія о сочиненіяхъ, содержащихъ какой либо предметъ, къ дѣйствіямъ Человѣколюбиваго Общества относящійся; описаніе способовъ и орудій, полезныхъ для спасенія людей, для употребленія въ домахъ трудолюбія и для занятія бѣдныхъ, почишающихся неспособными къ работѣ.
4. Жизнеописанія благошворителей чело-вѣчества, оставившихъ по себѣ память какимъ либо полезнымъ заведеніемъ или опкрышіемъ.
5. Нравственныя наставленія и разсужденія.

6. Извѣщенія о пожертвованіяхъ въ пользу челоѣколюбивыхъ заведеній, имена благотворителей и особъ, подписавшихся на получение сего изданія.

Комитетъ, предложивъ выписывать на слѣдующій годъ иносѣранныя періодическія сочиненія, постарается, извлеченіями изъ оныхъ, сдѣлать Журналь сей сколько возможно занимательнымъ.

Также Комитетъ проситъ какъ Гг. Членовъ своихъ Корреспонденцовъ, такъ и всѣхъ просѣщенныхъ друзей челоѣчества участвовать въ его трудахъ доставленіемъ своихъ сочиненій и переводовъ. Всѣ іаковыя сдѣлаши будутъ приняты съ благодарностію и, по мѣрѣ соотвѣстствія предположенной цѣли, помѣщаются въ семь изданій.

Каждый мѣсяць будетъ выходить одна книжка; при шаковыхъ книжки составляеть часть.

Цѣна сему Журналу съ доставленіемъ онаго во всѣ мѣста Россіи, за годовое изданіе 25 руб., а полугодное 15 рублей. Но какъ доходъ отъ Журнала назначается въ пользу бѣдныхъ; шо благотворительнымъ особамъ предоспавляется вносить болѣе означенной суммы.

Подписка здѣсь, въ С. Петербургѣ, принимается въ помянутомъ Комитетѣ, состоящемъ въ малой Морской, въ домѣ Аспе-

грена No. 102, у книгопродавцевъ: Сень-Флорана и Сленина, также у Свѣшникова и Глазунова какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ. Прочія же иногородныя особы благоволяшъ относиться въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ СТАТЕЙ,

Которыя помѣщены въ Журналъ ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколюбиваго Общества, издаваемого со второй половины 1817 года Комитетомъ его по ученой части.

-
- I. Опчешы Комитетовъ: Попечительныхъ: С. Петербургскаго, Казанскаго, Московскаго и Воронежскаго; — Медико-филантропическаго, Призрѣнія малолѣшныхъ бѣдныхъ, и по ученой части. — Также С. Петербургскаго Женскаго Папріотическаго Общества и подвѣдомственнаго ему Дома трудолюбія.
- II. Извѣстія о разныхъ благошворительныхъ заведеніяхъ, существующихъ въ нашемъ обществѣ, какъ по: въ Бессарабіи, въ Вологодской губерніи, въ Кременцѣ, въ Москвѣ, Одессѣ, Польшавѣ, Пернавѣ, С. Петербургѣ, Ригѣ,

Симбирскѣ и въ Харьковѣ.

- III. Извѣстїя объ иностранныхъ благотворительныхъ заведенїяхъ: въ Англіи, Веймарѣ, Вѣнѣ, Павїи, Парижѣ, въ соединенныхъ Американскихъ областяхъ (въ особенности въ Филладельфіи), и наконецъ въ Швейцарїи.
- IV. Предположенїя: о заведенїи ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколюбиваго Общества для призрѣнїя дряхлыхъ, увѣчныхъ, неизлѣчимо больныхъ и другихъ бѣдныхъ, съ мнѣніемъ объ ономъ; — О учрежденїи въ С. Петербургѣ Института для леченїя бѣдныхъ дѣтей.
- V. Жизнеописанїя: Говарда, Румфорда, Бецаго, и Глинки.
- VI. Назидательныя сочиненїя: Извлеченїе изъ Рѣчи Іоанна Златоуста о постѣ и милосердїи, и Слово на день Рождества Христова.
- VII. Статьи разнаго содержанїя: о частной и общественной благотворительности; — Рѣчь о благотворительности древнихъ и новыхъ народовъ; — Мысли о любви къ отечеству; — О способѣ прекращенїя нищихъ въ Минхенѣ Графомъ Румфордомъ; — О школахъ, учреждаемыхъ при востановленїяхъ поселенїяхъ въ Россїи; — Врачебныя

правила для мнимой смерти; — Описание гальванодезма; — О замѣненіи хины спѣннымъ мхомъ; — О плавательномъ одѣяніи и махрацѣ Эсгаузiera; — Извѣстія: о книгахъ: Ст. Сов. А. С. Спурдзы, о православной Греческой церкви; — Донесеніе Сипатсъ - Секретаря Графа И. А. Капо д'Исприа касательно зведеній Фелленберга, и — Врачебныя правила для мнимой смерти, сочиненіе Ст. Сов. Ю. К. Удена; — Наконецъ разныя стихотворенія.

Помѣщая въ Журналъ статьи сіи, ИМПЕРАТОРСКОЕ Человѣколюбивое Общество имѣетъ въ виду, какъ довести до общаго свѣденія существующія уже опеченныя и иноземныя заведенія, такъ распространить и утвердить общественную благотворительность на непоколебимыхъ правилахъ Христіанской нравственности.

Журналь *Благоналюбреннѣй* будетъ продолжаться и на слѣдующій 1819 годъ. Въ ономъ помѣщаемы будутъ преимущественно: 1) стихотворенія; 2) повѣсти оригинальныя и переводныя; 3) отрывки изъ новѣйшихъ Рускихъ путешесствій; 4) небольшія нравоучительныя, сатирическія, историческія и политическія сочиненія и отрывки; 5) разсужденія ошносительно теоріи Словесности; 6) критическіе разборы образцовыхъ стихотвореній и особенно Васень; 7) Рускіе и иносшранные анекдоты; 8) выписки изъ новѣйшихъ иносшранныхъ Журналовъ; 9) извѣстія о новыхъ театральныхъ піесахъ, замѣчанія о игрѣ актеровъ, правила Декламаци, извлеченныя изъ лучшихъ сочиненій о теоріи сего искусства, анекдоты о славѣйшихъ иносшранныхъ актерахъ и проч; 10) письма къ Издашелю отъ его Корреспондентовъ изъ чужихъ краевъ, разныя извѣстія, замѣчанія и ш. п. Многіе изъ лучшихъ нашихъ литераторовъ общались вспомошествовашъ своими шрудами Издашелю, который употребитъ все стараніе сдѣлашъ Журналь свой сколь можно занимательнѣе и разнообразнѣе.—Вмѣсто одной книжки, съ Января 1819 года, выходитъ будетъ ежемѣсячно по два номера; одинъ въ половинѣ, а другой въ концѣ мѣсяца. Каждый таковый номеръ содержащъ будетъ въ себѣ по крайней мѣрѣ чешыре печаш-

ныхъ листа, т. е. не менѣе 64 страницъ въ большую осьмушку. Подписка принимается у Издателя Кол. Сов. *Александра Ефимовита Измайлова*, живущаго на *Пескахъ* противъ *Бассейна*, въ новомъ каменномъ домѣ *Моденова* подъ № 285, въ Газетной С. П. бургскаго Почтамта Экспедиціи, которая приняла мѣры къ исправному доставленію сего Журнала иногороднымъ подписчикамъ, и у всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцовъ, а въ Москвѣ у *Глазунова*, *Сѣвшникова* и *Колотилкина*. Цѣна за годовое изданіе, т. е. за 24 книжки, здѣсь въ С. П. бургѣ на люб. бум 35, а на простой 30 р. За пересылку въ другіе города прилагается по 5 р. За доставленіе на домъ платится въ годъ 3, а за полгода 2 р. Можно также подписываться и на полгода, т. е. на первыя 12 книжекъ, съ Января по Іюль, за половинную противъ вышеозначенной цѣны. Для всѣхъ вообще казенныхъ училищъ дѣлается уступки отъ каждаго экземпляра въ годъ по 10 р. Начальники или правленія оныхъ благоволятъ относиться съ требованіями своими къ самому Издателю. Имена подписавшихся особъ будутъ припечатаны. Издатель проситъ подписываться заблаговременно, дабы по числу пре-
 нумераншовъ могъ онъ печатать нужное количество экземпляровъ

(30 Ноября)

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

Декабрь 1818. № XII.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ; ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

I. СТИХОТВОРЕНІЯ.

БАРДЪ НАДЪ МОГИЛОЮ МИНВАНЫ.

Her white breast heaved with sighs; the wind
was in
Her loose dark hair; her rosy chek had tears.
Ossian, Fingal's Poem.

Вчера, здѣсь въ хижинахъ моихъ госте-
примныхъ,
Собрала ночь молодыхъ ловцевъ,
И шомная луна, глядясь сквозь облакъ дым-
ныхъ,
Едва сребрила верхъ деревь.
И шѣни ошъ лѣсовъ просперлись по равни-
намъ —

- Роса блистала по лугамъ —
И ели гордыя, подобно исполинамъ,
Чело вздымали къ облакамъ.
Мальвина на брѣгу съ пошухшими очами —
Едвина взоръ ея искалъ —
И ночи вѣшерокъ прохладными устами
Ей перси дѣвственны лобзаль.
И арфы по струнамъ рука не пробѣгала —
Лишь изрѣдка ливъ шоки слезъ,
Мальвина пѣснію окрестность оглашала,
Смошря на черный, дальній лѣсъ.
- „ Палъ юноша храбрый — и спранникъ у-
нылой
„ Заушра, бытъ можешъ, вспомянешъ о
нѣмъ,
„ И горькія слезы проливъ надъ могилой,
„ Украсишь гробницу лавровымъ вѣнкомъ.
„ Но онъ, не рукою врага побѣжденный,
„ Погибъ средь дремучихъ Морвенскихъ лѣ-
совъ —
„ Увы! звѣроловецъ, кабаномъ сраженный,
„ Не придетъ подъ мирный, опеческій кровъ.
„ Умолкнула арфа — и персты Едвина
„ Уже не лешають по звонкимъ струнамъ —
„ Въ опчаянни бродитъ по брегу Мальвина,
„ Власы распустивши по бѣлымъ грудямъ.
„ Вчера раздавались здѣсь клики и пѣнье
„ И радости чаша ходила вокругъ —

„Сегодня — и чаша и лира въ забвеньѣ
 „И плаваешь, мрачный надъ Лорою духъ.

„Умчалось, что сердце оспрадой дарило!

„Я видѣла счастье въ Едвинѣ одномъ!

„но, ахъ! я люблю слезы шею надъ мо-

гилой

„И съ нимъ непробуднымъ почію здѣсь
 сномъ!“

Гласъ замеръ на устахъ и взоръ ея за-
 крылся —

Лице померкнуло небесъ —

Такъ шихой ручеекъ въ долину заструился

И въ бурномъ морѣ онъ исчезъ.

Москва.

Z.

ЕЛЬВИРИНО ПОЗДРАВЛЕНІЕ САМОЙ
СЕБЯ СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ *).

(Переводъ изъ *Жанъ Поля*.)

Всѣмъ новое счастье гоповитъ Судьба;
Что хочешь, Ельвира? Какое моленье
Твой Ангель-хранишель возьметъ отъ тебя?
Вся юности прелестъ въ одномъ наслаж-
денъь.
Веселья ли просишь? Нѣтъ, Радость на
вѣкъ
Сокрылась отъ сердца, для Скорби рож-
денна;
Мой возрастъ счастливый безъ счастья
прошенъ!
Я прежде зывала: и мнѣ обреченна,
Бышь можешь, настанешь веселья череда;
Бышь можешь, промчися съ годами спра-
данье!
Теперь — не спознаюсь я съ ней никогда!
Теперь — не дружишя съ Тоской упованье!
О другѣль въ моленьи ты скорбномъ
зываешь,
Семь благъ единомъ для нѣжной души?

*) Читано въ собраніи С. П. бурскаго Вольнаго Об-
щества любителей Словесности, Наукъ и Худо-
жествъ 8 ч. минувшаго Ноября.

О немъ ли ты къ Небу съ слезами вѣ-
щаешь? —

О Небо, молишву Ельвиры внуши!

Нынь, другъ! — даръ ужасный! Судебъ моли-
шанье!

Навѣкъ сопряжемся въ минувшы любви,
Всѣ сладости рая, въ душевномъ сляньѣ,
И радостный прелесть оцущимъ въ груди.
Но чтожь чрезъ минушу? Гдѣ спутникъ?
Гдѣ милой? —

О дни, опчужденны, надъ свѣжей могилой,
И блѣдны ланишы, палимы слезой,
И вздохи возпорга въ рыданье вмѣнились!
На небѣ ужасной, внезапной грозой
Мечшы и надежды всѣ вдругъ истре-
бились!

Чтожь сердцу ошалося? О чемъ предъ
Судьбою

Ты молишь съ душею увядшей швоей? —

Терпѣнья и смерши взываю ошъ ней!

О если ты можешь пронуться мольбою,

Безвѣстная въ мракъ грозящемъ Судьба!

Услыши просящей Ельвиры моленье:

Пустъ въ сердцѣ упихнешъ съ поскою
борьба!

Слезящее око опри на мгновенье

И послѣ на вѣки сномъ смерши смежи!

Дай сердцу минушу прошекшей опрады

И послѣ на вѣки его сокрущи!

Вопь все для Ельвиры! Вопь все, что ей
надо,

Надежду и счастье минуны одной —

И послѣ на вѣки ее успокой!

Когда же за гробомъ лучь новый про-
глянешь

И духъ воскреснѣ къ опчизнѣ своей:

Тогда для Ельвиры годъ нѣвый настанешь,

Тогда грудь Ельвиры забейся сильнѣй;

Лей слезы опрады, неплѣнное око,

И вѣчною, сердце, любовью пылай;

Любовь, не спрашися ни смершныхъ, ни
Рока;

Безропощный голосъ, въ возшоргѣ звы-
вай:

„Я вѣчно съ побой, другъ сердца избран-
ный!“

Но гдѣ же, Ельвира, гдѣ часъ сей желан-
ный?

Милоновъ.

КОРИДОНЪ. *)

Идиллія.

Разметавшиися небрежно
 Подъ орѣховымъ кустомъ,
 Въ часъ полдневный почивала
 Сладкимъ Амарила сномъ.
 Недалеко прилѣчилось
 Коридону проходить —
 Онъ давно любилъ Паспушку
 И умѣлъ любимымъ быть;
 Но любовь сердець невинныхъ
 Молчалива и робка:
 Та украдкой спрасить питала,
 Тотъ вздыхалъ изподпишка. —
 Коридонъ остановился,
 Робко посмотрѣлъ вокругъ,
 И на цыпочкахъ прокрался
 Къ Амарилѣ черезъ лугъ.
 Драгоценныя минушы!
 Онъ дерзаетъ въ первой разъ
 Такъ разсмаширивать Паспушку,
 И опвесить не можетъ глазъ:
 Видишь грудь полуоткрышу,
 Станъ, достойный Аонидъ,
 Перловъ рядъ подъ розой, пламень

*) Чипано въ собраніи С. П. бургскаго Вольнаго Общества любительей Словесности, Наукъ и Художества въ 8 го ч. минувшаго Ноября.

Разгорѣвшихся ланишь.
 И невольно опустился
 На колѣни Коридонъ;
 Свѣшь въ очахъ его запымился,
 Сердце замерло, и онъ
 Жаркимъ, страшнымъ поцѣлуемъ.
 Амарилу разбудилъ.
 Лишь взглянула — вмигъ закрылась;
 Своевольникъ опскочилъ,
 И цошупя робко взоры,
 Ждалъ упрекъ за вину;
 Но Паспушка ни пол-слова
 Не промолвивши ему,
 Быстро скрылась въ чащѣ лѣса.

Грустенъ шель Паспухъ домой.
 „Что я сдѣлалъ, неразумный? —
 Говорилъ онъ самъ съ собой —
 „Какъ шеперь я съ нею встрѣчусь?
 „Какъ взгляну, заговорю?
 „Разсердилась! и за дѣло! —
 „Попустому разшворю
 „Завтра съ солнечнымъ восходомъ
 „Въ шалашѣ моемъ окно:
 „Въ хижинѣ у Амарилы
 „Не разшворится оно!
 „Понапрасну заиграю
 „На свирѣли вечеркомъ:
 „Милая не будетъ больше
 „Вшорить нѣжнымъ голоскомъ;

„А попомъ и перестанешъ
 „Паспушка совсемъ любить!
 „Ахъ, за чемъ бы мнѣ безъ спросу
 „Съ ней такъ дерзко поспупись?“

Коридонъ и не ошибся:

Добрый прежде знакъ — окно —
 Три дни запертымъ спояло;
 Но въ четвертой вновь оно
 Разшворилось понемножку.
 Въ попь же самый вечерокъ
 Амарилинъ соловьиный
 Вновь раздался голосокъ;
 А попомъ черезъ недѣлю,
 Встрѣпясь какъ-то съ Паспушкой
 У Амурова кумира,
 Молвила ему шишкомъ,
 Что ужъ больше не сердита,
 И просила пособить
 Жершвенникъ малюшки - бога
 Вязью миршовой обвишь.

В — рѣ II — вѣ.

РОЗОВОЙ ЦВѢТЪ.

(Подражаніе древнимъ.)

Свѣшлы Зевсовы чертоги,
 Радость льещя въ нихъ рѣкой;
 Весело пируютъ боги
 Бракъ Гебеи молодой,
 Легки, милыя Харипы
 Взоры пляской веселятъ:
 Рдѣютъ юныя ланины,
 Всѣ движенья говорятъ.
 Съ ними богъ любви рѣзвился.
 Вкругъ ихъ бабочкой лешалъ;
 Но крыломъ онъ зацѣпился —
 И на землю кубокъ палъ:
 Нектаръ алый разливаясь
 Брызгалъ, пѣнился, шумѣлъ.
 У стѣны памъ обвиваясь
 Бѣлыхъ розъ кусточикъ цвѣлъ.
 Капля нектара упала,
 Ошдѣлившись на цвѣты —
 И румяной роза спала,
 Образъ юной красопы;
 Съ цвѣшомъ запахъ споль пріятный
 Получила отъ боговъ,
 Какъ и нектаръ ароматный,
 Услажденье ихъ пировъ.
 Розы шѣнь — въ щекахъ румянецъ,
 Имъ плѣняешь красопы,
 Розы огнь — въ усахъ багрянецъ,

Имъ манящъ къ себѣ уша;
 И любезную сшдливостъ,
 Цвѣщъ прелестный! крошъ тѣхъ,
 И приманчиву игривостъ
 И Аврорины персты.

О. Соловѣ.

КЪ ИЛИЧЕВСКОМУ.

Я благошворности шруда
 Еще, мой другъ, не пошпигаю!
 Лѣнишься, говорящъ, бѣда —
 А я въ бѣдѣ сей ушопая
 И пробудившись забываю,
 О чемъ забошпился вчера.
 Мнѣ иногда швердящъ:, пора
 Сдавишь спихи швои спанками:
 Они раскупящся друзьями,
 Друзья имъ прокричащъ: ура!
 Веселые за полной чашей.
 Тогда, сударь, ошъ славы вашей,
 Или ошъ вашего вина,
 Заговоришь вся спорона
 Ошъ Бельша до Сибири скучной,
 Куда съ запиской своеручной
 Пошлете другу шолстшый шомъ.“ —
 Все хорошо, но я не въ шомъ.

Свое блаженство полагаю:

За стихъ не ссорюся съ умомъ,
А рифму къ рифмѣ приплешаю,
Глядя лѣниво за перомъ.

Нанишешъ мнѣ — я прочишаю!

Я прочишаю и друзьямъ:

Люблю внимашь ихъ похвалямъ,
Когда ихъ похвалы доспоинь. —

Но я слыхалъ худой попъ воинъ,
Кпо бытъ не думаетъ вождёмъ!

Такъ думалъ я, межъ шѣмъ перомъ
Мѣшая истину съ мечпами,

Почти забылъ, что мы съ побой

Привыкли говорить сердцами —

Забылъ, что другъ далекій мой

Прочша мою систему лѣни,

Но неизвѣстный о друзьяхъ,

По почпѣ мнѣ опсправилъ пѣни

На мѣсто нѣжныхъ увѣреній,

Что онъ и въ дальнихъ шѣхъ странахъ

Своихъ друзей не забываетъ,

Гдѣ мѣръ дряхлѣющей во льдахъ

Красою дикой поражаетъ:

Что какъ мелькнувшая весна

Тамъ оживляетъ все шворенье,

Такъ о друзьяхъ мечша одна

Его приводитъ въ восхищенье,

Его уноситъ въ свѣтлый край

Злыхъ надеждъ, воспоминаній,

Гдѣ нѣшь заботъ, гдѣ нѣшь спспраданій

И слова грознаго: *прощай!*
 „Будь счастливъ, другъ! не забывай
 Веселыхъ дней очарованья
 И рѣзвыхъ спутниковъ своихъ!
 Вошь непришворное желанье
 Далекому опъ круга ихъ,
 Опъ круга радости веселой,
 Гдѣ дружба насъ и сынъ Семелы
 Привыкли часто собиратьъ —
 Гдѣ можно всѣ заботы свѣта
 Съ мундиромъ, съ фраккомъ скидавашъ,
 Безъ лести похвалишь Поэша
 И обо всемъ пошолковашъ.

Баронъ А. Дельеигб.

БУЛЕВАРЪ.

Майскій день лишь разгулялся,
 Солнце разливало жаръ,
 Я еще не одѣвался
 И взглянулъ на бульваръ.
 Изъ окна все шамъ прекрасно
 Показалось для меня;
 Нѣтъ, опказывашъ напрасно
 Я не стану для себя.
 Гей! — лакей! . . . другой! . . . чешите! —
 Оставайся кабинетъ!

На столѣ бумаги спише!
 Въ головѣ другой предметъ!
 Тамъ не кипы дѣль пусшыя
 И не просьбы ждушъ меня,
 А красавицы драгія! —
 Хорошоль убрался я? —
 Скину шляпу... надѣваю —
 Съ часъ предъ зеркаломъ верчусь,
 То брижешку поправляю,
 То со всѣхъ споронъ гляжусь.
 То здороваюсь съ друзьями,
 То встрѣчаю милыхъ дамъ,
 И разшаркавшись ногами,
 Кланяюсь — комужь? — сшѣнамъ!
 Тьфу! какое униженье
 Предаваться шакъ мечшамъ!
 Только за дверь — неперпѣнье!
 Снова къ милымъ зеркаламъ! —
 Чшожь?.. взгляну и разсержуся,
 Чшо я дурень въ нихъ лицомъ,
 Нѣшъ останусь!.. нѣшъ пушуся,
 Покажуся молодцомъ!
 Чшо теряшь часы напрасно? —
 Шагъ... открылся шумный свѣшъ. —
 Крикъ фореjšоровъ ужасной,
 Спукъ несущихся каретъ! —
 Шагъ — и на бульваръ вступаю,
 Подбоченяся рукой,
 Вкругъ плашочкомъ развѣваю.
 Мнишся все цѣвнилось мной! —

Взоры быстро обращаю
 По объёмъ споронамъ :
 Тамъ и шупъ, вездѣ встрѣчаю
 Множесство мужчинъ и дамъ.
 Вошь супруга молодая! —
 Грудь открыта! .. спанъ прямой!
 Шаль съ плечъ нѣжныхъ упадая,
 Развѣваешь подъ рукой!
 Съ шумомъ вокругъ ея вершился
 Куча франшовъ холостыхъ —
 Сзади муженекъ щашится,
 Съ боку четверня лихихъ. —
 Вошь покрытый орденами,
 Саблю опустивъ, гремишь
 И усы свои персами
 Завиваешь и крупишь. —
 Вотъ спокойными шагами
 Промотавшійся идетъ,
 Все считаешь пустяками
 И мечпою все зовешь! —
 Тупъ же, глазками прищуря,
 Модникъ всѣмъ: bon jour! кричишь,
 Иль съ красоткой балагуря,
 Гибкой пророщкой шалишь. —
 Я глядѣлъ и восхищался,
 Самъ не зная отъ чего,
 Молодцомъ себѣ казался
 И довольно мнѣ того!
 „Вошь она! .. она!“ сказали —
 Я взглянулъ — гуляешь ша,

О которой всё кричали :
 „Вотъ на свѣтѣ красава!“
 Молодежь предъ ней мелькала.
 Я скорѣй очки надѣлъ —
 Вдругъ краса ея пропала! —
 Чшо же городъ шакъ шумѣлъ?
 Я не знаю — чѣмъ плѣняшья?
 И желта и зелена!
 И коль искренно признашья,
 Такъ еще дурна она! —
 Я совсемъ не понимаю,
 Какъ возможно шо хвалить,
 Чшо... шѣфу пропасшя! — самъ не знаю
 Какъ объ эпомъ и судить!
 Все встрѣчаются дурныя!
 Глядь шуда, сюда, кругомъ —
 Вспомнилъ — ба! — очки чужія
 И зеленыя пришомъ! —
 Критиковъ такихъ не мало
 Есть и будетъ и бывало!

В. Марковъ.

ЭПИГРАММА *).

Послушаешь однихъ, такъ очень глупъ Миронъ;
 Другіе говоряшъ: умень! —
 Кому же вѣрить должно?
 Не лжешъ ли кто нибудь? — Никакъ!
 Когда Миронъ молчишъ, его счешъ умнымъ
 можно;
 Заговоришъ — дуракъ!

И.

~~~~~

---

*) Каюсъ предъ всѣми въ грѣхѣ: эпа Эпиграмма
 украдена мною у покойнаго Князя А. Д. Канте-
 мира. Вопшъ оригиналъ:

„Умень шы, Бруше! порукъ шому счешъ успа-
 нешь;

Да и шы, же, Бруше, глупъ, какъ шо можешъ
 спашься?

Изрядно, и какъ я мню, могу догадаться:

Умень шы молча; а глупъ, какъ говоришь спа-
 нешь.“

*Сатиры и другія стихотворескія
 сочиненія Князя Антіоха Кантемира
 С. П. бургъ, 1762, спран. 174.*

II. ДОНЪ ФЕБРИЛАСЪ.

Испанская Повѣств.

(изъ Лемонтея.)

Донъ Фебриласъ хопѣлъ на двадцатомъ году сдѣлать имя свое безсмертнымъ между высокопарными невѣждами, неусыпно шрудящимися надъ превращеніемъ извѣстныхъ истинъ въ загадки. Самолюбіе его было споль неограниченно, что первый шагъ его на поприщѣ словесности, который могъ бы польстить всякому другому писателю его лѣтъ, казался ему нестерпимымъ бѣдствіемъ. Нѣкоторые легкія кришики шакъ сильно его шронули, что онъ не могъ ушѣшишься даже предназначаемымъ самому себѣ безсмертіемъ. Онъ почти помѣшался въ умѣ и впалъ въ мрачную *меланхолію* — шакъ называется въ писателѣ уязвленное самолюбіе, подобно какъ на чель молодой дѣвушки преодолѣваемое желаніе, называется *стыдливостію*.

Донъ Фебриласъ возненавидѣль родъ человѣческій за то, что сей родъ не обожаль его. Онъ скрылся изъ Мадрипа, и удалился на пусшынныя высошы Аррагонскія, гдѣ небольшой участокъ земли и хижина у подошвы Моцнегрилло, сославляли все наслѣдіе его предковъ. Тамъ на проспорѣ пишался онъ парами ненависти къ людямъ въ кругу чешырехъ избранныхъ сотоварищей: коня, собаки, обезьяны и попугая. Онъ даль каждому изъ сихъ живошныхъ знаменишее имя и достоинство, и хотѣль себя увѣришь, что нацель въ ихъ сообществѣ болѣе, нежели потеряль, оспавя общество людей.

Часто сзываль онъ ихъ, чтобы читаша имъ свои сочиненія. Толпа полуграмошныхъ поселянь, копорымъ грамошной Гасконецъ читаша Трагедію, не лучше беретъ на себя видъ, будшо бы понимаеша читанное, какъ сія дружная чешверня. Каждой изъ нихъ, какъ умѣль, изьявляль своему патрону знаки одобренія: лошадь копышомъ, собака хвостомъ, попугай надуваніемъ зоба, а обезьяна спраннымъ измѣненіемъ хари.

представляла что-то похожее на одобришельную улыбку при публичных чтеніяхъ.

Но эшаго казалось мало для него — дующаго Донъ Фебриласа: онъ хошълъ унизишь родъ человѣческой, онъ кошораго опдѣлился. Для сего написаль огромную книгу въ похвалу живошнымъ, гдѣ доказываль, что самое худшее изъ нихъ все-таки лучше насъ. Онъ посвятиль сей плодъ своей ненависти живущей по сосѣдству совѣ; при чемъ не упустиль описать рѣдкія ея дарованія и со скошскимъ равнодушіемъ принесли ей во всесожженіе славу Сафо, Коринны, Дезульерь и другихъ драгоценныхъ жершвъ, доспойныхъ лучшаго жершвоприношенія.

Слогъ сего чудовищнаго шворенія соошвѣпшвоваль выбору предмета, Сочинишель даль себѣ полную свободу нарушашь всѣ правила языка, вкуса и гармоніи. Съ несказаннымъ шрудомъ старался онъ замѣняшь почныя выраженія неясными, и мѣшашь съ новоизобрѣшенными словами обвеличалые обороты цеданшовъ прошедшаго вѣка.

Онъ послалъ сію вздорную смѣсь къ одному Мадришскому книгопродавцу въ знакъ глубочайшаго своего презрѣнія къ людямъ и ихъ сужденіямъ.

Надобно бышь чѣзвычайно несчастнымъ, чѣшобъ не имѣшь удачи даже и тогда, когда имѣешь въ виду бышь ошвиспаннымъ, не смотря на шо, чѣво пысячи людей сверхъ чаянія своего пользуясь эшою чеспію. Такова одна-ко была учась Донъ Фабриласа. Сочиненіе его, написанное съ звѣрскою силою, имѣло чудесный успѣхъ; ошривисный слогъ онаго и дикіе обороты усладили испорченный вкусъ придворныхъ господъ. Сей расколь въ словесности подалъ даже поводъ къ основанію новой школы, кошорая въ послѣдшвиі приобрѣла блистательные успѣхи.

Но болѣе всего овладѣла умами особенная склонность сочинителя къ скошамъ. Она произвела на свѣпъ новую опрасль чувствительности, кошорая замѣнила многія упрямыя добродѣтели. Собачки и чижики сшали продаваться вдвое дороже, и сіе обшвешельство разстроило всѣ разчеты Ка-

спильскихъ экономисповъ, опносно-шельно къ равновѣсію въ торговлѣ.

Донъ Фебриласъ ничего не зналъ въ горахъ своихъ о славѣ смѣхошворнаго его произведенія. Къ несчастію, ему заплашили гораздо хуже за похвалы, нежели за ругательства. Лѣшопись, изъ коей я почерпнулъ сію повѣсть, говоритъ весьма подробно о разныхъ злоключеніяхъ, которыя были для него тѣмъ несноснѣе, что онъ претерпѣлъ ихъ отъ лучшихъ своихъ друзей. Великодушный конь сбросилъ его съ себя и тащилъ цѣлыя двѣ минушы по землѣ; нашъ человѣконенавистникъ лишился при семъ случаѣ руки, и въ замѣну получилъ горбъ между самыми плечами. Вѣрная собака, всполохнувшись ночью, укусила его за ногу, и узнавъ свою ошибку, убѣжала — конечно со стыда; Донъ Фебриласъ велѣлъ опрѣзать у себя укушенную ногу, изъ опасенія, что собака его взбѣсилась. Попугай, коимъ по словамъ его, замѣнялъ ему при четверши рода человѣческаго, выдолбилъ у него глазъ кривымъ своимъ носомъ, тогда какъ онъ со всею ласково-стію кормилъ благодарнаго изю рша,

Одна полько лукавая обезьяна вела себя до времени добропорядочно, что дѣлаешь честь ея породѣ — и нашей, по причинѣ сходства. Хозяинъ ея замѣшилъ въ ней воинскія склонности, и съ удовольствіемъ старался ихъ образовашь.

Для сего назвалъ онъ ее по имени одного славнаго Полководца, которъ въ его время слылъ первымъ въ свѣтѣ шакшикомъ, потому что сорокъ лѣтъ своей жизни провелъ въ сгибаніи и разгибаніи угловъ на шляпахъ и въ изчисленіи мундирныхъ пуговицъ. Должно сказать, что и мармышка съ своей стороны желала сдѣлаться достойною своего папрона: однажды вышавъ изъ печи горящее полѣно, производила она ученье съ огнемъ такъ искусно, что сожгла весь домъ. Бѣдный Донъ Фебрилась едва успѣлъ спасти дряхлое свое шѣло, и то не безъ труда. Деревянная его нога, которая вышла изъ огня послѣдняя, покрылась въ сію доспославную решираду всѣми знаками преждевременной старости.

Молодой Философъ, съ однимъ гла-

зомъ, одною рукою, одною ногою и горбомъ, шаскался по большимъ дорогамъ, отъ гнѣвъ оныхъ досады и горести. Такимъ образомъ пришелъ онъ къ самымъ воротамъ Мадрида, гдѣ нѣкошорые изъ жителей кое-какъ узнали его. Скоро разнесся слухъ о его прибышій, и весь городъ прыгаль онъ радости, узнавъ, что Донъ Фебриласъ находишся въ его стѣнахъ. Знашнѣйше господа, одинъ передъ другимъ, спарались помѣститъ его у себя, ошвсюду предлагали ему мѣста и пенсїи; женщины рѣшили полнымъ собраніемъ голосовъ, что онъ человекъ единственный, превосходящій умомъ Лопеса де Вегу, ошпрошою Михайла Сервантеса, а *милымъ безобразіемъ* Езопа, Скарона и Попе. Условились умирать со скуки на всѣхъ ужинахъ, на кошорыхъ онъ не будешъ; имя его служило подорожною двумъ или тремъ дюжинамъ новыхъ модъ. Такимъ образомъ другъ скошовъ сдѣлался другомъ людей.

Донъ Фебриласъ не съ большою умѣренностію перенесъ похвалы, какъ и кришику. Онъ ушивался, и всегда съ

новою жаждою, симъ жгущимъ нектаромъ, и жизнь его была съ шѣхъ поръ, шакъ сказать, метеоромъ суешности. Ачностъ похвалъ сдѣлалась губительною необходимостію для его хилаго сущесшвованія. Не было въ городѣ чшенія, на кошоромъ бы онъ не находилъ, ни одного визита не оспавлялъ онъ не опплавивши, ни одного глупаго привѣпспвія, не опвѣчавши. Ночей едва доспавало ему для щого, щобъ опвѣчашъ на *дѣлкія стихотворенія*, сыпавшіяся въ него градомъ со всѣхъ чердаковъ Мадридскихъ, и загопвляшъ оспрыя словца; кошорыя завщра долженъ былъ сказать экспромпомъ. Галерной невольникъ, прикованной къ своей скамьѣ и въ пошѣ лица своего шрудящійся весломъ, ешъ любимецъ счашпія въ сравненіи съ сими модными умниками, несчастными *тигисбеями* славы.

Въ числѣ сумазбродныхъ женщинъ, забопвшихся о славу Донъ-Фебриласа, оппичалась болѣе всѣхъ Графиня де Мацера Дорси. Она чшпала нѣкогда на экранѣ, чшо прекраснѣйшая дѣвица въ Аѣдинахъ, вышла въ замужство за Фи-

лософа Кратеса, не смотря на то, что сей презрительной Циникъ раздѣлся передъ нею до нага, и показывая со всѣхъ сторонъ уродливой своей осшовъ, говорилъ ей: „вотъ человекъ, котораго ты хочешь имѣть мужемъ!“ Любовь и суевѣріе сходны между собою: одна увеличивается спиранностію своего предмета, а другое нелѣпоспію своего вѣрованія.

Графиня предложила Донъ Фебриласу богатство и руку свою, и хошѣла, чтобы свадьба ихъ, по совершеніи необходимаго церковнаго обряда, была истинно піипическимъ празднествомъ, на которомъ супругъ ея долженъ былъ явиться въ облаченіи Аполлона, а она въ видѣ Ураніи. Гипарисшы и риѣмачи Мадридскіе заранѣе были подряжены къ сему Парнасскому юбилею. Положено, чтобы похвала Донъ - Фебриласу была при семъ случаѣ воспѣта на всѣхъ языкахъ, живыхъ и мершвыхъ.

Нѣшь подъ солнцемъ добра совершеннаго: и величіе имѣешь свою худую сторону. Между шѣмъ, какъ гошовилось шоржештво Донъ Фебриласа, несча-

спный изнемогалъ подъ бременемъ славы своей, и душа его изшлѣвала отъ сильнаго чаду лести. Однако же въ день, назначенный для свѣдѣбъ, демонъ гордоси, казалось, одушевилъ его снова. Едва поднялся онъ съ постели, какъ лѣкаръ его вошелъ въ комнату, и видя его на ногахъ, былъ по справедливости разсерженъ такимъ нарушеніемъ своихъ предписаній.

Лѣкаръ.

Съ копорыхъ это поръ больные вздумали самовольно располагать сами собою? Скорѣй ложись въ постелью.

Д. Фебриласъ.

Не лзя, Г. Докторъ! я сего дни женюсь.

Лѣкаръ.

Молодой безумецъ! можно ли въ вашемъ положеніи такъ безсовѣстно располагать свою жизнь? Мы должны сберечь ее, что бы передать другимъ.

Д. Фебриласъ.

Успокойсь. Попомни, которое

болѣе всего озабочиваетъ ученаго мужа, обыкновенно не отъ него происходишь.

Лѣкарь.

Я васъ предупреждаю, что въ такомъ состояніи вы не можете выйти изъ комнаты безъ крайней опасности.

Д. Фебриласъ.

Но я не могу, безъ крайняго стыда, отказатьсь отъ праздника, на которомъ я долженъ быть божествомъ.

Лѣкарь.

Вспомните, Донъ Фебриласъ, послѣднюю шулку умирающаго Веспасіана: *Друзья мои! чувствую, что становлюсь богомъ.*

Д. Фебриласъ.

Жребій брошенъ; иду, куда слава меня призываетъ.

Лѣкарь.

Послушайте: прошу васъ только объ одномъ—выполните это для чести врачебнаго искусства. Всѣ лавры въ свѣтѣ никакъ не могутъ защитить отъ просуды. Общайтесь мнѣ по

крайней мѣрѣ, что во весь день не скинете колпака.

Д. Фебриласъ.

О буйство! о невѣріе!... Вы не подумали объ эпомъ. . . . Аполлонъ. . . .

Лѣкаръ. (выходитъ, кагая головою.)

Какъ жалки для меня слабыя груди, копорыя осмѣливаются дышать безсмертіемъ!

Предсказанія Доктора сбылись на самомъ дѣлѣ. Бѣдный спрадалецъ получилъ сильное удушье и колику въ срединѣ самой церемоніи. Тонкія нити его жизни перервались — и душа вылетѣла: даже и пѣснопѣніе собственныхъ похвалъ не могло ее удержашь. Торжественный ликъ разсѣялся, и на другой день все было забыто. Но вдова Аполлонова, желая поддержашь родство свое съ языческими богами, чрезъ недѣлю сочепалась законнымъ бракомъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, копорой показался ей сыномъ Юпитера и Алкмены.

Не лзя съ точностію опредѣлить
врёмени, когда все сіе происходило. Но за
нѣскольکو предъ симъ лѣтъ, разлише
Мансанареса размыло песокъ, и отккры-
ло старый обломанный камень, на ко-
торомъ видны были почпи изгладив-
шіяся буквы. Цѣлый ошрядъ ученыхъ
отправился изъ Мадриша верьхомъ на
мулахъ, для разсмотрѣнія сихъ драгоцѣн-
ныхъ остатковъ. По трехмѣсячномъ не-
усыпномъ трудѣ, ученые возвратились
въ швердой увѣренности, что прочли
слѣдующую надпись :

Здѣсь положенъ

*Донъ Фебриласъ, на XXII году отъ
рожденія:*

*Онъ потерялъ половину своего тѣла и
жизни, убѣгая отъ критики.*

Другая половина

Меновенно истлѣла

Отъ дѣновенія похвалъ.

*Прохожій! не говори о немъ ни худа, ни
добра,*

Да упокоится съ миромъ!

Съ Франц. О. Соловѣ.

III. ИСТОРИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ, ПИСАН-
 НЫЕ ВЪ ПРОДОЛЖЕНІИ КАМПАНИИ 1809
 ГОДА. *)

Характеристическая голимасть.

Въ Нанси на шріумфальномъ зданіи, служащемъ вратами въ палаты Спани-славовы, въ продолженіе разныхъ Государственныхъ перемѣнъ, дѣлаемы были

---

*) Сии небольшіе отрывки извлечены изъ недавно вышедшей въ Парижѣ книги: Voyage en Autriche, en Moravie et en Bavière, fait à la suite de l'armée française pendant la campagne de 1809, которая ошличается многими характеристическими описаніями. Сочинитель оной Г. *Каде де Гассикуръ* (С. h. Cadet de Gassicourt) сдѣлалъ въ 1809 году вмѣстѣ съ Наполеоновою арміею походъ противу Австріи, въ качествѣ главнаго полевого Аптекаря. Будучи близокъ къ первѣйшимъ особамъ Французскаго Штаба, онъ наблюдалъ прилжно все, что ему представлялось, описывалъ все видѣнное и слышанное и такимъ образомъ доставилъ свѣшу не одну занимательную черту изъ исторіи того времени. Записки его невольно возбуждаютъ къ нему довѣріе, ибо видно, что онъ луч-

надписи, сообразныя съ духомъ времени. Но, какъ видно, при начертаніи новой надписи, прежняя не всегда хорошо была спираема, шакъ что шерсть нѣкошорыя подуизглаженныя слова опять выказались между написанными вновь. Такимъ образомъ очень легко можно прочиташь: Imperatori, LIBERTE', pacifico principi, EGALITE', victori. Странная смѣсь!

Главная квартира.

30 Апрѣля 1809 Императорская квартира была въ Бурггаузенѣ. Чшобы имѣшь поняшіе о главной квартирѣ воинспвеннаго Монарха, надобно непременно видѣшь ее. На большой площади лагеремъ и караулами окруженнаго города, между тысячами шелегъ и фуръ, одна у другой пересѣкающихъ дорогу, шянутся медлѣннымъ шагомъ, шо осщанавливаясь, шо перерѣзывая или задерживая другъ друга, опряды, пѣхошы,

---

ше хотѣль бышь справедливымъ, нежели, подобно большей части своихъ соощественниковъ, замысловашымъ. *Прим. Шерев.*

конницы, артиллеріи — толпы обозныхъ командъ, порціоннаго скоша, маркишаншовъ. Плохія, навьюченныя всякимъ вздоромъ, шележки сихъ послѣднихъ, опрокидывающіяся на каждомъ почти шагу и заваливающія дорогу. Въ промежуткахъ шѣснящія тысячи плѣнныхъ, ободранныхъ, успалыхъ, слабыхъ, худо оберегаемыхъ. Путь ихъ заграждается мародерами, везущими фуражъ; конными и пѣшими курьерами; поселянами, по неволѣ везущими всякую поклажу. Сшалкивающіяся, ссорящіяся, бранящіяся, умолкающія. Лошади лягающія, ржущія; быки и коровы ревущія; солдаты наполняютъ спаканы и распѣваютъ пѣсни; барабанщикъ бьетъ въ барабанъ, шрубачъ шрубитъ; полевая музыка едва слышна отъ шума и крика, отъ спуска и звона оружія. Каждый покрытъ пылью и грязью. Жители города шрепещутъ, запирающіяся въ своихъ квартирахъ; но отважные войны мгновенно выламываютъ двери въ домахъ, погребахъ и кладовыхъ — пьютъ и грабятъ, что имъ ни попадется. Здѣсь съ большою ошпорожносшію кладутъ на носилки двухъ ранен-

ныхъ, тамъ располагающіяся военныя комиссаріаты, полевая почта, лазареты, оружейныя магазины. Въ городской Рапуншъ вѣчный приливъ и опливъ народа. Городскіе чиновники, мѣстные Коменданты раздають билеты на кварширы и не могутъ почти никому угодить. Четыреста человекъ шребують вдругъ одного и того же. Одни говорятъ по Французски, другіе по Нѣмецки, шретьи по Итальянски; не понимаютъ другъ друга, кричашъ; вездѣ видна досада и неудовольствіе. Господа эполетноосцы хомятъ взять верхъ надъ безчиновными. Здѣсь золото, тамъ рублище. Дорогіе, шинные золопомъ мундиры шѣсняшя въ передней Главнокомандующаго. Сей послѣдній, въ безмолвіи и равнодушій посреди всеобщаго безпорядка, обдумываетъ дальнѣйшіе, воинскіе шаги свои, черпашъ на каршъ путь и положеніе войскъ, раздаетъ приказанія и намѣреваетъ лепшъ къ новымъ подвигамъ. — Вотъ, что называется Главною Кварширою.

Взятіе Еберсберга.

На одной споронѣ крушаго холма стоишь, подобно амфишпапру, городокъ Еберсбергъ, надъ коимъ возвышается довольно значительный замокъ. При подошвѣ холма пещерь Траунъ, не глубокая, но широкая рѣка, чрезъ которую перегибается длинный деревянный мостъ и ведетъ въ самый городокъ. Еберсбергъ, защищенный природою, не имѣетъ впрочемъ никакихъ укрѣпленій; но это одно изъ лучшихъ мѣстъ, гдѣ можешь держаться войско. Австрійцы, безпрестанно опсупая предъ Наполеономъ бросились въ сей городокъ, въ числѣ 35 тысячъ человекъ, и намѣревались съ приближеніемъ Французовъ зажечь мостъ. Уже фашины были связаны, какъ Генераль Клапаредъ явился съ передовымъ войскомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ батальоновъ Корсиканскихъ и Пиемонтскихъ стрѣлковъ. Онъ настигъ непріяшеля на мосту, сбросилъ обозъ, пушки и опъ восьми до девяти сошь человекъ въ рѣку. Между тѣмъ Австрійцы открыли огонь съ башарей

своихъ и непрерывною каршечною пальбою въ нѣсколько минушь положили на мѣсцѣ при рошѣ Баварцевъ и Французовъ, которые намѣревались было перейти черезъ мостъ. Послѣ того небольшой опрядъ кавалеристовъ хотѣлъ проскакать черезъ мостъ подъ каршечными выстрѣлами, но всѣ они заплашили за свою жизнью. Груды убитыхъ и раненыхъ, лежавшіе на мосту, дѣлали переходъ черезъ оный невозможнымъ или споль затруднительнымъ, что цѣлая армія конечно бы мало по малу была шупъ изпреблена, еслибы Маршалъ Массена не оудалъ необходимаго, но самаго ужаснаго повелѣнія.

Онъ приказалъ, что бы всѣ раненые, которые хопя какъ нибудь могли подняться на ноги, шли къ городу; прочихъ же велѣлъ бросать съ мосту въ Траунъ. Въ тоже самое время множество пушекъ отвѣщивовали съ берега на огонь Австрійцевъ. Сколь ужасное предспавилось тогда зрѣлище: окровавленные, изуродованные войны собирающъ послѣднія силы, чтобы за-

щищашься ошъ своихъ собратій, повергающихъ ихъ въ пучину! И сіи въ свою очередь, поражаемые непрерывнымъ каршечнымъ градомъ, падають и доспають также на жершву своимъ поварищамъ, которые поспѣшають низвергнушь ихъ въ воду! —

Наконецъ удалось достигнуть непріятельскихъ пушекъ. Громъ ихъ умолкъ. Врываються въ городъ. НепрİYатели сражаються на улицахъ, въ домахъ. Повсюду кровавое убійство. Небольшая толпа бросается въ замокъ и держится въ отчаянной оборошъ. Присступъ Французовъ споль же неистовъ. Австрійцы повсюду обращаються въ бѣгство и зажигають дома. Мгновенно багровое зарево распроспрянешся на горизонтъ; граждане, укрывавшіеся въ погребахъ или въ жилищахъ своихъ, дѣлаються жершвою пламени, а шѣмъ изъ нихъ, кои хотяшь спасти себя ошъ всепожирающей стихіи, заграждаешься и послѣдній выходъ — дорога позади города: Австрійцы громають шущъ пушечнымъ огнемъ, прикрывая свое ошступленіе.

Зрѣлище Еберсберга, спуссия нѣ-

сколько часовъ послѣ сраженія, превосходило всякое описаніе. Мостъ, заваленный убитыми и ранеными; рѣка, багровыми струями омывающая трупы и обломки орудій; зданія полуобрушившіяся, пылающія, дымящіяся; улицы, устланныя искаженными, обгорѣвшими тѣлами, койхъ лица и въ онѣмѣннїи смерти выражаютъ мучительное перзаніе; женщины и дѣти, избѣгшія ошъ погибели, но въ жестокомъ оцѣленѣннїи держащія другъ друга въ объятіяхъ; армія, проходящая среди всеобщаго разрушенія при звукахъ воинской музыки; и наконецъ фуры и повозки, ѣдущія по трупамъ и раздробляющія подъ тяжестью своихъ колесъ кости и черепы!

Когда мы проѣзжали Еберсдорфъ, за нами везены были шидцать пороховыхъ ящиковъ. Лошади на силу шидили насъ, ибо повозка съ шрудомъ переваливалась по трупамъ. Жандармы, провожавшіе артиллерію, кричали намъ: „Пошелъ! Пошелъ! Скорѣ! Порохъ взлешитъ на воздухъ! — Я выскочилъ изъ коляски, чшобы перевести свободнѣе дыханіе.

Маркитантша.

Переходъ чрезъ Шпрентбергской мостъ продолжался около чепырехъ часовъ. Въ это время я разговаривалъ съ маркитантшею, которая у берега полоскала бѣлье. Подлѣ нея лежалъ грудной младенецъ. Двое маленькихъ дѣшей играли около ея шелеги. Длинная и шощая лошадь ея не подалеку ѣла овесъ. Бочка бѣлаго вина, два небольшіе боченка, три мѣшка и нѣсколько кружекъ составляли все ея, въ полномъ смыслѣ, *движимое имѣніе*. Ей было около 35 лѣтъ, лице имѣла она не пригожее, но съ большою выразительносшію; сошавной нарядъ ея былъ довольно сшранень.

„Ты, сказалъ я, перпишь, думаю, много нужды, таскаясь шакимъ образомъ съ швоимъ скарбомъ и ребяшишками?“

— Чшожъ дѣлать? отвѣчала она съ веселымъ видомъ. Я сошворена для шого и не могу иначе жить, какъ при арміи. Вошь ужъ я сдѣлала восемь походовъ и нынѣшній почишаю для себя

самымъ лучшимъ. Прежде всего пошла я за полкомъ изъ любви къ одному Ун-теръ-Офицеру. Его ранили и я присматривала за нимъ въ болѣзни. Въ госпиталѣ родился у меня первый сыщъ. Съ тѣхъ поръ не оставляю я корпуса и эти ребятишки, увидѣвшіе свѣтъ въ лагерѣ, окрещенные подъ нашими орлами, надѣюсь, будутъ со временемъ добрыми гренадерами. Ремесло же, которое начала я по прихопи, продолжала по привычкѣ, не покидаю теперь изъ корысти. Всѣ мои пожитки и запасы не спояшь мнѣ ни полушки. Все это принесли мнѣ наши полковые усачи во время послѣдняго грабежа и они же у меня покупающъ, потому что избавляющся отъ труда таскашъ все это за собою. Добрые люди! Изъ всего полка нѣтъ ни одного, который бы не любилъ ошечески сыновей моихъ. Ужь такъ къ нимъ привыкли! Ласкающъ ихъ, играющъ съ ними во время роздыха. Когда же начнешся сраженіе, я остаюсь при обозѣ и опвожу малюшокъ своихъ въ безопасное мѣсто. Какъ скоро пирушка окончишся, иду впередъ, ухажи-

ваю за ранеными и успальыми. Мнѣ повѣряюшь они всѣ свои добычи и я часто остаюсь ихъ наслѣдницею. Конечно, я ужь столько скопила денегъ, что могла бы завесхисъ хозяйствомъ и въ какомъ нибудь городѣ, но пока полкъ не будетъ распущенъ, я о томъ и не подумаю. Сохрани меня Боже! Да мнѣ бы умереть со скуки! При моихъ глазахъ наши храбрые молодцы сражались при Маренго, Фридландѣ, Аусперлицѣ. Я не хочу бытъ никакой вѣспреницей, какъ ваши Парижанки и никогда не опѣшану опъ своего храброго корпуса. Если умру, то служивые призрятъ моихъ сиротъ. Они конечно не услышатъ о своей матери ничего, кромѣ хорошаго.

При сихъ словахъ она поцѣловала своего груднаго младенца и ошерла слезы съ глазъ своихъ.

Предчувствіе смерти Маршала Ланна.

Герцогъ де Монтебелло, вхавъ верхомъ на островъ *Лобау*, имѣлъ безъ сомнѣнія темное предчувствіе того, что

съ нимъ должно было случиться. Я и Докторъ Ланнефранкъ (Lannefranche) встрѣтили его на мосту рѣки Вѣны. Маршалъ особенно уважалъ поварища моего по службѣ. Онъ остановился, взялъ его за руку и сказалъ: „Вы конечно скоро за нами послѣдуете, потому что мы будемъ имѣть въ васъ нужду. По всей вѣроятности, господа, сегодня будетъ жаркій день.“ — Который усугубитъ вашу славу, Герцогъ; чего мы со всею арміею опъ искренняго сердца желаемъ! — ошвѣчалъ Докторъ.

„Слава! Ахъ, еслибъ вы знали какъ дорого она стоитъ! возразилъ Моншебелло съ бѣльшею живосшію. Во сто разъ лучше хотѣлъ бы я. . . . Сказали ли вамъ правду? Мы слишкомъ спѣшимъ. . . . Я даже не понимаю хорошенько всего дѣла; впрочемъ, по мнѣ, какъ бы оно ни кончилось, для меня ужъ это послѣднее сраженіе!“

— Чшо, Ваша Свѣплосшь, подъ эшимъ разумѣете?“ спросилъ Ланнефранкъ. — „Прощайте, прощайте, Господа!“ вскричалъ Герцогъ и поскакалъ впередъ. —

„Послѣднія слова его крайне меня

огорчаютъ—сказаль мнѣ Докпоръ. Уже давно я прмѣчаю въ Маршалѣ какое-то уныніе духа, неудовольсвіе... Если бы онъ не такъ привязанъ былъ къ Императору, то конечно давно бы уже оставилъ службу. Робостію въ такомъ храбромъ воинѣ называть эшаго нельзя, но кажется съ нимъ происходитъ тоже, что и со многими другими: онъ ушомился уже ошъ своего ремесла и эшошъ походъ угрожаетъ ему несчащіемъ. “

Смерть Маршала Ланна:

Еслинское сраженіе было одно изъ опаснѣйшихъ для Франціи. Армію спасъ одинъ Массена. Наполеонъ бросался всюду въ огонь, какъ простой Офицеръ. Многіе изъ свиты пали позади его подъ пулями. Генераль Валперъ, видя эшо, наконецъ закричалъ: „Государь! Если Ваше Величество не ошступите назадъ, то я велю Гренадерамъ опшашить васъ!“

Когда Императоръ увидѣлъ, что Маршала Ланна, обогреннаго кровію,

выносящъ изъ рядовъ на носилкахъ, шо приказаль ошпановишьяся, опустили ихъ на землю; потомъ вспаль на колѣна, заключиль Маршала въ свои объятія и сказалъ, заливаясь слезами: „Монтебелло! узнаешь ли ты еще меня?“

— Да, Государь, вы теряете одного изъ лучшихъ друзей вашихъ. — „Нѣтъ! Нѣтъ! Ты будешь жишь! Ты долженъ жишь!“ и оборонясь къ Докшору Ларрею (Larrey): „Не правда ли, вы ручаетесь мнѣ за его жизнь?“ —

Монтебеллова рана была смертельна. Маршаль съ великимъ спокойствіемъ духа и твердосію перенесъ операцію при отнятіи лѣвой ноги его. Но вскорѣ послѣ шого впаль въ уныніе и получилъ горячку, которая не предвѣщала ничего добраго. Его помѣстили у одного пивовара въ Еберсдорффъ. Комната была надъ конюшнею, воздухъ не чистъ, солнечный жаръ нестерпимъ. Императоръ посѣщаль его два раза. Въ послѣдній разъ Маршаль, попребоваль, чтобы всѣ вышли въ другую комнату, но двери ошались отворены.

Маршаль напомнилъ Императору,

о всѣхъ услугахъ, копорыя для него дѣлалъ, и присовокуцилъ къ тому: „Не для того говорю это, что бы обратишь вниманіе швое на жену и дѣтей моихъ. Умирая за тебя, считаю излишнимъ просить о нихъ; слава швоя поспѣвшишь тебѣ обязанностію пещись о ихъ благосостояніи. Не опасаясь также повредишь имъ, если сдѣлаю тебѣ послѣдніе дружескіе упреки. Ты сдѣлалъ большую ошибку и за то теряешь лучшаго своего друга. Но и этошь урокъ себя не перемѣнишь. Ты жертвуешь безъ нужды, безъ мѣры, безъ раскаянія людьми, копорые болѣе всѣхъ тебѣ усердствуюшь. Твоя неблагодарность опдаляешь опъ тебѣ людей, копорые тебѣ удивляюшься. Ты окружень полькою льстецами, копорые измѣняшь тебѣ и оставяшь тебя. — Спиши окончишь эту войну: всѣ Генералы швои штого желаюшь — безъ сомнѣнія и вся нація. Бышь могущешвеннѣе уже ты не можешь, но бышь любимѣе еще въ швоей власти. Проси сіи непріяшныя испинныи умирающему, копорый искренно желаешь тебѣ добра.“

Сказавъ слова сіи, Маршалъ подаль руку Императору. Наполеонъ обнялъ его и зарыдалъ — но не ошвѣчалъ ни слова.

Мнѣ разсказывали о сей сценѣ тѣ самыя, копорыя слышали все это изъ другой комнаты, и если я сообщаю здѣсь публикѣ не точныя слова Маршала, то по крайней мѣрѣ истинное ихъ содержаніе и смыслъ. — Монтебелло умеръ Ларрей, Варрельо (Varreliaud) и я бальзамировали тѣло его, копорое Г. Форшень долженъ былъ опвезши во Францію.

Монтебеллова супруга при трупѣ Герцога.

Послѣ того получилъ, я опъ Г. Форшеня (Pharmacien major) письмо опъ 10 Марша 1810 изъ Спразбурга. Между прочимъ описываетъ онъ мнѣ, какъ неопступно супруга покойнаго Маршала просила позволенія взглянуть на него въ послѣдній разъ. Хотя и было на это запрещеніе, но Г. Форшень, не могши опказать усиленной ея просьбѣ, далъ ей знанъ, что этого не лзя сдѣлать иначе, какъ въ полночь.

„Въ назначенное время, пишеть онъ, явился я къ ней съ Г. Крепю, ея родственникомъ. Увидя меня, она поспѣшь встала и сказала, что готова за нами слѣдовать. Я взявъ смѣлосшь основановишь ее на нѣсколько минутъ, просиль ее помыслишь еще о своихъ силахъ, напомнилъ въ какомъ ужасномъ положеніи увидишь она шѣло и какое впечатлѣніе принесеть съ собою изъ шѣхъ печальныхъ мѣстъ, куда спремались всѣ ея желанія. Она отвѣчала, что чувствуетъ въ себѣ довольно и силъ и мужества, и надѣется, что это посѣщеніе много будетъ способствовать къ ушоленію снѣдающей ея горести. При сихъ словахъ на прекрасномъ блѣдномъ лицѣ ея изображалось совершенное спокойствіе и величіе духа. Мы пошли. Г. Крепю подаль ей руку. Кареша Герцогини вѣхала свади. Двое слугъ слѣдовали за нами.“

„Городъ былъ освѣщенъ по случаю торжественнаго възда Императрицы Маріи Луизы; повсюду видны были радостныя шолпы народа; во многихъ домахъ раздавалась музыка. Какая про-

пивоположность въ сей шумной радости съ нашимъ печальнымъ шесшвиемъ! Я замѣнилъ, что Герцогиня время отъ времени замедляла шаги свои и тяжѣло вздыхала. Сердце мое сжималось. Я не понималъ собственныя чувства своихъ: “

„Мы пришли къ дому Мера. Гжа Моншебелло приказала людямъ своимъ шупь еѣ дожидаться. Она спустилась медлѣнно съ родсшвенникомъ своимъ и со мною къ дверямъ нижней залы. Одинъ фонарь изливалъ слабый свѣшъ. Герцогиня препенала, однако спаралась казаться спокойною. Но когда мы вшпустили подъ своды, гдѣ искаженное шѣло лежало распроспершо во гробѣ, шо зрѣлище сіе, при мершвомъ молчаніи, царсшвовавшемъ въ подземельѣ, сидѣно на нее подѣйсшвовало. Она испустила болѣзненный, дикій вопль, поблѣднѣла какъ смершь и упала въ обморокъ. Я эшо однако предвидѣль, поддѣржалъ еѣ, посадилъ и черезъ нѣсколькѣ минушь привелъ опять въ чувсшво. Мы совѣшвовали ей осшпавишь эшо мрачное мѣсшо. Она не согласилась, вшпала,

приблизилась къ гробу, въ безмолвіи и медлѣнно обошла около него; попомъ останоѵилась и, опуcнѣя сплешенныя руки свои, спояла нѣсколько минуць неподвижно, размашривала безжизненные оcпанки своего супруга и омочала ихъ горькими слезами. Вдругъ рыданія ея сдѣлались сильнѣе, слезы покапнулись градомъ и она вскричала: „Боже мой!... Боже мой! Какъ онъ обезображенъ!“

„Я кивнуль Г. Крешю, давая симъ знакъ, что намъ время уже удалиться. Но мы не могли иначе уговорить къ шому Герцогиню, какъ давъ ей обѣщаніе на другой день привести ее снова къ шѣлу ея супруга, обѣщаніе, которое мы и не думали исполнить. Послѣшшо заперъ я двери и подаль Герцогинѣ руку. Когда мы вышли изъ дому и я хотѣль съ нею проснитъсь, она приказала мнѣ сѣсть съ собою въ карешу и велѣла завезти меня домой. Во время корошкаго ея со мною переѣзда чрезвычайно она плакала. Когда кареша останоѵилась, Герцогиня сказала мнѣ съ неопиcаннымъ добродушіемъ: „никогда не забуду сдѣланнаго мнѣ вами одолженія.“

Замѣгательная собака.

Въ лагерѣ подъ Вѣною прохаживался я съ однимъ Офицеромъ, который не смотря на свою молодость, сдѣлалъ уже пять походовъ. Мы подходили къ одному Драгунскому полку, какъ вдругъ скверная, запачканная собака подскочила къ намъ и виляя хвостомъ, увивалась около насъ. „Ахъ! это ты, бѣдный караульный! Какъ я радъ, что тебя вижу!“ сказала Офицеръ собакѣ и пономъ обращаясь ко мнѣ: „это караульный! Знаете ли вы это доброе животное?“

— Нѣтъ, совсемъ не знаю. —

„Ну! продолжалъ Офицеръ шузя, такъ имѣю честь представить вамъ храбрѣйшую собаку изъ всей Французской Имперіи. При Маренго получила она рану штыкомъ; пуля пробила ей лапу при Аустерлицѣ; она перенесла терпѣливо всѣ перемѣны воинскаго счастья и вы видите ее теперь еще между Драгунами. У ней нѣтъ господина. Она всегда держится при какомънибудь полку, которому дополѣ остается вѣрна, пока ее кормятъ и не

бьющъ. Какъ же скоро кто нибудь побьенъ ея, потчасъ перебѣгаетъ къ другому полку или къ командѣ. Эша собака была уже между Гусарами и Егерями и можешь бышь еще прежде окончанія похода какой нибудь полчекъ ногою или ударъ саблею переведешь ея къ Кирасирамъ или Аршиллерисшамъ. Каково бы ни было положеніе корпуса, при которомъ она находится, она никогда не покидаетъ его и не перемѣняетъ на другой. Если она въ лагерьъ встрѣчаетъ солдата изъ полка, ею оспавленнаго, то потчасъ опускаетъ уши, поджимаетъ хвостъ и бѣжитъ прочь къ новымъ своимъ сошоваишамъ. Въ походѣ она всегда бѣгаетъ вокругъ или впереди полка своего, нюхаетъ, ищетъ, и потчасъ извѣщаетъ лаемъ своимъ, если встрѣтитъ что нибудь чрезвычайное. Съ нею всякой можешь бышь спокоенъ и увѣренъ, что не заспанушь его въ расплехъ.

(Продолженіе впрѣдъ.)

IV. ПУТЕШЕСТВІЕ ПРОТИВЪ ВОЛИ,

(Окончаніе.)

Письмо V.

Нанси 20 Маія.

Прекрасно! Дѣла мои идутъ какъ нельзя лучше! Теперь я всего ожидаю отъ чудотворной — Богъ, знаешь, счастливой или злосчастной-звѣзды, моей. Надѣюсь, что она доставитъ мнѣ случай побывать въ Парижѣ, Лиссабонѣ, Сень-Доминго, Ошайши, между жипелями Огненной земли, Ескимами, Гопшеншопами, въ кругу прелестноногихъ обипашельницъ Кишая, покорныхъ дѣтей съдобородыхъ Браминовъ, въ Персидскихъ садахъ... И если меня на все это доставитъ, съ помощію той же звѣзды не перяю надежды возвратишься и къ вамъ въ Варшаву. Ужь я во Франціи. До Лиссабона по же разстояніе, что и до Варшавы, а полавъ шуда, не все ли мнѣ будетъ равно возвратишься къ вамъ чрезъ Азію или чрезъ Европу?

Но повѣрьте, прелестная Графиня, что ни Нѣмецкія дѣвушки — между ко-

шорыми есць шакже хорошенкїя личики — ни Францужанки, ни Испанки, ни самыя рѣдкія красоты осирововъ Дружества не вскружашь мою голову. Въ эпомъ случаѣ, какъ и въ другомъ, я уподобляю себя спранспвующему Рыцарю: вѣрность моя къ вамъ останешся неизмѣнна. Гордымъ окомъ взираю я на мелькающихъ предо мною красавиць и думаю, гдѣ найши вамъ подобную! Ахъ, еслибъ судьба остановила хоть на шакое время полешь мой, чтобъ я успѣлъ получить нѣсколько спрокъ руки вашей! Можешь бышь и шеперь лежашь въ Магдебургѣ письма отъ васъ и отъ милой Софіи; но шамъ не знающь, гдѣ я, шакже какъ я самъ не знаю, гдѣ я буду. Съ безчисленною толпою военноплѣнныхъ былъ я уведенъ изъ Магдебурга вскорѣ по опшравленіи моего къ вамъ письма. Сказали, что мы поидемъ въ Майнцъ; въ Майнцѣ велѣли намъ опшравиться въ Нанси; здѣсь въ Нанси говорашь, что мы должны слѣдовать въ Ліонъ и шеперь, Богъ знаешь, что скажущь еще въ Ліонѣ. Цѣлая армія военноплѣнныхъ, съ копорыми я пере-

шелъ черезъ Рейнъ, бывъ раздѣлена бо-
 лѣе нежели на свои часши, разошлась
 въ разныя спороны. Повторяю: опять,
 что путешествованію моему вокругъ, свѣ-
 та очень не мудрою сбывься. Ахъ, если
 бы я былъ уже въ Тибетѣ у Ламы, или
 въ Меккѣ у Пророка, или на Каспій-
 скомъ морѣ: тогда я находился бы пря-
 мо на возвратномъ пути къ вамъ!

Не жалкія ли мы творенія? — Кон-
 ское копыто въ одно мгновеніе разбра-
 сываетъ муравейникъ и давитъ тыся-
 чи несчастныхъ жершвъ; порывъ вѣт-
 ра уноситъ бѣдное насѣкомое и бро-
 саетъ его въ отдаленномъ краю свѣта.
 Не то же ли бываетъ и съ нами?
 Какъ попалъ я въ Нанси, я, не имѣвшій
 ничего общаго съ войною? . . . .

Посылаю къ вамъ эти строки, что
 бы онѣ могли по крайней мѣрѣ слу-
 жить порукою въ моемъ существова-
 ніи. — Дни разлуки нашей кажутся мнѣ
 годами. Сколько земель, горъ, рѣкъ, на-
 родовъ раздѣляютъ насъ и никто не
 можешь мнѣ поручиться, чтобы я еще
 не удостоился чести быть со временемъ
 вашимъ антиподомъ. Ахъ, прелестная моя

аншиподка; чшо тогда останається для меня въ жизни?.. И молва не донесется ко мнѣ, когда вы, можетъ бышь совершенно для меня умрете, по есть, когда другой заснуишь у васъ мое мѣсто. Почему же смѣшесь вы моему опчаянню? Я ни гдѣ не чинываль, что бы аншиподы оспазались вѣрны другъ другу.

Съ нѣхъ поръ какъ мы, военноцифные герои, спраненвуемъ по элу сторону Рейна, намъ даюшь гораздо больше свободы. Я могу идти, куда захочу—должень только въ назначенный часъ явишься къ Коменданцу; могу и жить, ѣшь, пишь по своему произволу, разумѣется также за свои деньги. Какъ бы хорошо я одѣлалъ, еслибъ — собираясь къ вамъ на балъ въ блаженныя и, кажется, споль давно минувшія времена моей жизни — вздумалъ положить въ карманъ свой гораздо побольше денегъ, нежели сколько обыкновенно беру для игры.

Не ранѣ буду писашь къ вамъ опяшь, какъ уже дошеть до мѣста, гдѣ положашъ бышь непремѣнной кварширѣ нашей до заключенія мира и гдѣ мнѣ возможно будешь ождатьъ вашихъ

опвѣшовъ. Вѣроятно, прелестная моя анъиподка, получите вы слѣдующее письмо мое съ ошрова Тенерифа или Мадагаскара.....

Письмо VI.

Аксъ (Acquis) 27 Юня.

Наконецъ я доспигъ своей цѣли. Мнѣ назначено до размѣна плѣнныхъ или заключенія мира оспашься здѣсь. И такъ судьба поступила со мною еще благосклоннѣе, нежели я чаялъ. Съ береговъ Вислы бышь брошену на Испанскую границу — это конечно еще бездѣлица. Кажется уже мнѣ не удася поспомрѣшь ни Ошайпи, ни Оспъ-Индіи, хотя по всей вѣроятности шамъ больше бы нашлось чего поспомрѣшь, нежели въ сей Адурской пустынь.

Сколько ни случалось мнѣ въ Польшѣ говоришь съ Французами, всѣ они проклинали мое опечешво. Теперь я имъ воздаю спорично тѣмъ же. Я не видалъ еще столь жалкой страны, какова здѣсь: вездѣ безплодіе, вездѣ нищета! Ужь не для того ли только Французское пра-

вительство ведетъ войну, чтобы заселишь сѣи необозримыя пустыни? Я право готовъ подозрѣвать это, потому что здѣсь почти столько же плѣнныхъ, сколько и жителей.

Хозяинъ мой хвастается сѣдою древностию своего полуразвалившагося городка, но ему лучше было бы тщеславиться милонидною наружносцію своей полурасцвѣтшей дочѣри. Онъ рекомендуетъ мнѣ, какъ неоцѣненную рѣдкость, здѣшнія шелыя бани и утверждаетъ, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ ихъ чудотворнѣе. Пусть кто хочетъ испытываешь на себѣ ихъ спасительное дѣйствіе, а я и безъ того отъ здѣшняго нестерпимаго жару едва не задыхаюсь. Отъ солнца почернѣлъ я какъ Мулашь и не понимаю, какъ могла прелестная дочь моего уродливаго хозяина сохранить ослѣпительную бѣлизну на своемъ шлѣ.

Плѣнные расположены въ домахъ гражданъ и однѣ только кварширы не стѣюють имъ денегъ; все прочее предоставляешь намъ покупать, если не хошимъ умереть съ голоду. Моя казна

уже на исходѣ. Все богатство мое состоишь въ Софіиномъ ожерельѣ, кошорому, вмѣсто того, что бы рѣшить споръ вашъ, суждено кормить меня неподалеку отъ Пиринеевъ. Надѣюсь, что добрая Софія не пожалѣетъ его для брата, который черезъ него получаетъ послѣднюю опраду — ушоленіе голода и жажды. Нѣсколько брилліаншовъ и жемчужинъ изъ сего ожерелья уже продалъ я здѣшнему Ювелиру, кошорый не прежде былъ въ состояніи заплашить мнѣ за нихъ, какъ выписавъ доспашочную сумму изъ Байоны отъ своихъ собрашій. Съ тѣхъ поръ я поживаю изрядно: имѣю услугу, ѣзжу верхомъ по окрестностямъ, посѣщаю своихъ поварищей и по возможности облегчаю ихъ участь.

Писмо VII. *)

Аксѣ, 13 Юля.

Хвала Всевышнему! Миръ! Миръ! — всякой приходишь ко мнѣ, поздравля-

---

*) Нѣкоторыя изъ писемъ, прежде сего писанныхъ, заштерялись.

ещь съ искупленіемъ и желаешь скорого и счастливаго возвращенія на родину. И въ самомъ дѣлѣ для меня такія желанія очень нужны, попому что потерявъ всю довѣренность къ судьбѣ, путешествіе отъ Акса до Варшавы счишаю я не бездѣлицей. Французы не говорятъ больше ни о чемъ, какъ о Тильзитскомъ мирѣ и превозносятъ Наполеона до небесъ. Если бы Александръ Великій и Юлій Цесарь восплали шеперь изъ гробовъ, то едва ли бы, по мнѣнію ихъ, годились въ Адьюшаншы къ ихъ великому Наполеону. Здѣшній Меръ въ рѣчи своей по случаю мира сказалъ, что Тильзитъ находишься на границѣ Азіатской Татаріи и что лѣвое крыло *Большой Арміи* проспирало форпосшы свои далѣе вѣчныхъ льдовъ сѣвернаго полюса, куда прежде и нога смертнаго не заходила. Бѣдные жилили Акса (кошорый упоиребительнѣе называешся Даксомъ: *Дахе*), мерзли при одномъ разсказѣ своего Мера; но шеплыя бани ихъ безъ сомнѣнія помогли уже имъ перенесши мысль о полярномъ холодѣ.

Всякой день, всякую минушу ожи-

даю я повелѣнія къ возвратному пути, но еще нестерпѣливѣе желаю получитьъ нѣсколько строчекъ вашей руки, прелестная Графиня. Письмо ваше пригостило бы меня къ свиданію съ вами.

Я достаю себѣ покойную и прочную повозку и какъ скоро буду свободенъ, возьму почтовыхъ и полечу къ незабвенной Вислѣ. Моего слугу, честнаго Гасконца, привезу съ собою. Я уважаю его какъ по большой его ко мнѣ приверженности, такъ и по имени: мой *Полпей* напоминаетъ мнѣ Римскаго. Друге не полюбили бы его за болливость, но я не всегда съ нимъ скучаю, потому что не рѣдко имѣю нужду въ развлеченіи.

Не отшѣчайте уже мнѣ ни на это, ни на слѣдующія мои письма. Вскорѣ надѣюсь получитьъ отшѣпшы изъ устъ вашихъ.

Посылаю вамъ при семь свою записную книжку. Пусть будетъ она моею предпечью, пусть расскажетъ вамъ подробнѣе мои походы, чувства и замѣчанія, которыми я не хотѣлъ слишкомъ наводнять свои письма. Я писалъ

ее въ праздныя минуны, а ихъ было у меня не мало. Вы увидите въ ней самыя сокровеннѣйшія мои мысли, увидите и можешъ быть пожалѣете о несчастномъ плѣнникѣ, шоскующемъ на берегахъ Адурѣ — можешъ быть слеза будешъ еще блистать на прелестной щечкѣ вашей, какъ я уже прилечу осушишь ее своимъ поцѣлуемъ.

Письмо VIII.

Пампелуна. 28 Юля.

Возьмите, прелестная Графиня, каршу Испаніи: въ Королевствѣ Наваррѣ, у подошвы Пиринеевъ найдете главный городъ Пампелуну — я шамъ!

Мой Геній долженъ быть безпокойнѣйшій изъ всѣхъ духовъ: чѣмъ досповѣрнѣе полагаю я близкое свиданіе съ вами, шѣмъ далѣе онъ шацишь меня отъ васъ. Цѣлый свѣшъ *мирится* — я одинъ остаюсь въ войнѣ съ цѣлымъ свѣпомъ: долженъ возишься съ Алкальдами, Режидорами, Прокурапорами, Писарями и еще Богъ знаешъ съ какимъ почешнымъ народомъ.

Я уже перешагнуль Пиринеи — почему знашь, не сбудется ли и все мое пророчество (или предчувствіе — назовише какъ угодно). До Лиссабона уже не далеко, а шамь море — чегожь легче попасшь въ другую часть свѣта? — Прошу васъ впередь не вѣришь моимъ обѣщаніямъ возврапишься скоро въ Варшаву: я нынѣ едва самъ вѣрю тому, что со мною случается.

Вашь пакетъ со вложеніемъ писемъ ошь любезной Софіи, ошь дядюшки Сш....., ошь милаго друга В..... и ошь Графа С....., я получилъ. Но едва успѣль я въ письмѣ вашемъ прочиташь и переписашь слова, коцорыя наполнили живѣйшимъ воспоргомъ мою душу, едва успѣль вкусишь сладостную награду за всѣ претерпѣнныя мною сшраданія, какъ вдругъ новое несчастіе приводинъ ко мнѣ ординарца здѣшняго Мера; ординарецъ ведетъ меня къ самому Меру, Меръ къ Судьѣ, Судья въ комнату, гдѣ изъ множесшва людей узналь я шолько Ювелира или золошыхъ дѣль мастера, кошорому недѣли за три передь шѣмъ — что бы имѣшь на дорогу

деньги — продалъ большую часть драгоценныхъ камней изъ Софіина ожерелья. Показавъ мнѣ ящичекъ съ этими камнями, меня спрашиваютъ, почто ли я продалъ ихъ Байонскому Ювелиру? Я осмотрѣлъ вещи, призналъ ихъ за свои и подтвердилъ вопросъ, объяснивъ при томъ все дѣло со многими посторонними общояшельствами. Подозрительная улыбка удовольствія показалась на лицахъ присутствующихъ; меня берутъ подъ стражу, ведутъ на квартеру, въ глазахъ моихъ опечашивающъ все, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ скопленное мною имѣніе; потомъ опвозятъ меня въ Байону, дѣлаютъ новый допросъ и — что всего забавнѣе — весьма протосердечно принуждаютъ меня признаться, гдѣ скрываю себя соучастники моей разбойничей шайки. Признаюсь, что я едва могъ выдержанъ эту сцену и конечно вышелъ бы изъ себя отъ недоумѣнія, еслибъ не узналъ шупъ же, что какая то знапная Княгиня, проѣзжая Испанскую границу, была ограблена разбойниками, кошорыхъ шеперь ошыскиваютъ. Начинаю доказывать свою

невинность передъ судьями, вынимаю оспапокъ Софіина ожерелья, гдѣ видны мѣсяца всѣхъ проданныхъ мною жемчужинъ и каменьевъ; это открытіе производить всеобщую радость: ожерелье мое взяли; меня же посадили въ самую преступную тюрьму, объявивъ мнѣ только, что это ожерелье совершенно сходно по описанію съ опнятымъ на дорогѣ у Княгини, и что если я возвращу ей и ящичекъ съ десятью драгоценными перстнями и брилліантовымъ крестомъ, который у нея похитилъ, то могу надѣяться быть только заключеннымъ по смерти на галеры. Отвѣчать было нечего. — Спустя недѣлю выводятъ меня изъ мрака, сажаятъ въ сковааннаго крѣпко цѣпями, на шощаго мула, окружающъ сильнымъ конвоемъ и отправляющъ въ Пампелуну, гдѣ, какъ говорятъ, полиція переловила уже нѣкоторыхъ изъ моихъ собратій и требовала присылки ожерелья для освидѣтельствованія, а меня для личной сщавки съ дорожными грабителями.

Что ни выдешъ изъ этой глупой исторіи, я описываю вамъ ее для по-

го, чшобъ вы по крайней мѣрѣ знали, гдѣ я. Больше писать ничего не могу, потому что это письмо, незапечатанное, пойдетъ черезъ руки Полиціи. Успокойте ради Бога мою сестру. Если меня повѣсятъ, то это будетъ ваша вина: за чѣмъ послали меня съ балу за проклятымъ, бѣдственнымъ ожерельемъ? . . . Но и на вислицѣ я буду имѣть честь и проч.

Письмо IX.

Байона 14 Августа.

Послѣднее мое приключеніе конечно не мало васъ потревожило; но развязка васъ утѣшитъ. На другой же день по прибытіи моемъ въ Пампелуну я былъ освобожденъ, потому что Княгиня, которая послѣ прешерпѣннаго ея несчастія живешь еще тамъ, не признала моего ожерелья своимъ. Такимъ образомъ я избавился и отъ очной спавки съ разбойниками и отъ вислицы и отъ заключенія по смерть на галеры. Извиненія сыпались передо мною со всѣхъ спо-

ронъ. Полицмейстеръ пригласилъ меня къ своему столу и я былъ представлень Княгинѣ.

Но Испанская земля горѣла подъ моими ногами. Полицмейстеръ приказалъ отвезти меня въ своемъ экипажѣ до Байоны, куда прибылъ вчера и Помпей съ Акскою моею повозкою. Все готово къ отъѣзду и — завтрашній день отправляюсь.

Но поѣду ли я впередъ къ Варшавѣ или назадъ въ Пампелуну, Мадридъ, Танжеръ и Марокко — эпаго рѣшишь, обожаемая Графиня, я никакъ не беру на себя. Не диво, что какой нибудь волшебникъ, влюбленъ въ васъ и ко мнѣ ревнуешь, потому что въ судьбѣ моей очевидно играетъ главную роль чародѣйство. Кажешся въ обыкновенной жизни, переходя въ Варшавѣ изъ одной улицы въ другую, не дѣлаешь круга на Пириней. Но если могущество моего соперника перенесешь меня и на луну, сердце мое не перестанетъ биться пою же къ вамъ любовію.

*Письмо X.**Варшава 3 Октября.*

Сію шолько минушу пробудился я
опъ перваго сладостнаго восторга въ
объяшіяхъ любезной моей Софіи — уже
съ полчаса, какъ я здѣсь.—О Юлія! Юлія!
Не знаю, что будетъ со мною еще при
свиданіи съ вами! Въ слѣдъ за симъ
явлюсь къ вамъ съ сесшрою.

*Крутой Врагъ.**1 Іюля 1818.**Съ Нѣмец. Д.*

СМЪСЪ.

КЪ Издателю.

Читая на сихъ дняхъ въ 80 № *Московскихъ вѣдомостей* объявленіе о сочиненіи однимъ изъ Рускихъ воиновъ на Французскомъ языкѣ *Военной Исторіи походовъ Россіянъ въ XVIII столѣтіи*, я усердно обрадовался. Но непосредственно за тѣмъ родился въ мысляхъ моихъ вопросъ: „возпользовался ли полно почтенный сочинитель *всѣми* матеріадами, предспавляющимися въ нашемъ ошечествѣ для его пруда?..“ Въ объявленіи нахожу я упомянутыми только бумаги *Архива Иностранной Коллеги*. *Золотой* сей нашъ рудникъ конечно еще не исчерпанъ; но онъ не есть единственный, особливо для происшествій военныхъ. Мы имѣемъ разсѣянно въ пространствѣ нашего великаго Государства множество официальныхъ свѣденій по сей части, изъ копорыхъ, даже и напечатанныя, нынѣшней публикѣ почти вовсе неизвѣсны, не говоря о рукописныхъ. *Даже и напечатанныя*: многіе ли напримѣръ изъ насъ читали *Реляціи*, выходившія при Дворѣ Императрицы: ЕКАТЕРИНЫ I и АННЫ? Всѣ

почти экземпляры оныхъ исчезли, подобно какъ едвали кто имѣетъ теперь полное собраніе книгъ, напечатанныхъ въ Голландіи на Россійскомъ языкѣ по повелѣнію ПЕТРА Великаго. Въ 1754 году, Ломоносовъ, которому знаменитый покровитель его поручалъ отыскавъ для него экземпляръ *Прилибтаній на Вѣдомости* (любопытнѣйшее изданіе съ 1730 по 1741 годъ и далѣе—родъ ученой энциклопедической газетъ) отвѣчалъ ему: „уже многіе и за нѣсколько лѣтъ ихъ спрашиваютъ; однако сыскавъ не могли, за шѣмъ, что ихъ по малу было печатано и не по мѣрѣ Россійскаго Государства.“ *) Это писано въ 1754. Чшожь теперь, по прошествіи еще шестидесяти чешырехъ лѣтъ? Сколько рѣдчайшихъ и правдивѣйшихъ записокъ времени хранился, можетъ быть, въ домахъ фамилій великихъ нашихъ Полководцовъ, не взирая на то, что часть оныхъ расхищена или погибла отъ пожаровъ. Не могу повѣришь, чшобъ *Шереметевы, Голицыны, Минихи, Задунайскіе*, не оставили никакихъ замѣчаній о славныхъ сво-

---

*) См. Соч. Ломоносова. Томъ I, стр. 335. Изд. 1794 года. Я имѣю сіи *Прилибтанія* въ сельской моей библіотекѣ съ другими Россійскими литературными рѣдкостями. *Приц. Соч.*

ихъ походахъ. Я видѣлъ нѣкоторыя, оставшіяся послѣ особъ *второго*, такъ сказать, класса. Еще и нынѣ почтенные сшарики' приводятъ въ порядокъ свои бумаги о происшзшзихъ послѣдней половины XVIII вѣка *). *Мнѣ* кажется, что при предпріятіи такого рода сшило бы (сказать проспонароднымъ выраженіемъ) *клизъ кликнуть!* И безъ сомнѣнія вся ой снесъ бы свое, подобно какъ тому я видѣлъ примѣръ по случаю изданія дѣдомъ жены моей *Голиковѣмъ Дѣянній Петра Великаго*. Со всѣхъ мѣсть присылали къ нему бумаги, не рѣдко совершенно неизвѣстныя прежнимъ писателямъ, особливо же иносшраннымъ, труды коихъ доселѣ *большою частію служатъ намъ истотниками*. Подивившзся было соревнованію добрыхъ пашріомовъ. Сошными лейцѣли пакеты чрезъ почту: въ шомъ числѣ даже подлинники руки ГОСУДАРЕВОЙ и Его досшойныхъ сошрудниковъ. И выборъ изъ нихъ наполнилъ шридцать печатныхъ большихъ шомовъ, составляющихъ изобильное и едва ли не самое

---

*) Въ Хѣрьковѣ семидесятилѣтній Генераль - Лейшваншъ *Ник. Мих. Бердлеовъ* оканчиваетъ одинъ подобный досшойншій уваженія шрудъ. И я пошши колѣняхъ ушрашивалъ почшенншшаго сшарца, чтобы онъ его ошдалъ въ печашъ. *Прим. Сот.*

полное собраніе матеріаловъ для будущаго Историка ПЕТРОВА! Подобнаго конечно еще не сдѣлано ни для одного изъ описанія.

Вмѣсто примѣра, что мы на Руси имѣемъ и частныя анекдоты, живописующіе характеръ нашихъ воиновъ того или другаго времени, имѣю честь представить одинъ, сохранившійся въ моемъ семействѣ, который совершенно справедливъ. Я еще недавно сдѣлалъ ему повѣрку, проходя *Журналъ военныхъ дѣйствій 1769 и 1770 годовъ* *), (напечатанный при Государственной Военной Коллегіи) по поводу выправки о службѣ отца моего, о коей я долженъ былъ упомянуть въ одномъ изъ примѣчаній къ Речи, которую вы, М. Г. удостоили напечатать въ IX книжкѣ *Благонѣвѣрнаго Вѣроисповѣданія*, какъ любитель опечесливенныхъ анекдотовъ, одолжившій дублику уже нѣсколькими въ семь родъ, найдете и сему мѣсто **). Можно бытъ увѣрену, что вмѣстѣ съ дру-

*) Смолр. въ ономъ Журналѣ Декабря 26е 1769 и Января 1е также Февраля 3е, 1770 года. *Прим. Сог.*

**) Въ *Благонѣвѣрномъ* всегда найдется мѣсто для подобныхъ справокъ. Издашеть душевно благодарить почтеннѣйшаго В. Н. К. за доставленіе столь интереснаго анекдота и просить какъ его, такъ и всѣхъ вообще упражняющихся и неупражняющихся въ словесности, сообщать ему извѣстія о благо-

ѣими матеріалами къ вышеупомянутой Истори, сошни *таковыхъ*, вовсе еще неизвѣстныхъ Историкамъ, возникнушь изъ гробовъ, еслибъ писатель, любящій свое Отечество, пожелалъ въ подобномъ сочиненіи передать ихъ потомству и для сего бы сдѣлалъ вызовъ, каковой я предполагаю.

Россійскій Анекдотъ.

14 Декабря 1769 года въ Турецкую войну, состоявшій въ Корпусъ Генераль - Поручика *Штофельна*, Майоръ *Анрепъ*, съ шестью Офицерами, имѣя не болѣе ста сорока шести человекъ егерей и другихъ нижнихъ чиновъ, вель оныхъ къ Волохскому монастырю *Колину* для освобожденія Подполковника *Каразина* (моего отца), кошорой съ нѣсколькими спами вѣречныхъ ему Арнаутъ отспрѣливался въ семь монастырѣ отъ окружившаго оный съ пушками семитысячнаго Турецкаго Корпуса. Егери знали уже прежде ошправленія съмѣста, что никакой не будетъ возможности совладѣшь съ непріателемъ споль малой командѣ, и

родныхъ дѣянійхъ нашихъ соопечеспвенниковъ, дѣянійхъ досшойныхъ бышь переданными позднѣйшему потомству и оспающихся по сіе время во мракъ забвенія. *Прим. Изд.*

что они посылаются на неизбежную смерть. Одинъ изъ нихъ обращается къ поварищу: „Ой брашъ, Иванъ! пропадёмъ всѣ до одного!“ — Э, брашъ Василей, отвѣчаешь другой, *не мы въ отвѣтъ!*... — Оба героя считали себя за цифры, которыми рука начальническая располагаетъ для пользы Ошечества; и не о жизни заботились, но о томъ только, чтобы *не быть въ отвѣтъ* предъ Богомъ. Жизнь де наша дѣло послѣднее. . . . . Черта высокая христіанскаго патріотизма! Какого изверга сердце можетъ оспашься холоднымъ, вникнувъ въ смыслъ простодушныхъ сихъ словъ: *не мы въ отвѣтъ?*

Дѣйствительно храбрый *Анренъ* и вся его команда, кромѣ одного раненаго и въ плѣнъ взятаго Офицера, (ошъ котораго упомянутый мой ошець въ послѣдствіи слышалъ сей анекдотъ) *легли* не дошедъ до стѣнъ монастырскихъ.

Село Крутикъ
26 Октяб. 1818.

В. Каразинъ.

Выписки изъ новѣйшихъ иностран- ныхъ Журналовъ.

Франція.

Воспоминаніе о Монтеस्कѣ.

Въ *Ruche d' Aquitaine*, Журналъ издающемся на нынѣшній годъ въ *Бордо*, помѣщено весьма любопытное описаніе, сдѣланное однимъ путешественникомъ, замка *Бреде*, въ копоромъ, какъ извѣстно, жилъ добрый и мудрый *Монтескѣ*.

Деревенька *Бреде* — говоритъ путешественникъ — куда мы приѣхали въ половинѣ пятаго часа послѣ обѣда, не имѣетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ своей церкви, копорую мы посѣтили, будучи привлечены ея древнею, по крайней мѣрѣ тринадцатому столѣтію принадлежащею архитектурою. Потомъ оставивъ свои экипажи, пошли мы пѣшкомъ сквозь лѣсъ и по лугу по дорожкѣ, копорая казалась намъ весьма живописною; вдругъ и совершенно нечаянно открылась передъ нами долина, посреди коей стоить замокъ *Бреде*. Сей памятникъ опдаленныхъ и суровыхъ временъ, ибо онъ построень еще при Карлѣ VI, возвышается изъ мрачной зелени соснѣ.

ограничивающихъ горизонтъ его, какъ бы скала изъ темнаго и тихаго озера. На западной сторонѣ находится родъ пристройки въ видѣ караульной башни, которая, безъ всякаго сомнѣнiя, принадлежала еще гораздо древнѣйшему строенiю, можетъ быть, изъ первыхъ временъ феодальной системы.

И кромѣ великихъ воспоминанiй, возбуждаемыхъ симъ жилищемъ, древняя его, частiю воинственная, частiю романическая архитектура, мрачный лѣсъ отъсюда его окружающiй и вообще все мѣстоположенiе весьма много дѣйствуютъ на воображенiе.

Широкiе рвы, наполненные текущею водою, которые не прежде можно замѣшить какъ приближаясь уже къ замку, омываютъ стѣны его и окружаютъ оный, такъ сказать, кристалльнымъ поясомъ. Большое зданiе кажется возникающимъ изъ воды, коей чистыя струи отражаютъ въ себѣ неправильную его наружность. Сiи свѣшлыя воды и рвы, одѣшныя обдѣланными камнями, возвышаютъ еще болѣе благородство строенiя.

Старая служанка встрѣшила насъ въ замкѣ и поспѣшь повела въ комнату, въ которой жилъ Монпескье. Здѣсь не возможно было думать ни о чемъ другомъ, какъ только о семъ великомъ мужѣ. Его креслы,

его постеля, его споль, сдѣлавшееся отъ его ногъ углубленіе въ карнизѣ камина, все напоминало о немъ и казалось переносило шуда его образъ.

Сіе первое впечатлѣніе ослабили мало по малу другія вещи, привлекшія равнымъ образомъ на себя наше вниманіе. Въ паркетномъ полу комнашы ошкрылась узкая дверь, предспавившая намъ подземную лѣстницу, которая вела въ небольшой, сдѣланный подъ водою рва грощъ. Запруднишельный сходъ по лѣстницѣ не удержаль насъ шуда спуститься. При свѣтѣ фонаря разсматривали мы сырой, дугообразный сводъ маленькой комнашы, не могли изъяснишь себѣ ея назначенія.

Мы вошли въ столовую, въ которой мебели не споль опдаленной древности, мраморные сполы и мрачный досчатый уборъ, возбудили въ насъ не непріятное впечатлѣніе. Круглая лѣстница вела въ большую залу перваго эшажа, которая имѣеть около 50 фушовъ длины и 32 фуша ширины. Голыя, полукружіемъ сдѣланныя досчатыя украшенія пошолка, возбуждають щещное желаніе видѣшь въ нихъ щипы и гербы, коимъ нѣкогда служили они рамами. Въспо шлемовъ, щиповъ и прочаго сохранныя почшенныя фамильные портрешы, *stat tamen aula parentum*. (Священный рядъ предковъ пред-

ставляется взору) — Въ концѣ залы находится большой кеглеобразный каминъ.

Воспоминанія, возбужденныя въ насъ сею залою, получили еще большую занимаемость, когда намъ сказали, что она служила знаменитому владѣтелю замка библиошекою. Безъ сомнѣнія она не была многочисленна, ибо человекъ, который *училъ беретъ время и слова* *), конечно не чинилъ во всѣхъ родахъ ничега, кромѣ самаго превосходнаго. Находящіяся и нынѣ шамъ шкафы еловаго дерева сдѣланы были, какъ увѣряли насъ, нарочно для сохраненія книгъ, и протая наружность сихъ шкафовъ довольно уже показываетъ, какъ онъ обращался съ своими книгами. Онъ починилъ ихъ вещами, нужными для ежедневнаго употребленія, незаслуживающими того, что бы щадилъ ихъ, а тѣмъ менѣе сохранять какъ нѣкую свяшину. Вѣрояшно, что творецъ *Сущности законовъ* очень равнодушно смотрѣлъ на дорогіе переплеты съ золотымъ обрѣзомъ.

Подлѣ библиотеки находится церковь, а въ сторону отъ оной длинный рядъ комнатъ и переходовъ, ведущій къ упомяну-

---

*) Le sage est ménager du temps et des paroles.

шой уже нами спорожевой башнѣ. Мы всходили на самый верхъ и наслаждались опшуда превосходнымъ видомъ. Велѣли звонить въ колокола, сами между тѣмъ занимались 'разсматриваніемъ великаго множества извѣстныхъ и неизвѣстныхъ' именъ, копорыми дисписаны всѣ стѣны. Художники, знаменитые орапоры, писатели и прелестныя женщины оставляли память о своемъ посѣщеніи на круглой террасѣ башни—даже тѣ, кои не читали ни одной строки изъ швореній Моншескѣе, писали пущь на равнѣ съ прочими имена свои. Такъ почно изъ пущешествующихъ на поклоненіе въ Мекку много бываетъ такихъ, копорые не понимаютъ ни одной строки изъ Алкорана.

Извѣстно, что сей превосходный писатель и великій человекъ всякой разъ весьма не охотно оставлялъ *Бреде*, и время опъ времени старался о возможнѣйшемъ украшеніи своего любимаго мѣспопребыванія. Большой, изъ перехъ строеній состоящій и прекраснымъ лугомъ опдѣленный опъ замка сельскій домъ, построилъ онъ по возвращеніи своемъ изъ Англии. Длиныя, густыя, зѣленыя аллеи, пересѣкающія одна другую въ разныхъ направленіяхъ, сдѣланы также имъ и большая часть того, что здѣсь видишь, есть его швореніе. Это и было причиною, что онъ

всегда съ такою неописанною радостію возвращался къ своимъ Бредскимъ башнямъ.

Старый слуга, находившійся въ замкѣ еще при жизни Моншескье, много намъ о немъ рассказывалъ. „Какъ пеперь смопрю на него, говорилъ добросердечный спарикъ, какъ онъ, положи палку свою на плечо, ходилъ по деревнѣ и всякаго, кто ему ни вспрѣчался, дарилъ ласковымъ словомъ, одного спрашивалъ о чемъ нибудь, съ другимъ шушилъ, а по праздникамъ садился на скамейкѣ подъ дубомъ и разбиралъ ссоры своихъ креспьянъ.“ Сія, споль свойспвенная Генію проспоша нравовъ, нисколько не удивляла насъ; но мы не могли слушать безъ особеннаго удовольствія такое повѣспвованіе о добромъ опцѣ сѣмейспва, о благодѣшельномъ помѣщикѣ въ Бреде, который до шого неиначе предспвлялся нашему воображенію, какъ самымъ шонкимъ свѣтскимъ человѣкомъ и величайшимъ писапелемъ въ Парижѣ.

Долго спояли и говорили мы объ немъ въ прекрасной буковой аллеѣ, лежащей пропивъ замка, по кошорой безъ сомнѣнія сей безспмершный мужъ не однажды прѣходилъ, углубленный въ размышленія о благѣ человѣчспва. Поздній вечеръ заспавилъ насъ думашъ о возвращѣ и мы, съ разспроган-

нымъ сердцемъ, проспясь съ готическимъ замкомъ, котораго флюгеръ, освѣщенный вечерними лучами еолнца, блисхаль, подобно звѣздѣ, на ясной синевѣ неба, пошли по бѣрегу извивающагося сквозь лѣсъ ручья.

До сихъ поръ замокъ Бреде естъ единственнѣйшій памятникъ Монпешекѣ въ его опечествѣ. Принцъ *Бово* (Beauveau), назначенный Королемъ въ 1763 году Коммендантомъ Провинціи Гіеннской (Guienne) былъ, по желанію его, избранъ членомъ Академіи въ Бордо. При всупленіи его въ оную, просиль онъ позволенія пригосовишь для академической залы мраморный бюстъ Монпешекѣ. Предложеніе сіе было принято и тогдашній славный ваятель *Ле Муанъ* (Le Moine) взялъ на себя шрудъ изобразишь искуснымъ своимъ рѣзцомъ знаменишаго мужа, который вмѣстѣ съ Моншанемъ прославиль берега Гаронны. Бюстъ находишь шеперь въ домѣ библіошеки; онъ весьма искусно опдѣланъ и наблюдашь, съ перваго взгляда, узнаешь въ немъ прекрасный профиль того человека, который рѣдкимъ умомъ, обширными познаніями и необыкновеннымъ характеромъ снискалъ себѣ равное ошъ всѣхъ уваженіе.

Германія.

Баварская Исторія Генриха Цшокке *).

Нынѣ ошпечатана четвертая и послѣдняя часть оной. По извѣстіямъ изъ Мюнхена она была принята съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ. Всѣ Критики ошмываются о ней съ чрезмѣрною похвалою. Г. Цшокке, родомъ изъ Магдебурга, но избравшій постояннымъ своимъ мѣстопребываніемъ Швейцарію, посвятилъ Исторію свою Баварскому народу. „Прими швореніе сіе съ снисхожденіемъ, говоритъ онъ ему въ упомянутой нами четвертой части: для опечесшвенной твоей гордости должно быть не оскорбительно, но лестно то, что даръ сей тебѣ приносится не отъ сопечесшвенника твоего, а отъ гражданина Республики — человѣка, который, живучи независимо въ своей жизни у подошвы Юры,

---

*) Не лезя не удивляться обширности познаній, многообъемлемости ума и неутомимой дѣятельности Г. Цшокке. Будучи обремененъ изданіемъ двухъ превосходныхъ журналовъ и двухъ политическихъ газетъ, онъ успѣваетъ еще дарить время отъ времени публику столь рѣдкими сочиненіями, какъ на пр. *Баварская Исторія* и многія другія. Извѣстное во всей Германіи сочиненіе *Stunden der Andacht* приписываютъ также ему.

счастливъ въ воздѣльваніи собственнаго поля, удалень отъ искушеній и бѣдности и богатства, воспитанъ посреди великихъ событій и отъ тебя ничего не потребуешь, ничего не ожидаешь. “

(Изъ Wiener Zeitschrift für Kunst, Literatur, Theater und Mode).

Сѣверная Америка.

Институтъ глухо-нѣмыхъ.

Года за два передъ симъ многія особы, соединясь между собою, составили Комитетъ и поручили ему собирать приношенія для составленія капитала, который бы могъ привести Г. Галлоде (Gallaudet) въ состояніе ѣхать въ Европу, чтобы научиться тамъ воспитанію глухо-нѣмыхъ. Вскорѣ многія великодушныя пожертвованія доставили ему возможность отправиться въ Англію. Изъ Лондона и Единбурга Г. Галлоде поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ Аббатъ Сикарбъ принималъ его весьма благосклонно. Онъ немедленно началъ свой курсъ въ Институтѣ, находящемся подъ руководствомъ сего славнаго воспитателя. Сдѣлавъ дружескую связь съ Профессоромъ сего Института Г. Лоранбъ Клеркомбъ, который самъ нѣмъ и глухъ, Г. Галлоде могъ прежде, нежели надѣялся,

возвратиться въ свое отечество вмѣстѣ съ симъ достойнымъ помощникомъ.

Институтъ былъ открытъ въ *Гартфордѣ* 15 Апрѣля 1817 года и имѣеть теперь уже около 20 воспитанниковъ. Всякой другъ человѣчества порадуется успѣхамъ системы воспитанія, копорая для несчастныхъ сего рода служить впорымъ созданіемъ. Тѣмъ болѣе мы должны почитать себя счастливыми, что имѣемъ начальниками сего Института столь достойныхъ по своимъ врожденнымъ способностямъ и опытности людей, каковы Г. г. *Галлоде* и *Клеркъ*.

Мы заключимъ спашью сію замѣчаніемъ, что, по введенной здѣсь системѣ шакаго воспитанія, глухіе и нѣмые и тогда не перестаютъ изъясняться знаками, когда уже дѣлають значительные успѣхи въ изъясненіи мыслей своихъ посредствомъ языка; такимъ образомъ научаются они выражать знаками почти все, что можно выразить словами, какъ на примѣръ труднѣйшія наклоненія и времена глаголовъ. Мы упоминаемъ здѣсь о семъ только для того, чтобы показать какому исполинскому труду подвергается въ семъ случаѣ учитель и какаго неутомимаго терпѣнія, какихъ отличныхъ способностей требуетъ трудъ сей.

(Изъ Журнала: *Amerika dargestellt durch sich selbst*)

Мы же съ своей стороны заключимъ сію выписку замѣчаніемъ: чего не въ состояніи произвести соединенныя силы частныхъ людей, одушевленныхъ любовью къ отечеству и готовыхъ посвятить все свое сшяжаніе и самую жизнь на пользу онаго!—

Пловуція лавки.

На рѣкѣ *Миссиссипи* развѣзжаютъ время отъ времени суда, образованныя совершенно на подобіе кузеческихъ лавокъ. Тамъ найдете вы кладовыя, наполненныя шелковыми и бумажными матеріями, сукнами, лентами и проч; тамъ увидите вы одного прикащика за споломъ, мѣряющаго на аршинъ; другаго, вѣсящаго на вѣсахъ; третьяго въ особей комнашѣ, ведущаго книги и счета и охраняющаго кассу.

Когда такое судно гдѣ либо пристанетъ, то дается знакъ въ рога и шрубы. Тогда всѣ женщины и дѣвушки, живущія въ окружности, спекаются со всѣхъ сторонъ, всходящя на судно и покупающя все для себя потребное. Ежели покущицы много наберутъ шоваровъ, то приѣзжаютъ мужья и родственники со своими повозками, забираютъ купленное и везутъ домой.

(Оттудаже)

К. Ф.

О Французскомъ Актерѣ Превиль *).

Петръ Людовикъ Превиль сдѣлался Актеромъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. Онъ изощрялъ свои таланты на разныхъ театрахъ провинцій. Лишь цѣлый годъ наслаждался раждающимся превосходствомъ Актера, долженствующаго нѣкогда показаться съ блескомъ на томъ самомъ театрѣ, на который Мольеръ отдалъ играть въ 1653 году первую свою Комедію. По процесствіи вѣка, Превиль возвратилъ твореніямъ великаго Комика всѣ прелести, какъ бы совершенно новыми, веселостью, живостью, естественностью и тонкостью, которыя соединялъ онъ во многихъ роляхъ, особенно же представляя слугу въ Комедіи: *l'Etourdi*, одинъ изъ характеровъ самыхъ труднѣйшихъ и блистательнѣйшихъ въ оной.

Но прежде еще пріобрѣшенія такихъ успѣховъ, Превиль долженъ былъ образоваться въ училищѣ оныша: одна только Природа служила ему образцомъ. Слушая совѣты знаменитыхъ, умѣлъ онъ воспользоваться ихъ разумными мнѣніями. На Руанскомъ театрѣ

---

*) Умеръ въ 1799 году. — Спачья сія взята изъ книжки подъ заглавіемъ: *Acteurs et Actrices célèbres qui se sont illustrés sur les trois grands théâtres de Paris.*

онъ былъ очень любимъ публикою: каждый день, послѣ спектакля, самые отличные любители театра собирались около него и обсыпали его похвалами. Одинъ только, пожилыхъ лѣтъ человекъ, въ черномъ платьѣ и въ парикѣ, смотрѣлъ на него съ жалоспчною усмѣшкою, качалъ головою, пожималъ плечами, поднималъ правую руку, которую протягивалъ къ нему, шевеля указательнымъ пальцомъ, и попомъ удалялся. Молодой Актеръ почелъ сперва шаго человека за сьумасшедшаго. Но какъ спарикъ всякой вечеръ дѣлалъ передъ нимъ одинакія шѣлдвиженія, по и произвелъ въ немъ любопытство: онъ вспунилъ съ нимъ въ разговоръ и просилъ изьяснить, что значашъ эти гримасы.—„Государь мой, ошвѣчалъ ему спарикъ, (который былъ заслуженный спряпчій) вы рождены бытъ великимъ актеромъ; но еспли не обратилие на это искусство всего вашего вниманія, по оспанешесь полько фигляромъ.“

Превиллю показались эти слова смѣшными, однакожь захопѣлось ему узнать, за что его такъ спрого судашъ. Спряпчій объяснилъ свои мысли даъ почувствовашъ молодому Актеру, много о себѣ предвѣщающему, что онъ во зло употребляетъ свой талантъ для полученія рукоплесканій; доказалъ, что онъ не спарещся о естешвен-

номъ произношеніи и о наблюденіи приличія; изъяснилъ, что успѣхъ, приобретаемый сими средствами, бываетъ только временный; что дарованіе, рачительно къ природѣ принаровленное, есть вѣрный источникъ торжества несомнѣннаго и продолжительнаго; совѣтовалъ ему быть осторожнѣе и разборчивѣе: не смотрѣть на похвалы толпы народной, а цѣнить только мнѣніе знапоковъ. — *Превиль* былъ совершенно убѣжденъ замѣчаніями спарика, упошибилъ ихъ въ свою пользу, мало по малу отсталъ отъ всѣхъ дурныхъ привычекъ, положилъ таланту своему основаніе, на изящномъ вкусѣ утвержденное, и приобрѣлъ въ послѣдствіи безсмертную славу неподражаемымъ своимъ искусствомъ. Онъ часто рассказывалъ объ этомъ происшествіи друзьямъ своимъ и молодымъ актерамъ, которые не любили принимать совѣтовъ. „Если бы не старой стряпчій, говорилъ онъ, то, можетъ быть, изъ меня не вышлобъ ничего, кромѣ фигляра.“—

А. Н. — іюл

Разные Анекдоты.

Бюриданъ, Ректоръ Парижскаго Университета и Діалектикъ XIV вѣка, прославился чуднымъ своимъ *софизмомъ объ оселѣ*. Онъ предполагалъ, что одно изъ сихъ глупыхъ животныхъ помимо равномерно голодомъ и жаждою, находящися въ спойлѣ между мѣркою овса съ одной стороны и ведромъ воды съ другой, послѣ чего сей великій мужъ дѣлалъ вопросъ: *что найдетъ дѣлать оселъ?* — Если мѣкіе умы, вступавшіе съ нимъ въ сосязаніе о столь важномъ предметѣ, отвѣчали: *онъ останется недвижимъ* — следовательно, заключалъ Бюриданъ, *оселъ умретъ съ голоду и жажды посреди овса и воды*. Когда же кто нибудь подогадливѣе возражалъ: *этотъ оселъ, Г. Докторъ, не будетъ такимъ осломъ, что бы уморить себя безвременною смертію* — и такъ, заключалъ Докторъ, *оселъ поворотится въ какую нибудь сторону прежде; следовательно онъ имѣетъ свободную волю*. Сей софизмъ приводилъ въ немалое затрудненіе великіе умы его времени, и осель его сдѣлался знаменитъ между одами его школы; но былъ причиною его изгнанія: ибо Бюриданъ, принадлежавшій къ секціи *именователей* (Nominales), былъ преслѣдуемъ секціою *веществослововъ* (Reales) и принужденъ уйпѣи въ Германію.

Дезессаръ, Акшерь Гагскаго театра, спрѣлялъ однажды въ шпашгалперскихъ заповѣдныхъ дачахъ. Приспавъ надъ охошою подошелъ къ нему и спросилъ: по какому праву онъ здѣсь спрѣляетъ? *Дезессаръ*, принявъ на себя осанку театрального героя, надмѣннымъ тономъ отвѣчалъ ему: „ты спрашиваешь по какому праву?“

„По праву, коимъ духъ высокій обладаетъ,
„Когда онъ подлу чернь во прахъ попираетъ!“

Сии стихи, произнесенные самымъ прагматическимъ образомъ, привели пристава въ шакое замѣшательство, что онъ немедленно ушелъ, сказавъ: „это иное дѣло: извините меня великодушно, Милоспивый Государь! я не зналъ объ этомъ прежде.“

Лафонтенъ, во время перваго представленія своей Оперы *Астреи*, находился въ ложѣ съ не знакомыми ему дамами (*). Во многихъ мѣстахъ Оперы онъ вскрикивалъ *дурно, несносно!* Дамы, наскучивъ слушать одно и тоже, сказали ему: „это не такъ худо, сударь, какъ вы думаете; сочинитель челоуѣкъ съ большимъ дарованіемъ, извѣст-

(*) Извѣстно, что въ Парижскихъ театрахъ могутъ сидѣть въ одной ложѣ нѣсколько особъ, со-всѣмъ незнакомыхъ между собою. *Прим. Пер.*

ный Г. Лафонтенъ.— „Эхъ, сударыни, опшвѣчалъ онъ: Опера никуда не годится, а Лафонтенъ дуракъ, о чемъ онъ самъ имѣешь честь донести вамъ.“ — По окончаніи перваго дѣйствія, онъ ушелъ изъ театра и зашедши въ одинъ кофейной домъ, уснулъ. Нѣкто изъ его знакомыхъ, увидя его тамъ, вскричалъ въ удивленіи: „какъ Г. Лафонтенъ здѣсь? я полагалъ, что онъ слушаетъ свою Оперу.“ При сихъ словахъ Лафонтенъ пробудился и сказалъ зѣвая: „я ушелъ опшуда; видѣлъ первое дѣйствіе, которое показалось мнѣ шакъ скучно, что не могъ долѣ высидѣть. Удивляюсь шерпѣнію Парижскихъ жишелей!

О. С.

Корнель умеръ въ 1684 году, въ ночи съ 30го Сентября на 1е Октября. Этотъ случай подалъ поводъ къ благородному спору между Аббатомъ Лаво (Lavau) и Расинолѣ. Первой изъ нихъ былъ Директоръ Французской Академіи съ 1го ч. Юля по 1е Октября, а второй съ 1го Октября по 1е Генваря. Оба хошѣли имѣть честь распоряжашъ похоронами умершаго члена въ Кармелитской церкви. Одинъ говорилъ, что онъ былъ Ди-

ректоромъ, когда *Корнель* умеръ ; другой утверждалъ, что онъ Директоръ теперь, когда его должно хоронить. Члены Академіи должны были собраться, что бы рѣшить споръ большинствомъ голосовъ, которое оказалось въ пользу Аббата *Лавб*. Одинъ оспарякъ сказалъ при семъ случаѣ *Расину*: „если кто нибудь изъ насъ имѣлъ право схоронить *Корнеля*, то это конечно были вы—не смотря однако же на то не удалось вамъ этого сдѣлать.

Маркизь *Лувца*, Военный Министръ *Людовика XIV*, сказалъ однажды Королю въ присутствіи природнаго Швейцара Генерала *Ступпы*: „если бы, Ваше Величество, имѣли деньги, копорыя Вы и предки ваши переплашили Швейцарцамъ, то могли бы уложить ими всю дорогу отъ Парижа до Базеля.“—А если бы можно было, возразилъ Генераль *Ступпа*, собрать всю кровь, копорую Швейцарцы пролили за Ваше Величество и за предковъ вашихъ, то оной доспало бы для наполненія судоходнаго канала отъ Парижа до Базеля.—

Джонсонъ нашель однажды въ книжной лавкѣ высокаго, худощаваго мясника, копо-

рой съ ученою миною перевершывалъ листки въ лежащихъ около его книгахъ. „Чшо думаете вы, Г. Джонсонъ, сказалъ онъ вдругъ оборотясь къ стихотворцу, объ эпомъ мѣстѣ: *кто хотетъ властвовать надъ свободными людьми, долженъ быть самъ свободенъ.*“ — Мнѣ кажется, отвѣчалъ Джонсонъ, шупъ нѣтъ ни крошки здраваго смысла; все равно, если бы я сказалъ: кто хочешь бить жирныхъ быковъ, долженъ бышь самъ жиренъ.

Не давно во время бывшаго въ Парижѣ маскарада, куда дамы имѣли входъ безденежно, явилась Гжа Г*** вмѣстѣ съ другою женщиною въ домино. Кассиръ пропустилъ ея спутницу безъ малѣйшей остановки; но никакъ не хотѣлъ впустить ее. — „Почему такъ?“ — Потому, чшо мнѣ запрещено впускать мужчинъ. — „Да я не мужчина.“ — Вы шупите. — Гжа Г*** сняла перчатку и показала ему свою руку въ доказательство, чшо она женщина; но Кассиръ все еще думалъ, чшо она хочеть надъ нимъ посмѣяться. — Она показала ему свою ногу; напрасно — онъ все оспался при прежнемъ мнѣнїи. Наконецъ она сняла съ себя маску и считала уже этою послѣднїй аргументъ неоспоримымъ — но Кассиръ началъ угрожать ей полицейскими, если она еще долѣе вздумаетъ

надъ нимъ забавляясь. По счастію случил-
ся пушъ одинъ знакомый, которому одна-
ко же весьма много стоило труда доказать
Кассиру, что Гжа Г*** дѣйствительно бы-
ла женщина.

Противъ большаго Езуитскаго мона-
стыря въ Римѣ чувствительнѣ всякій, да-
же и самый жаркій день, сильный вѣтеръ.
Маркизь *Силлери*, Мальшійскій Кавалеръ,
шелъ однажды мимо съ Венеціанскимъ По-
сланникомъ при Римскомъ Дворѣ и спро-
силъ его: „какъ изъясните вы мнѣ эпошъ
феномень?“—Очень легко, отвѣчалъ Послан-
никъ, по одному преданію, которое здѣсь въ
городѣ всѣмъ извѣстно. Дьяволь прогули-
вался однажды вмѣстѣ съ Вѣтромъ по Рим-
скимъ улицамъ; когда пришли они къ Езу-
итскому монастырю, Дьяволь сказалъ Вѣтру:
сдѣлай милость подожди меня здѣсь; мнѣ
очень нужно переговорить кой-что съ бра-
тіею.—Вѣтръ согласился, но Дьяволь, какъ
говоришь преданіе, не воропился назадъ, и
съ тѣхъ поръ добродушный. Вѣтръ, связан-
ный своимъ словомъ, все еще ожидаетъ на
семъ мѣстѣ Дьявола, который и не думаетъ
разстаться съ Езуитами.

А. К.

Извѣщеніе о новой книгѣ: *Легчай-
шій способъ научиться Латинскому
языку.*

Французъ *Ваньеръ*, желая сославить руководство къ познанію Латинскаго языка, выбралъ изъ сочиненій писанныхъ на ономъ такія мѣста, въ которыхъ доказываея быліе Божіе, изображаются красота и величіе природы, расположилъ рѣченія ихъ въ логическомъ порядкѣ, поставилъ надъ каждымъ знаки, показывающіе къ какой части человѣческаго слова онѣ принадлежатъ, и если по имена, мѣстоимѣнія и глаголы, къ которому склоненію или спряженію. Къ сему приложилъ два перевода: одинъ слово въ слово, другой выражающій шокмо разумъ и красоты подлинника. По смерти *Ваньера* неизвѣстные ученые люди прибавили къ его книгѣ другую, состоящую изъ отрывковъ выбранныхъ также изъ Латинскихъ писателей, но въ которыхъ описываются уже добродѣтельные дѣянія и должности человека и гражданина, расположили и перевели ихъ такимъ же образомъ какъ и *Ваньеръ*. Сіи книги содержатъ легчайшій и вѣрнѣйшій способъ научиться Латинскому языку; сверхъ того могутъ образоватъ вкусъ молодыхъ людей, внушитъ имъ любовь къ при-

родъ, стремленіе къ добродѣтели и благоговѣніе къ Богу: по сему я рѣшился переложить ихъ на Россійскій языкъ и напечатать, съ небольшою токмо перемѣною: Мнѣ кажется не нужно означать къ какой части человѣческаго слова принадлежишь каждое рѣченіе и какъ оно (разумѣется если можешь) измѣняется; учащійся, видя его знаменованіе поруски, будутъ и безъ сего знать какая по частъ рѣчи, а въ Грамматикѣ и словарь найдутъ (если по будетъ имя, мѣстоимѣніе или глаголь) какъ она склоняется или спрягается. При томъ сіи знаки производятъ неспрошу, неприятную для глазъ, и увеличиваютъ книгу болѣе, нежели въ двое. Переводъ мой будетъ выходить по шестрадамъ, каждая въ десять печатныхъ листовъ. Нынѣ принимается подписка на первую. Цѣна оной съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи пять рублей. Желающіе получить ее благоволятъ присылать деньги съ означеніемъ своего чина, имени и мѣста пребыванія ко мнѣ Издастелю Экстраординарному Профессору Казанскаго Университета *Василью Перевощикову*.

Здѣсь прилагается при отрывка какъ образцы піесъ, помѣщенныхъ въ оныхъ книгахъ и какъ опыты моего перевода.

I. О растѣніяхъ.

(Чтобы объяснить все вышесказанное, предложимъ напередъ три или четыре періода, такъ какъ будутъ изданы объ книгѣ.)

Veniamus <i>идемъ</i> a rebus coelestibus <i>отъ вещей небес-</i> <i>ныхъ</i> ad terrestria <i>къ земнымъ</i>.	A coelestibus rebus ad ter- restria veniamus	Отъ шѣлъ небесныхъ перейдемъ къ земнымъ.
Quid <i>что</i> est <i>есть</i> in his <i>въ сихъ</i> in quo <i>въ темъ</i> ratio <i>разумъ</i> naturae in- telligentis <i>мысля-</i> <i>щей природы</i> non appareat <i>не являет-</i> <i>ся?</i>	Quid est in his in quo non na- turae ratio in- telligentis ar- pareat?	Изъ нихъ естьли хотя одно, въ ко- поромъ не открывается разумъ Первой При- чины?
Principiò <i>во пер-</i> <i>выхъ</i> stirpes <i>корни</i> eorum <i>тѣхъ</i> quae gignuntur <i>которыя</i> <i>раждаются</i> è terrâ <i>изъ земли</i>, dant <i>да-</i> <i>ютъ</i> stabilitatem <i>твердость</i> iis <i>тѣмъ</i> quae <i>которыя</i> su- stinent <i>поддержи-</i> <i>ваютъ</i> et trahunt	Principiò eo- rum quae gignuntur è terrâ stirpes et stabilitatem dant iis quae sustinent et ex terrâ succum trahunt quo aluntur	Корни слу- жатъ какъ бы основані- емъ для рас- пѣній, и вы- сасывая изъ земли соки,

и влѣкутъ ех тер- тѣ изъ земли suc- cum сокъ quo ко- торымибъ aluntur питаются еа тѣ quae continentur ко- торыя поддержи- ваются radicibus корнями.	tur ea quae ra- dicibus conti- nentur.	пи па ю т ъ ихъ.

Довольно: въ журналъ неприлично продолжать болѣе. Слѣдуетъ одинъ свободный переводъ, въ которомъ я спарался по возможности выражать шокмо разумъ и красоты подлинника.

„Пни одѣваются лубомъ или корою, что-бы могли защищаться ошъ зноя и хлада. Земля пріявъ въ умягченныя и въздѣланныя свои нѣдра разсѣянныя сѣмена, удерживаетъ ихъ въ себѣ на нѣкоторое время: попомъ согрѣваетъ, сжимаетъ, раскалываетъ и изводитъ изъ нихъ зелѣнѣющую траву, копорая, опираясь на корни, росшетъ, заключается въ колѣнчатый спебель, какъ бы въ ножны, и возвышается. Выходя изъ омаго пускаетъ колось, охраняемый осписною спѣною ошъ укушенія маленькихъ пшичекъ.“

II. О Виноградѣ.

Виноградныя лозы, по своей природѣ,

еспелюся по землѣ; но когда бѣвають подперты, вьюся къверху и своими опрасляями, какъ бы руками, цѣпляются за все, что ни встрѣчаютъ. Излишнія, ползущіятуда и сюда вѣшью обрѣзываетъ искусный виноградарь, что бы лозы не одичали и слишкомъ не разсѣялись во все стороны. При наступленіи весны, на оспавленныхъ вѣшьяхъ показываюся почки, изъ нихъ выходящъ ягоды, копорья питаюся и соками земли и теплою солнечною. Сначала онѣ весьма кислы, но созрѣвши, спановятся сладкими. Скрываясь подъ лиспами, согрѣваюся умѣренною теплою и защищаюся отъ палящихъ лучей солнечныхъ. Что можетъ быть пріятнѣе плодовъ, красивѣе наружности винограда?

III. Изображеніе духа и нравовъ древнихъ Римлянъ.

Трояне, убѣжавшіе подъ предводительствомъ Енея, скипались по различнымъ мѣстамъ. Они первые, какъ повѣспвуютъ, построили и населили городъ Римъ, вмѣстѣ съ Абorigенами, народомъ грубымъ, немѣвшимъ ни законовъ, ни власпей, свободнымъ и независимымъ. И шѣ и другіе, различные происхожденіемъ, языкомъ, образомъ жизни, сошедши въ одинъ городъ, что

всякому покажется невѣроятно, безпрепятственно соединились. Но когда они сбогачившись числомъ гражданъ, добрыми нравами, землями, казались счастливыми и могущественными, тогда, какъ по большой части бываетъ въ мѣрѣ, благосостояніе породило зависть. Сосѣдственные народы и цари начали вести съ ними брани: имъ помогали немногіе изъ друзей; прочіе, пораженные страхомъ, не хотѣли участвовать въ опасностяхъ. Но Римляне, попечительные о гражданскихъ и военныхъ дѣлахъ, спѣшили, готовились, увѣщавали другъ друга, выходили противъ непріятелей, и защищали свободу, опечество и родственниковъ. Мужествомъ отразивъ опасности, помогали союзникамъ и друзьямъ. Болѣе оказывая, нежели принимая благодаренія, снискивали дружбу. Правленіе имѣли монархическое. Государственными дѣлами распоряжались избранные старцы, слабые плѣтомъ, но сильныя мудростію духа: они по лѣшамъ или по сходству заботъ своихъ, назывались *отцами*. Когда же власть царская, копорая прежде охраняла свободу и умножала благосостояніе народа, превратилась въ гордость и тиранство, тогда перемѣнивъ обычай, установили Консуловъ: ихъ власть продолжалась токмо одинъ годъ. Они думали, что при семъ образѣ правленія своевольств-

во не будешь до такой степени развращать людей.

Тогда всякъ началъ спараться опличать себя и сдѣлаться дѣятельнымъ. Тиранамъ подозрительны и добрые и злые; имъ всегда страшны доспоинства другаго. Но государство учинившись свободнымъ, въ неимовѣрно краткое время весьма увеличилось: споль велико было желаніе славы! Юноши, какъ скоро могли сносишь воинскіе шягости, въ спанѣ привыкали къ прудамъ, опытомъ научались сражаться; находили болѣе удовольствія въ красотѣ оружія и бодрыхъ коцяхъ, нежели въ пиргахъ и распущствахъ. Для такихъ воиновъ не было ни прудовъ не обыкновенныхъ, ни мѣстъ крупныхъ или непроходимыхъ, ни враговъ страшныхъ: мужество преодолевало все. Но между ними было великое соревнованіе о славѣ: всякъ спѣшилъ разить непріятеля, восходить на спѣны, привлекашь взоры другихъ на свои подвиги. Въ семъ поставляли свое богатство, честь и благородство. Они были жадны къ похваламъ, щедры на деньги; желали громкой славы и безбѣднаго соспоянія. Я могъ бы рассказать въ какихъ мѣстахъ Римской народъ въ маломъ числѣ побѣдилъ многочисленныя воинства непріятельскія, сколько взялъ приступомъ городовъ, укрѣпленныхъ природою, если бы

сіе не отвлекло меня далеко отъ моего предмѣта.

По истиннѣ должно согласишься, что счасіе весьма много во всемъ участвуешь: оно болѣе по прихоти, чѣмъ по справедливости мрачишь или прославляешь. Дѣянія Аѳинянь, по моему мнѣнію, довольно велики и знамениты, однакожь менѣе, нежели мою возвѣщающуюся; но поелику у нихъ были превосходные писатели, дѣянія Аѳинянь славны во всѣхъ народахъ; подвиги ихъ героевъ сполько уважаются, сколько могли ихъ превознести оныя знаменитыя умы. Римской народъ никогда не имѣлъ сей выгоды: ибо чѣмъ кто былъ благоразумнѣе, тѣмъ дѣятельнѣе. Всякъ упражнял свой разумъ вмѣстѣ съ тѣломъ, каждый отличнѣйшій гражданинъ хотѣлъ дѣйствовать, а не говорить; получалъ своимъ знаменитымъ подвигамъ хвалы отъ другихъ, а не повѣщивать о чуждыхъ.

По сему добрые нравы процвѣтали и въ городѣ и въ воинскомъ станѣ: согласіе было повсюду, сребролюбіе рѣдко гдѣ показывалось. Правосудіе и добродѣтель ушверждались болѣе на естественномъ чувствѣ, чѣмъ на законахъ. Они имѣли распри, вели войны, упохребляли хитрость съ непріятелями; граждане съ гражданами сосязались въ мужество. Любили великолѣпіе при жерп-

воприношеніяхъ, простоту въ домахъ, вѣрность въ дружбѣ. Неустрашимостію въ сраженіяхъ, правотою въ мирѣ, сими двумя средствами сохраняли и частное и обществнное благосостояніе. Чему сильнѣйшимъ доказательствомъ, по моему мнѣнію, есть слѣдующее: во время войны гораздо чаще наказывали тѣхъ, которые, въ пропивность повелѣній, сражались съ непріятелемъ, или бывъ опзываемы, не выходили изъ битвы, нежели тѣхъ, которые осмѣливались оставлять знамена или предаваться бѣгству. Но будучи въ мирѣ, управляли не столько спрахомъ, сколько благошвореніями. Хотѣли прощать, а не мстить за понесенныя обиды.

IV. Сраженіе Тита Манлія съ Галломи.

Галлы стояли у прешьяго камня по Саларійской дорогѣ, за мостомъ рѣки Аніена: городъ былъ въ смяшеніи. По сему Диктаторъ Титъ Квинцій Пеннъ повелѣлъ остановитъ всѣ дѣла, обязалъ клятвою младшихъ воиновъ, вышелъ изъ города съ многочисленною ратию и расположилъ станъ на здѣшнемъ берегу Аніена. Мостъ былъ между обоими войсками: ни которое ни разламывало его, что бы тѣмъ не оказало бѣзны. Часто сражались о занятіи моста, но при равныхъ силахъ кто овладѣетъ имъ,

угадать было не возможно. Тогда великорослый Галль выходитъ на праздный мостъ, и голосомъ, сколь можно громкимъ, восклицаетъ: „Мужественнѣйшій изъ Римлянъ да выйдешь на единоборство со мною; конецъ нашего сраженія покажешь, который изъ двухъ народовъ воинственнѣе другаго.“

Продолжительно было молчаніе между опличнѣйшими Римскими юношами, ибо и стыдились опказаться опъ сраженія, и никто не хотѣлъ вызваться на явную опасность. Тогда Типъ Манлій, сынъ Люція, избавившій опца своего опъ припѣсненій Трибуна, оставляетъ свое мѣсто и подходитъ къ Дикшатору. „Безъ пвоего позволенія, Императоръ, сказалъ онъ, я не выходилъ изъ рядовъ сражаться, когда видѣлъ побѣду несомнѣнною. Но если ты позволишь, хочу доказать сему наглецу, осмѣливающемуся презирать насъ, что я родился въ томъ сѣмѣйствѣ, которое со скалы Тарпейской низвергнуло опрядъ Галловъ.“ Дикшаторъ опвѣчалъ ему: „мужайся, Типъ Манлій, и столь же преданъ будь опечеству, сколько опцу. Спупай, и съ помощію боговъ, докажи, что Римляне непобѣдимы. „Послѣ сего свершники вооружаютъ юношу, онъ беретъ щипъ пѣшаго воина, опоясывается Испанскимъ мечемъ, удобнѣйшимъ къ сраженію въ близи. Вооруженнаго и снаряженнаго сопровожда-

юшь къ Галлу, кошорой буйно радовался и (поелику и это казалось древнимъ писателямъ достойно памяти) высывивалъ языкъ, ругаясь надъ нами. Попомъ всѣ отходятъ къ своимъ мѣстамъ и оставляютъ, не сполько по обычаю воинскому, сколько изъ любопытства къ чрезвычайному зрѣлищу, обоихъ единоборцевъ на срединѣ: они по виду и наружности казались вовсе неравными. Одинъ былъ чрезмѣрнаго роста, въ разноцвѣтной одеждѣ, съ испещреннымъ и златомъ блистающимъ оружіемъ. Другой средней величины, съ оружіемъ неукрашеннымъ, но удобнѣйшимъ къ сраженію. Они находились между двухъ многочисленныхъ войскъ, обьявшихъ страхомъ и надеждою. Галль, подобно громадѣ нависшей долу, лѣвою рукою прошивупославляетъ щипъ оружію приближающагося непріятеля, а правою разитъ мечемъ съ спрашнымъ шумомъ, но не улучшаетъ его. Римлянинъ, направивъ мечъ, ударяетъ щипомъ въ щипъ, вѣдряется между оружіемъ и шѣломъ Галла, чрезъ шо становився совершенно безопасенъ, попомъ однимъ и другимъ ударомъ поражаетъ его въ чрево, и падающаго распроспириваетъ по великому пространству. Съ лежащаго трупа снимаетъ шокмо ожерелье, и повязываетъ его, обрызганное кровію, вокругъ своей шеи. Страхъ и удивленіе объемлетъ Галловъ. Ра-

достные Римляне выходящъ изъ своихъ мѣстъ на встрѣчу Манлію, поздравляющъ, хвалящъ его; и вѣдуя къ Диктатору. Въ неспройныхъ пѣсняхъ веселящихся воиновъ слышится проименованіе *Торквата* *). Оно придается и оставляется въ честь сѣмѣйству и потомкамъ Манлія. Диктаторъ наградиъ его золотымъ вѣнцомъ, и превознесъ его подвигомъ великими похвалами въ рѣчи предъ народомъ.

---

*) Латинское слово *torquatus* значить: носящій на шеѣ ожерелье.

Отъ Издателя. Сибирскаго Вѣстника.

Сибирскій Вѣстникъ /будеть издаваемъ и въ слѣдующемъ 1819 году. Въ печеніи года выдуть чешыре часпи, каждая изъ нихъ содержащъ будетъ огьъ 8 — до 10 — печашныхъ листовъ и нѣсколько гравированныхъ изображеній, которыя помѣсячяся не въ особыхъ уже шепрадахъ, а при самыхъ спашьяхъ. Каждая часпъ расположипся на два отдѣленія — въ первое изъ нихъ войдутъ описанія пушешествій по Сибири и спранамъ, сопредѣльнымъ оной, и свѣденія какъ о древноспяхъ, такъ и о наспоящемъ положеніи сихъ мѣспъ — во второе разныя спашьи ученаго содержания и между прочимъ переведенныя съ иноспранныхъ языковъ, кои могутъ бытъ полезны для пушешествующихъ по Сибири или для самыхъ жипелей тамошняго края, и наконецъ извѣстія, какія будутъ доходить до Издателя, о новѣйшихъ тамъ проишешествіяхъ; о несчастныхъ заслуживающихъ вниманіе соопечешвенниковъ; о сдѣланныхъ имъ пособіяхъ и о всякихъ добродѣтельныхъ подвигахъ и характерныхъ черпахъ жипелей Сибири.

Издашель не пощадитъ ни шрудовъ, ни издержекъ, что бы *Сибирскій Вѣстникъ* сдѣлашъ по возможности занимашельнымъ и

общепользымъ. Кромѣ многихъ списковъ, достойныхъ вниманія по новостямъ своей и любопытному содержанию, онъ помѣститъ изъясненіе нѣкоторыхъ сообщенныхъ имъ древнихъ надписей и филологическое открытіе относительно происхожденія Монгольскихъ буквъ. Онъ также приметъ съ благодарностію и отъ постороннихъ особъ всякую присылаемую къ нему справку, копорая будетъ соответствовать плану сего изданія.

Съ уменьшеніемъ числа рисунковъ Издатель поставилъ себѣ въ обязанность уменьшить и цѣну самаго изданія. Нынѣ она полагается здѣсь въ С. П. бургѣ двадцать два рубли пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкою во всѣ другіе города двадцать пять рублей.

Подписка на *Сибирскій Вѣстникъ* принимается въ С. П. бургѣ: у Издателя *Г. И. Спасскаго*, живущаго у Владимірской Церкви, по Офицерской улицѣ, въ домѣ Чиновника 5 класса Качки, подъ № 763; въ Газетной С. П. бургскаго Почтамта Экспедиціи и въ книжныхъ лавкахъ при Академіи Наукъ, у Глазунова и Плавильщикова; въ Москвѣ: въ Газетной Московскаго Почтамта Экспедиціи и въ книжныхъ лавкахъ Ширяева и Глазунова. — По взносѣ слѣдующихъ за сіе

изданіе денегъ, выдается за подписью Изда-
теля билетъ.

Желающіе имѣть *Сибирскій Вѣстникъ*
съ принадлежащими къ нему шестью
гравированныхъ видовъ, картъ и изображе-
ній на сей 1818 годъ, благоволять относи-
ся къ самому Издателю, съ доставленіемъ
живущіе въ С. П. бургъ по 30, а иногород-
ныя по 35 рублей.

Г. Сласскій.

О новыхъ машинахъ на Билимбаевскомъ чугуноплавленномъ заводѣ.

Билимбаевскій Ея Сіятельство Графини Софьи Владиміровны Строгоновой чугуноплавленнй заводъ, находящійся въ 53 верстахъ отъ Екашеринбурга, существуетъ уже около 100 лѣтъ. Онъ имѣетъ двѣ доменные печи, при двухъ воздушныхъ машинахъ, заключающихъ въ себѣ по 4 цилиндра, обыкновенною конспрукціею успроенные. По причинѣ маловодія въ прудѣ сего завода, такъ какъ и во многихъ другихъ, находящихся въ хребтѣ Уральскихъ горъ, къ сожалѣнію, доменное дѣйствіе каждогодно подвергалось безвременнымъ и весьма ощупительнымъ оспановкамъ, которыя однако нынѣ управляющимъ пѣмъ заводомъ Максимомъ Пестряковымъ совершенно опвращены. Сей усердный и умный прикащикъ успроилъ въ прошедшемъ 1817 году вмѣсто прежнихъ машинъ новыя, самой малосложной и аккуратной конспрукціи, кои въ легкости и плавкости дѣйствія, а равно и въ сбереженіи воды, суть по Уральскимъ горнымъ заводамъ примѣрныя. Неоспоримымъ доказательствомъ сему служитъ то, что одна изъ сихъ машинъ остается еще запасною, а другая вшорой уже годъ содержится для обѣихъ доменъ въ безпрерывномъ дѣйствіи,

на кошорую употребляется воды только 11 квадратныхъ вершковъ, слѣдовательно по $5\frac{1}{2}$ вершковъ на каждую домну; отъ каковаго умереннаго, за полнымъ и непрерывнымъ во весь годъ двухъ доменъ дѣйствиємъ, употребленія воды осталось отъ зимы въ заводскомъ прудѣ до прехъ аршинъ. При столь значительномъ остаткѣ воды, вмѣсто ощущаемаго нѣсколько уже десятковъ лѣтъ маловодія и остановки завода, выплавка чугуна улучшена до такой степени совершенства, что въ 1817 году получено онаго въ лучшемъ качествѣ до 443,000 пудовъ, ш. е. въ двое болѣе противъ прежняго и съ большими противъ прежняго выгодами, а между тѣмъ и доменные горна, въ задымкахъ своихъ отъ ровности духа существуя противъ прежняго вдвое болѣе, подають несомнѣнную надежду какъ на большія и важныя впредь отъ того выгоды, такъ и на самое благосостояніе завода.

Екатеринбургъ.

И. Полковъ.

Извѣстіе о бѣдномъ сѣмействѣ.

Лишешной часши прешьяго кваршала въ Хлѣбной улицѣ, при самомъ входѣ въ оную изъ шестилакочной, въ угловомъ домѣ мѣщанина *Денисова* подь № 522 *) живешъ бѣдная вдова *Тишулярная Совѣшница Изловицкая* съ премя малолѣшными дѣтьми. Она почши ослѣбла опѣ работы, задолжала много за кварширу и за необходимые жизненные припасы. Если не помогутъ ей великодушные благошворители, то она принуждена будешъ терпѣшь со своими пшенцами холодъ и голодъ во время наступающихъ праздниковъ.

20 Декабря 1814.

Н. К.

*****

---

*) Въ эпомъ же самомъ домѣ живешъ и несчастная больная вдова *К. М. Дасыдова*, о которой объявлено въ X № сего Журналѣ, сшран. гдл.

Отъ Издателя.

Издатель *Благонаѣреннаго* обязанностію почитаетъ изъяснить шоржественно здѣсь свою благодарность почтеннымъ литераторамъ — особенно соповарищамъ своимъ Г. г. Членамъ С. П. бургскаго Вольнаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ — за доставленіе къ нему своихъ сочиненій и переводовъ. Многія очень хорошія піэсы, за избыткомъ въ матеріалахъ и по нѣкопорымъ другимъ обстоятельствомъ, не помѣщены еще имъ въ сей Журналь; но всѣ напечатаны будутъ въ слѣдующемъ 1819 году.

Въ Журналь *Благонаѣренномъ* на слѣдующій 1819 годъ помѣщаемы будутъ преимущественно: 1) стихотворенія; 2) повѣсти оригинальныя и переводныя; 3) отрывки изъ новѣйшихъ Рускихъ путешествій; 4) небольшія нравоучительныя, сатирическія, историческія и политическія сочиненія и отрывки; 5) разсужденія относительно теоріи Словесности; 6) критическіе разборы образцовыхъ стихотвореній и особенно Васень; 7) Рускіе и иностранныя анекдоты; 8) выписки изъ новѣйшихъ иностранныхъ Журналовъ; 9) извѣстія о новыхъ театральныхъ піесахъ, замѣчанія о игрѣ актеровъ, правила Декламаціи, извлечен-

ныя изъ лучшихъ сочиненій о теоріи сего искусства, анекдоты о славнѣйшихъ иностранныхъ актерахъ и проч; 10) письма къ Издашелю ошъ его Корреспонденшовъ изъ чужихъ краевъ, разныя извѣстія, замѣчанія и ш. п. Многіе изъ лучшихъ нашихъ лишператоровъ обѣщались вспомошествовать своими трудами Издашелю, который употребитъ все стараніе сдѣлать Журналь свой сколь можно занимательнѣе и разнообразнѣе. — Вмѣсто одной книжки, съ Января 1819 года, выходитъ будешъ ежемѣсячно по два нумера: одинъ въ половинѣ, а другой въ концѣ мѣсяца. Каждый таковой нумеръ содержатъ будешъ въ себѣ по крайней мѣрѣ чепыре печашныхъ листа, ш. е. не менѣе 64 страниць въ большую осмушку. Подписка принимается у Издашеля Кол. Сов. *Александра Ефимовита Измайлова*, живущаго на *Пескахъ* противъ *Бассейна*, въ новомъ каменномъ домѣ *Моденова* подъ Но 283, въ Газетной С. П. бурскаго Почтампа Экспедиціи, которая приняла мѣры къ исправному доставленію сего Журнала иногороднымъ подписчикамъ, и у всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцовъ, а въ Москвѣ у *Глазнова*, *Свѣшникова* и *Колотилина*. Цѣна за годовое изданіе, ш. е. за 24 книжки, здѣсь въ С. П. бургѣ на люб. бум. 35, а на простой 30 р. За пересылку въ другіе города прилагается

по 5 р. Можно также подписываться и на полгода, т. е. на первые 12 книжекъ, съ Января по Юль, за половинную прошивъ вышеозначенной цѣну. За доставленіе на домъ платится въ годъ 3, а за полгода 2 р. Для всѣхъ вообще казенныхъ училищъ дѣлается уступка отъ каждаго экземпляра въ годъ по 10 р. Начальники или правленія оныхъ благоволятъ относиться съ требованіями своими къ самому Издателю. Имена подписавшихся особъ будутъ припечатаны.

(31 Декабря.)

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

I. ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывки.

	Спран.
Изъ <i>Ореста</i> , Трагедіи Вольшера	7
— Посланія Ла Гарпа къ Графу А. П. Шувалову	14
— Дидактическаго опыша <i>объ Астро-</i> <i>номіи</i>	129
Синонь (изъ 2 пѣсни <i>Энеиды</i>)	138
Маневры (изъ Посланія)	164
Бардъ надъ могилою Минваны (изъ <i>Ос-</i> <i>сіана</i>)	257

Посланія:

Къ другу моему П...ву	26
— И. М. Ф.	154
— Иличевскому	267

Идилліи:

Тирсисъ	3
Коридонъ	263

Романсы:

Сонъ Мальвины	20
Видѣніе Минваны	22

Пѣсни:

Стран.

Ахъ! при тебѣ мой другъ и проч.	24
Не скажу тебя люблю	25
Къ Лилѣ	160
Къ Сильвіи	161
Клятва	163
Эпиграммы 29, 168,	273
Эпитафія	30
Тріолетъ	29

Слѣсь:

Переводъ Нѣмецкихъ стиховъ, пѣ-
шыхъ воспитанниками ИМПЕРАТОР-
СКАГО Лицея и Благороднаго Пенсіона
при освященіи Евангелической Церкви
въ Царскомъ Сель 13 Октябрия 148

Опомщенный Геркулесь	158
Природа	159
Къ Эмилии	162
Ельвирино поздравленіе самой себя съ новымъ годомъ	260
Розовой цвѣшъ	266
Булеварь	269

ПРОЗА.

Повѣсти:

Онъ любилъ ее болѣе жизни . . . . . 31 и	184
Донъ Фебриласъ	274

Историческіе, Политическіе и Критическіе сочиненія и отрывки:

Стран.

О Пастушеской или Сельской Поэзіи	49
Пушешествіе прошивъ воли	67, 209, 308
Нищіе въ Англии	82
Ошривокъ изъ Историческаго Похвальнаго Слова Кушубову	169
Историческіе ошривки, писанные въ продолженіи кампаніи 1809 года	287

II. С М Ъ С Ъ .

Выписки изъ иностранныхъ журналовъ	90, 228 и 330
Списокъ съ Ноты Императора ПЕТРА I къ Папѣ Клименту XI	106
Ринопластика	97
Анекдоты о Наполеонѣ Бонапарте	224
Учпивый и скромный Кадетъ (анекдотъ)	226
Россійскій анекдотъ	328
Разные анекдоты	344
О Французскомъ акшерѣ Превиль	341
Извѣстіе о новыхъ Рускихъ книгахъ	109 и 243
Извѣстіе о бѣдныхъ сѣмействахъ	121 и 367
Письма къ Издашелою	102, 242, 324
О новыхъ машинахъ на Билимбаевскомъ чугуноплавленномъ заводѣ	365
Отъ Издашеля	368

О П Е Ч А Т К И.

№ VII. Іюль.

Напечатано :

Читай :

стран. строк.

7.	14.	безъ!	безъ
—	18.	разсѣяшь, грусть,	разсѣяшь грусть
20.	13.	Читаешь	Чихаешь
62.	4 и 5.	соснавишь	соснавишь
63.	24.	въ 1772 году	въ 1712 году
80.	3.	<i>Виски</i>	<i>виски</i>
108.	7.	представляшь	преставляешь
—	11.	различныхъ	различныхъ

№ VIII. Августъ.

130.	19.	домъ	долгъ
179.	4.	эпѣхъ	эпихъ
192.	5.	держашся	держашься.
199.	8.	гостя	гостя,
207	15.	въ порубъ	впорубъ
229.	26.	Поиз вѣспіямъ	По извѣспіямъ

№ IX. Сентябрь.

306.	3.	писашелемъ	писашелемъ,
312.	12.	последнія	последніе
321.	25.	провидѣніе Пре- досшавило	Провидѣніе предо- сшавило

Напечатано:

Читай:

спран- спрок.

340. 22. не уступяшь не уступяшь

368. 23. называемое называемое

Въ семь же, Но на спран. 269 вмѣсто
слѣдующаго списка:

О насъ, сударь, провесь поэшовъ очень шрудно
должно чипашь такимъ образомъ:

Дамонъ.

Люблю.

Свистовъ.

О насъ провесь поэшовъ очень шрудно.

№ X. ОКТЯБРЬ.

3.	1.	Чшобъ умоляшь	Чшобъ умоляшь
23.	6.	душа	душа
33.	19.	<i>былѣ</i>	<i>былѣ</i>
48.	8.	Подѣхала	Подѣхала
52.	14.	несоновашель-	несоновашельность
		носшь	
71.	16.	сего споль,	сего, споль
81.	15.	замѣчаніе	замѣчаніе,
—	16.	по,	по
82.	26.	какъ шо	какъ шо:
87.	13.	хуже	еще хуже
98.	28.	der Naze	der Nase
100.	5.	исшоріи	исшоріи

№ XI. НОЯБРЬ.

Напечатано:

Чишай:

страниц. строк.

169.	25.	1818 года Кушу- зовъ	Кушуровъ
175.	5.	съ горстію	съ горстію сы- новъ швоихъ
197.	8.	хадашайшво	ходашайство
212.	8.	Семполно	Семпольно
237.	31.	Наконецъ.	Наконецъ
244.	19.	размышленія, о Моисеѣ;	размышленія; о Мо- исеѣ,
251.	8.	Которыя	которыя

№ XII. ДЕКАБРЬ.

260.	24.	С. П. бурскаго	С. П. бургскаго
266.	13.	рѣзвился.	рѣзвился,
—	19.	обвиваясь	обвиваясь,
275.	6.	Моннегрилло,	Монтегрилло,
287.	4.	голилатья.	галилатья.
291.	26.	ошкрыли	открыли
292.	19.	какъ нибудь	какъ нибудь
299.	2.	прмѣчаю	примѣчаю
302.	9.	исшинное	истинное

